

ISSN 2413-8584

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

e-mail: epb@asu.ru сайт: <http://journal.asu.ru>

2021. № 1

ECONOMICS PROFESSION BUSINESS

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

Научный рецензируемый журнал. Издается с 2014 г. Выпускается 4 раза в год

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

В. В. Мищенко, доктор экономических наук, профессор

Редакционный совет

Е. А. Ан, д-р экон. наук (г. Алматы, Казахстан);
А. М. Асалиев, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
П. А. Ореховский, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
Ю. В. Рагулина, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
В. И. Суслов, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН
(г. Новосибирск);
Сюй Линьши, д-р экон. наук, проф. (г. Харбин, Китай);
В. И. Тинякова, д-р экон. наук, проф. (г. Москва).

Редакционная коллегия

В. И. Беляев, д-р экон. наук, проф.;
С. Н. Бочаров, д-р экон. наук, проф.;
И. Н. Дубина, д-р экон. наук, проф.;
С. В. Лобова, д-р экон. наук, проф.;
С. И. Межов, д-р экон. наук, проф.;
В. Л. Татаринцев, д-р сельскохозяйств. наук, проф.;
Е. Е. Шваков, д-р экон. наук, проф.

ISSN 2413-8584

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № РС77-77154 от 10 декабря 2019.

Индекс в каталоге российской прессы «Почта России» — **П 2848**.

Журнал «Экономика Профессия Бизнес» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций соискание на ученых степеней доктор и кандидат наук по специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в Интернете по адресу: <http://www.elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Все права защищены. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Founder

Federal state budgetary educational institution of higher education “Altai State University”

Editor-in-Chief

V. V. Mishchenko, Prof.

Editorial Council

E. A. An, Prof. (Almaty, Kazakhstan);
A. M. Asaliyev, Prof. (Moscow);
P. A. Orehovskii, Prof. (Moscow);
Yu. V. Ragulina, Prof. (Moscow);
V. I. Suslov, Prof., Corresponding member of RAS (Novosibirsk);
Sui Linshi, Prof. (Harbin, China);
V. I. Tinyakova, Prof. (Moscow).

Editorial Board

V. I. Belyaev, Prof.;
S. N. Bocharov, Prof.;
I. N. Dubina, Prof.;
S. V. Lobova, Prof.;
S. I. Mezhev, Prof.;
V. L. Tatarintsev, Prof.;
E. E. Shvakov, Prof.

The journal is registered in the Federal Service for supervision of communications, information technology and mass media. The Certificate of Registration PI № FS 77-77154 issued on December 10, 2019

The journal “Economics Profession Business” is included in the “List of Russian peer-reviewed scientific journals recommended by the higher attestation Commission of the Ministry of science and higher education of the Russian Federation for the publication the main scientific results of dissertations for the degrees of Doctor and Candidate of Sciences in the specialty 08.00.05 — Economics and National Management of People Economy.

The articles published in the journal are included in the Russian Science Citation Index, available at the Internet address <http://www.elibrary.ru> (Scientific Electronic Library)

All rights reserved. Reference to the journal is required when using any part of the content.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ахметова З. Б., Кожухметова А. К., Асанова А. Д.</i> РОЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ В ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И БИЗНЕСА	5
<i>Бабкина Л. Н., Скотаренко О. В.</i> ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В МАКРОРЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ	11
<i>Беляев В. И., Кузнецова О. В.</i> ЗАНЯТОСТЬ, БЕЗРАБОТИЦА, РЫНОК ТРУДА В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	21
<i>Глотова Н. И.</i> ПРОЕКТНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	30
<i>Капелюк З. А., Попова Я. В.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ТАРИФОВ НА ТРАНСПОРТНЫЕ УСЛУГИ В СТРАНАХ ЕВРОСОЮЗА И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	39
<i>Ковалева И. В., Кудинова М. Г., Кучеренко Т. В.</i> РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЛОКАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	46
<i>Мищенко И. В., Пуричи В. В., Габриелян Э. Э., Лухманова Г. К.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ЕЕ ВКЛАДА В ЭКОНОМИКУ РЕГИОНА	55
<i>Ореховский П. А.</i> ТРАНСАКЦИОННЫЕ ИЗДЕРЖКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗМЕР ПРЕДПРИЯТИЯ И СТРУКТУРУ ЭКОНОМИКИ.....	63
<i>Павленко В. С., Бадриева А. Д., Мусиенко С. О.</i> КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА НА ОСНОВЕ КОРРЕЛЯЦИОННО-РЕГРЕССИОННОГО АНАЛИЗА ВЛИЯНИЯ ДИВИДЕНДНЫХ ВЫПЛАТ НА РЫНОЧНУЮ КАПИТАЛИЗАЦИЮ РОССИЙСКИХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ КАК УСЛОВИЕ ИХ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ	75
<i>Сенченко В. А., Каверзнева Т. Т., Скрипник И. Л., Воронин С. В.</i> ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОТОКА ЦЕННОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРОВЕРКИ ЗНАНИЙ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ ТРУДА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА ПАО «РТК»)	82
<i>Стрижжина И. В., Стрижжина В. Н., Капустян Л. А.</i> К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА НА ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО И МЕСТНОГО БЮДЖЕТА (НА МАТЕРИАЛАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ И Г. БАРНАУЛА).....	90
<i>Титков А. А., Ибраимова С. Ж., Кожевина О. В., Юдинцев А. Ю.</i> СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ИНТЕГРАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ И ПАРТНЕРСТВА В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	95
<i>Троцкий А. Я., Сергиенко А. М., Родионова Л. В., Перекаренко Ю. А., Сундеева М. А.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ.....	108
<i>Усикова О. В., Петрова Н. В., Федорова А. В.</i> ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ ПРИМЕНЕНИЯ РЕСУРСНОГО ПОДХОДА К УПРАВЛЕНИЮ ТВЕРДЫМИ КОММУНАЛЬНЫМИ ОТХОДАМИ (НА МАТЕРИАЛАХ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)	117
<i>Шевчук Н. А., Ивлева А. В.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПАРТИЦИПАТОРНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ	127
Наши авторы	134

CONTENTS

<i>Akhmetova Z. B., Kozhakhmetova A. K., Asanova A. D.</i> THE ROLE OF PROJECT MANAGEMENT IN THE INTEGRATION OF SCIENCE, EDUCATION AND BUSINESS	5
<i>Babkina L. N., Skotareno O. V.</i> EDUCATION SPACE IN MACRO-REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION: STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS.....	11
<i>Belyaev V. I., Kuznetsova O. V.</i> EMPLOYMENT, UNEMPLOYMENT, LABOR MARKET IN THE INSTITUTIONAL STRUCTURE OF SOCIAL AND LABOR RELATIONS	21
<i>Glotova N. I.</i> PROJECT FINANCING OF HOUSING CONSTRUCTION IN RUSSIA: RESULTS AND PROSPECTS.....	30
<i>Kapelyuk Z. A., Popova Y. V.</i> STUDY OF TARIFFS FOR TRANSPORT SERVICES IN THE EUROPEAN UNION COUNTRIES AND THE RUSSIAN FEDERATION	39
<i>Kovaleva I. V., Kudinova M. G., Kucherenko T. V.</i> RURAL DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF IMPROVING LOCAL PRODUCTION SPECIALIZATION: THEORETICAL ASPECT	46
<i>Mishchenko I. V., Purichi V. V., Gabrielyan E. E., Lukhmanova G. K.</i> TOURISM INFRASTRUCTURE IMPROVING AS A PREREQUISITE FOR INCREASING THE CONTRIBUTION OF TOURISM TO THE REGIONAL ECONOMY	55
<i>Orekhovskiy P. A.</i> TRANSACTION COSTS AND THEIR EFFECT ON THE SIZE OF THE ENTERPRISE AND THE STRUCTURE OF THE ECONOMY.....	63
<i>Pavlenko V. S., Badrieva A. D., Musienko S. O.</i> A QUANTITATIVE ASSESSMENT BASED ON CORRELATION-REGRESSIVE ANALYSIS OF THE IMPACT OF DIVIDEND PAYMENTS ON THE MARKET CAPITALIZATION OF RUSSIAN COMPANIES AS A CONDITION OF THEIR INVESTMENT ATTRACTIVENESS	75
<i>Senchenko V. A., Kaverzneva T. T., Skripnik I. L., Voronin S. V.</i> DETERMINING THE VALUE STREAM IN THE PROCESS OF TESTING KNOWLEDGE OF LABOR PROTECTION REQUIREMENTS (ON THE EXAMPLE OF THE VOLGOGRAD BRANCH OF PJSC “RTK”)	82
<i>Strizhkina I. V., Strizhkina V. N., Kapustyan L. A.</i> ON THE IMPACT OF THE TAXATION SYSTEM OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES ON THE FORMATION OF REGIONAL AND LOCAL BUDGETS (BASED ON THE MATERIALS OF THE ALTAI TERRITORY AND BARNaul).....	90
<i>Titkov A. A., Ibraimova S. Zh., Kozhevina O. V., Yudinsev A. Yu.</i> STRATEGIC PRIORITIES FOR INTEGRATION OF THE INTELLECTUAL POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF BUILDING AN INNOVATIVE ECONOMY AND PARTNERSHIP FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT	95
<i>Trotskovskiy A. Ya., Sergienko A. M., Rodionova L. V., Perekarenkova Yu. A., Sundeeva M. A.</i> THE STUDY OF THE TERRITORIAL AND SECTORAL STRUCTURE OF THE RUSSIAN ECONOMY IN THE CONTEXT OF INTERREGIONAL INTEGRATION: TO THE FORMULATION OF THE PROBLEM	108
<i>Usikova O. V., Petrova N. V., Fedorova A. V.</i> ASSESSMENT OF THE PROSPECTS FOR APPLYING THE RESOURCE APPROACH TO SOLID MUNICIPAL WASTE MANAGEMENT (ON THE MATERIALS OF THE NOVOSIBIRSK REGION)	117
<i>Shevchuk N. A., Ivleva A. V.</i> PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF PARTICIPATORY BUDGETING IN THE ALTAI REGION.....	127
Our authors.....	134

РОЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ В ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И БИЗНЕСА

З. Б. Ахметова, А. К. Кожакметова, А. Д. Асанова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

Интеграция науки, образования и бизнеса — это драйвер конкурентоспособности экономики в условиях глобализации и построения эффективной национальной инновационной экосистемы. На сегодняшний день проектный менеджмент считается одним из главных инструментов повышения эффективности проектов коммерциализации, которые являются результатом успешной интеграции. Цель исследования заключается в оценке взаимосвязи процессов проектного менеджмента и показателей эффективности интеграции науки, образования и бизнеса в лице проектов коммерциализации. Результаты исследования позволили обнаружить, что интенсивное использование вышеуказанных процессов повышает эффективность проектов. Более того, были выявлены критические процессы, которые положительно влияют на сроки и стоимость проектов коммерциализации. Интеграция науки, образования и бизнеса выступает действенным инструментом устойчивого развития и конкурентоспособности государств в условиях глобализации и становления экономики, основанной на знаниях и построении эффективной национальной инновационной экосистемы.

Ключевые слова: управление проектами, проекты коммерциализации, интеграция науки и бизнеса, эффективность проекта.

THE ROLE OF PROJECT MANAGEMENT IN THE INTEGRATION OF SCIENCE, EDUCATION AND BUSINESS

Z. B. Akhmetova, A. K. Kozhakhmetova, A. D. Asanova

Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

Integration of science, education and business is a driver of economic competitiveness in the context of globalization and building an effective national innovation ecosystem. Project management is considered one of the main tools for improving the efficiency of commercialization projects that are the result of successful integration. The study aims to assess the relationship between project management and performance indicators of integration of science, education and business in the face of commercialization projects. The results of the study revealed that intensive use of the above processes increases the efficiency of projects. Moreover, critical processes were identified that positively affect the timing and cost of commercialization projects. Integration of science, education and business is an effective tool for sustainable development and competitiveness of States in the context of globalization and the formation of a knowledge-based economy and the construction of an effective national innovation ecosystem.

Keywords: project management, commercialization projects, integration of science and business, project efficiency.

Введение. Технологический прогресс на протяжении веков и быстро меняющиеся условия мировой экономики подпитываются прогрессом в науке, который может обеспечить новые технологические достижения [1]. Техно-

логический прогресс меняет бизнес и общество, что, в свою очередь, порождает новые потребности, требуя новых технологических решений [2]. Поэтому важно идти в ногу с меняющимся временем, которое требует одновременного рассмотрения науки,

образования и бизнеса. Все более важным становится сотрудничество исследовательских институтов и представителей бизнеса. Это база для создания мощных научных и бизнес-платформ, которые становятся локомотивом экономического развития [3]. Более того, это особенно важно для стран с развивающейся экономикой, где часто применяется стратегия наверстывания отставания в области технологий [4]. При такой стратегии жизненно важно наладить достаточное взаимодействие между исследовательскими институтами и отраслями промышленности [5].

Интеграция науки, образования и бизнеса предлагает уникальный контекст для обмена знаниями, навыками и передовым опытом [6] и обеспечивает превосходную производительность для всех сторон [7]. Это вызывает интерес к данной теме, особенно помимо способов интеграции и факторов, которые на нее влияют. В данном исследовании организационная поддержка рассматривается как фактор, влияющий на интеграцию науки, образования и бизнеса, выраженный в проектах коммерциализации. Такие проекты связывают научно-исследовательские институты с предприятиями, где интеграция сторон происходит в результате проекта коммерциализации. Таким образом, данное исследование основано на принципах управления проектами.

Существующая литература по интеграции науки и бизнеса посредством управления проектами обширна [8–12]. Но стоит отметить, что организационная поддержка положительно влияет на эффективность проекта коммерциализации [13–15]. Более того, организационная поддержка часто рассматривается как один из факторов успеха проекта. Это означает, что чем больше в организациях практикуются процессы высшего управления, тем выше уровень успеха проекта [16]. Также важно определить наиболее эффективные процессы поддержки различных проектов, объединяющих науку и бизнес. Таким образом, исследование сосредоточено на оценке взаимосвязи между процессами управления проектами и аспектами эффективности проекта коммерциализации. Оригинальность данного исследования заключается в рассмотрении интеграции науки и бизнеса с точки зрения проектов коммерциализации.

Соответственно, это исследование пытается ответить на следующие вопросы:

1. Какова роль проектного менеджмента (ПМ) в интеграции науки и бизнеса?

2. Каковы особенности взаимоотношений между процессами управления проектами и проектами из различных отраслей в странах с развивающейся экономикой, таких как Казахстан?

3. Какие важнейшие процессы управления проектами влияют на эффективность проектов коммерциализации, объединяющих науку и бизнес?

Чтобы ответить на эти вопросы, в работе исследуется интенсивность использования процессов организационной поддержки и проектов коммерциализации, которые объединяют науку и бизнес. Другими словами, целью данной статьи является определение критических процессов управления проектами, которые влияют на эффективность проекта коммерциализации. Следует понимать, какой практический вклад в процесс управления проектами вносит эффективное управление проектами коммерциализации.

Во-первых, в рамках исследования проводится обзор литературы, который определяет теоретические основы интеграции науки и бизнеса; анализируется существующее разнообразие практик управления проектами; обсуждаются аспекты эффективности проекта коммерциализации. Во-вторых, была построена модель для оценки взаимосвязи между ПМ и эффективностью проекта коммерциализации. Собранные данные позволяют обсудить выводы и результаты исследования. Отмечены ограничения исследования. В заключительном разделе резюмируются основные результаты и рекомендации.

Научно-публикационный обзор. Интеграция науки, образования и бизнеса становится решающим фактором развития и роста конкурентоспособности национальной экономики и включает в себя развитие международного сотрудничества глобальной информационной среды и использование различных инновационных технологий [17]. Как Д. С. Оу и другие [18] утверждают, что интеграция двух обсуждаемых сторон часто рассматривается как две отдельные экосистемы — экосистема знаний и экосистема бизнеса. А. Лау [17] поддерживает их точку зрения и считает, что при исследовании в рамках интеграции науки и бизнеса есть также два отдельных, но связанных компонента — создание научных знаний для общественных благ и производство результатов технологических знаний.

Исторический пример сотрудничества науки и бизнеса был представлен Н. Фусфельдом [12]. Он рассматривает первое сотрудничество европейских и североамериканских компаний с университетами и исследовательскими институтами в области производства высокотехнологичной продукции. Автор обнаружил, что сотрудничество приносит больше преимуществ для всех сторон и помогает установить капитализм в Европе и Северной Америке. Н. Фусфельд анализирует сотрудничество бизнеса с первым исследовательским и образовательным центром в начале 20 века. Он дока-

зывает высокую эффективность интеграции науки и бизнеса.

Первыми формами интеграции науки и бизнеса были американские центры совместных исследований, созданные в начале 70-х годов [19]. Основной задачей этих центров было управление совместной работой исследовательских университетов и промышленных предприятий, где это партнерство привело к разработке и реализации совместных исследовательских проектов, что включает дублирование в решении фундаментальных научных и инженерных проблем, как заявляют В. Богомолов и И. Егоршев.

Большинство ученых по-разному интерпретируют отношения между наукой и бизнесом и добавляют к этому взаимодействию образование. Потому что в современном обществе возрастающее значение науки и образования и их связь с отраслью зависят от интенсификации и результатов исследований, повышения качества образования и научно-технического персонала, коммерциализации исследований, увеличения числа молодых людей в области исследований и разработок [20]. Они утверждают, что первым шагом в интеграции образования, науки и бизнеса является создание коммуникативного пространства, играющего главную роль в современном обществе.

Кроме того, Брокхоф и другие представили исследование, в котором основное внимание уделяется сравнению различных моделей интеграции науки, образования и бизнеса, созданных в Европе, Азии и Северной Америке. Авторы утверждают, что интеграция указанных компонентов без участия государства будет неудачной.

В настоящее время обсуждается еще один уровень интеграции науки и бизнеса [21]. Авторы заявляют, что только развитые европейские страны и США достигают наивысшего уровня интеграции, для чего развитие исследований в высших учебных заведениях и их внедрение в производство совместно с ведущими исследовательскими центрами мира является приоритетным. Исследователи рассматривают различные подходы к управлению структурами бизнеса и науки на региональном уровне: концептуальная модель управления развитием науки, информационно-аналитическая модель взаимодействия между научными учреждениями и компаниями региона.

Один из интересных моментов состоит в том, что для успеха нового предприятия предприниматели должны скоординированно работать с научными институтами. Из всех возможных вариантов научные парки могут предоставить только такой механизм для бизнеса. Предлагается несколько подходов к интеграции путем создания специальных научных парков путем изучения зоны высо-

ких технологий в Китае, разработанной как научный парк. Они проанализировали инкубационный и синергетический эффект науки и бизнеса, а также эффект кластера. Результаты моделирования показывают, что совместная работа научно-исследовательских институтов и предприятий способствует развитию и процветанию обеих сторон.

Другая группа авторов сосредотачивается на исследовании различных факторов, влияющих на интеграцию науки и бизнеса. Например, М. Лескевика оценивает роль латвийской диаспоры в интеграции науки и бизнеса и разрабатывают модель на основе результатов опроса, проведенного с латвийскими диаспорами в мире. Цель их исследования изложена в разработке модели содействия сотрудничеству между высшими учебными заведениями и наукой, представителями бизнеса и общества. Наконец, их модель показывает возможные типы и методологические подходы к сотрудничеству. Кроме того, С Баттистелла предлагает экосистемный подход, при котором наука и бизнес рассматриваются как части сложной системы, в которой задействовано множество инфраструктурных субъектов. По его словам, это могут быть фирмы, правительства, научные парки, университеты. Автор оценивает влияние элементов экосистемы на зрелость интеграции науки и бизнеса.

Таким образом, становится ясно, что в научной литературе по этой теме меньше внимания уделяется тому, как оценивать эффективность интеграции науки и бизнеса, как развивать эту интеграцию через управление проектами. Поэтому в исследовании обсуждаются теоретические основы организационной поддержки с точки зрения управления проектами [22].

Повышенное восприятие поддержки сотрудников предполагает их высокую приверженность организации. Многие авторы подчеркивают роль управления проектами (далее — УП) в их выполнении. Однако не хватает литературы, посвященной исследованию роли эффективных методов управления проектами, имеющих отношение к интеграции науки и бизнеса. Поэтому, как указывает многие, литература по поддержке УП, относящаяся к реализации проекта, должна быть расширена за счет рассмотрения дополнительных направлений. О. Цвикаэль поддерживает эту идею и утверждает, что исключительные характеристики проекта, такие как его стратегический характер, более короткая продолжительность и меньший размер команды, требуют определения уникальных методов организационной поддержки.

Более того, процессы управления проектами зачастую заявляются как способствующие успеху проекта и другими авторами. Они также предпола-

гают, что уровень организационной поддержки может варьироваться в зависимости от отрасли. Чтобы в этом убедиться, мы решили сравнить качество организационной поддержки в интегрированных проектах с проектами из разных отраслей.

Методология и исследование. Дизайн исследования разработан для оценки взаимосвязи ин-

струментов проектного менеджмента и параметров эффективности проектов коммерциализации. В качестве независимой переменной выступают процессы, которые применяются в управлении проектами. Зависимой переменной является эффективность проекта. Модель исследования представлена на рисунке 1.

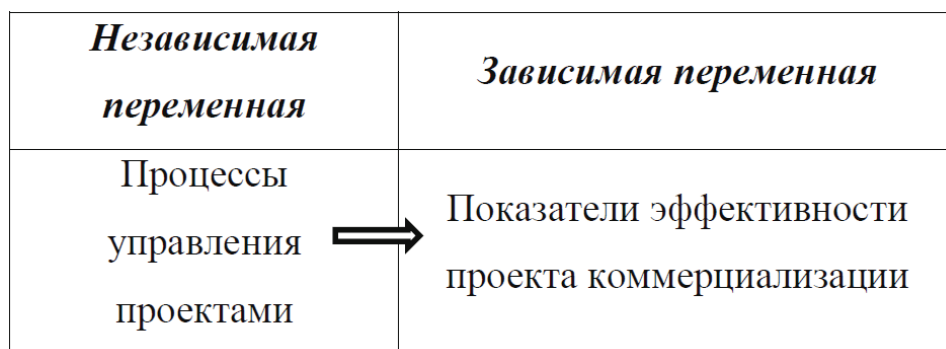

Рис. 1. Модель исследования

Для построения данной модели был проведен опрос среди руководителей проектов коммерциализации в Республике Казахстан в течение 2019–2020 гг. Руководители отвечали на вопросы об интенсивности использования процессов проектного менеджмента и о показателях эффективности их проектов.

Опрос состоит из двух частей. Сначала руководителей проектов спросили об интенсивности использования 17 процессов проектного менеджмента. Интенсивность использования этих процессов измерялась по шкале Лайкерта от 1 до 5 [23]. Во-вторых, руководители проектов оценивали та-

кие параметры эффективности проекта, как сроки и стоимость проекта. Исследование измеряет оба параметра в процентах отклонения от запланированных показателей. Тем самым было установлено, насколько фактические затраты и сроки отличаются от запланированных затрат и графика в процентах.

Обсуждения и результаты. В ходе исследования сравнивалась интенсивность использования процессов проектного менеджмента, а затем эффективность проектов коммерциализации [24]. По итогам расчетов следующие процессы оказались критически важными для проектов коммерциализации (табл. 1).

Таблица 1

Критические процессы для проектов коммерциализации

№	Organizational support processes	Проекты коммерциализации	P-value
1	Степень поддержки организационной структуры проекта	3.8	0.001**
2	Коммуникация между руководителем проекта и организацией на этапе планирования	4.0	0.001**
3	Участие проектного офиса	3.3	0.001**
4	Наличие интерактивных межведомственных групп планирования проектов	2.9	0.009*
5	Назначение руководителя проекта	3.8	0.011*
6	Управление качеством	2.9	0.012*
7	Степень использования хранилища данных организационных проектов	2.5	0.025*

Примечание. * $P \leq 0.05$, ** $P \leq 0.001$ существенная взаимосвязь

Как следует из таблицы 1, существует 7 критических процессов организационного обеспечения интеграционных проектов. Их высокое значение P-value показывает достаточное влияние на пара-

метры эффективности. Таким образом, степень поддержки организационной структуры проекта (3,8), назначение руководителя проекта (3,8), тесные отношения организации с руководителем проек-

та и проектным офисом (3.3) существенно влияют на эффективность проекта. Каждый из этих процессов должен поддерживаться с помощью конкретных инструментов и методов управления проектами.

Результаты оценки эффективности проекта позволят уточнить его зависимость от качества организационного обеспечения. Данные показатели эффективности проекта представлены на рисунке 2.

Рис. 2. Оценка эффективности проектов коммерциализации

Несмотря на сложность управления коммерциализацией научных разработок, проекты коммерциализации показывают хороший результат при перерасходе к контролю затрат (15%) и сроков (11%) [25]. Эти интересные находки объясняются высоким качеством организационного обеспечения и использования инструментов проектного менеджмента. Основными управленческими органами, занимающимися реализацией проектов коммерциализации, являются научные организации, научно-исследовательские институты, проектные организации и представители бизнеса, которые недалеко ушли от практики управления проектами. Более того, большинство перечисленных выше организаций являются проектно-ориентированными.

Заключение. Результаты исследования показывают, что менеджеры, осуществляющие проекты

коммерциализации, должны обращать внимание на выявленные критические процессы организационного обеспечения и использовать соответствующие инструменты управления проектами при реализации проектов. Это, в свою очередь, поможет руководителям целенаправленно управлять своими проектами, используя конкретные процессы организационной поддержки, которые существенно влияют на их эффективность. Руководители проектов могут использовать оцененные критические процессы для повышения эффективности своих проектов [26–28].

Итак, выявленные процессы помогают выстроить алгоритм инструментов для управления проектами коммерциализации. Все эти процессы являются компонентами областей знаний управления проектами, которые имеют собственные инструменты и методы, описанные в руководстве PMBOK.

REFERENCES

1. Ambekar S., Hudnurkar M. Factorial structure for six sigma project barriers in Indian manufacturing and service industries // TQM J. 2017. Vol. 29 (5). Pp. 744–759.
2. Battistella C., Colucci K., De Toni A. F., Nonino F. Methodology of business ecosystems network analysis: a case study in Telecom Italia Future Centre // Technol. Forecast. Soc. Chang. 2013. Vol. 80 (6). Pp. 1194–1210.
3. Besner C., Hobbs B. Project management practice, generic or contextual: a reality check // Project Management Journal. 2008. Vol. 39. No. 1. Pp. 16–33.
4. Bogomolov V. A., Egorshv I. M. Nauchnye parki i tehnopolisy v razvityh kapitalisticheskikh stranah [Scientific parks and technopolises in the developed capitalist countries // Outcomes of science and technology. 1991. Vol. 13. Pp. 142–177. (in Russian)

5. Brockhoff K., Chakraberti A. K., Hauschildt J. The Dynamics of Innovation: strategic and managerial implications. Heidelberg, 1999.
6. Chen C. J. Technology commercialization, incubator and venture capital, and new venture performance // *J. Bus. Res.* 2009. Vol. 62 (1). Pp. 93–103.
7. Chih Y., Zwikael O. Project benefit management: a conceptual framework of target benefit formulation // *Int. J. Proj. Manag.* 2015. Vol. 33 (1). Pp. 352–362.
8. Cui Y., Jiao J., Jiao H. Technological innovation in Brazil, Russia, India, China, and South Africa (BRICS): an organizational ecology perspective // *Technol. Forecast. Soc. Chang.* 2016. Vol. 107. Pp. 28–36. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.02.001.
9. Drouin N., Bourgault M., Gervais C. Effects of organizational support on components of virtual project teams // *Int. J. Manag. Proj. Bus.* 2010. Vol. 3 (4). Pp. 625–641.
10. Fan Y. Research on factors influencing an individual's behavior of energy management: a field study in China // *J. Manag. An.* 2017. Vol. 4 (3). Pp. 203–239. DOI: 10.1080/23270012.2017.1310000.
11. Fetschenko V., Shadob E., Katkow Yu., Shchelikova N., Glushak N. Worldwide trends in the development of education and academic research // *Procedia — Social and Behavioral Sciences.* 2015. T. 214. Pp. 243–251.
12. Fuschfeld H. I. Industrial Research — Where it's Been, Where It's Going, Guide // *Research Technology Management. Review of the industrial research process.* 1995. Vol. 38 (4). Pp. 23–32.
13. He Z., Lim K., Wong P. Entry and competitive dynamics in the mobile telecommunications market // *Res. Policy.* 2006. Vol. 35 (8). Pp. 1147–1165.
14. Johnson J., Karen D., Boucher K. C., Robinson J. The criteria for success // *Software Magazine.* 2001. Vol. 21. No. 1. Pp. 3–11.
15. Kaplan A. W. From passive to active about solar electricity: innovation decisions process and photovoltaic interest generation // *Technovation.* 1999. Vol. 19 (8). Pp. 467–481.
16. Kartashova A., Shirko T., Khomenko I., Naumova L. Educational Activity of National Research Universities as a Basis for Integration of Science, Education and Industry in Regional Research and Educational Complexes // *Procedia Computer Science.* 2019. T. 149. Pp. 483–490.
17. Lau A. K. W., Lo W. Regional innovation system, absorptive capacity and innovation performance: an empirical study // *Technol. Forecast. Soc. Chang.* 2015. Vol. 92. Pp. 99–114. DOI: 10.1016/j.techfore.2014.11.005.
18. Oh D. S., Phillips F., Park S., Lee E. Innovation ecosystems: a critical examination // *Technovation.* 2014. Vol. 54. Pp. 1–6. DOI: 10.1016/j.technovation.2016.02.004.
19. Lescevicaa M., Zamuelea A., Zakea M., Jirgensonsa J. Minimizing migration: Modeling of Latvian diaspora's involvement in cooperation with education and science, and governmental institutions, businesses and society // *Procedia Computer Science.* 2019. T. 149. Pp. 483–490.
20. McManus J. Risk Management in Software Development Projects. Oxford, 2004.
21. Phillips F., Chang J., Su Y.-S. When do efficiency and flexibility determine firm performance? A simulation study // *J. Innov. Knowl.* 2018. Vol. 2. Pp. 221–234. DOI: 10.1016/j.jik.2017.12.003
22. Venkataraman S. Regional transformation through technological entrepreneurship // *J. Bus. Ventur.* 2004. Vol. 19 (1). Pp. 153–167. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2003.04.001.
23. Walsh S. T., Kirchoff B. A., Newbert S. Differentiating market strategies for disruptive technologies // *IEEE Trans. Eng. Manag.* 2002. Vol. 49 (4). Pp. 341–351.
24. Xie K., Song Y., Zhang W., Hao J., Liu Z., Chen Y. Technological entrepreneurship in science parks: A case study of Wuhan Donghu High-Tech Zone. *Technological Forecasting and Social Change*, 2018. DOI: 10.1016/j.techfore.2018.01.021.
25. Zhang G., Zhou J. The effects of forward and reverse engineering on firm innovation performance in the stages of technology catch-up: an empirical study of China // *Technol. Forecast. Soc. Chang.* Vol. 2016. T. 104. Pp. 212–222. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.01.010.
26. Zhidebekkyzy A., Kupeshova S., Yesmurzayeva A. Project management in nanotechnology: A systematic literature review // *Montenegrin Journal of Economics.* 2019. 15 (3). Pp. 227–244.
27. Zwikael O. Top management involvement in project management — exclusive support practices for different project scenarios // *International Journal of Managing Projects in Business.* 2008. Vol. 1. No. 3. Pp. 387–403.
28. Zwikael O., Meredith J. Effective organizational support practices for setting target benefits in the project front end // *International Journal of Project Management.* 2019. Vol. 37. Pp. 930–939.

Поступила в редакцию: 14.12.2020.

Принята к печати: 12.01.2021.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В МАКРОРЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Л. Н. Бабкина¹, О. В. Скотаренко^{2,3}

¹Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург, Россия)

²Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Россия)

³Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева (Санкт-Петербург, Россия)

В статье определены характеристики состояния всех ступеней образования (дошкольного, школьного, начального, среднего и высшего) в макрорегионах Российской Федерации с целью определения диспропорций развития этих ступеней и возможности создания пропорционального единого образовательного пространства на территории всей Российской Федерации. Основой для создания такого пространства служат федеральные проекты, которые направлены на реализацию национального проекта «Образование» и в перспективе будут способствовать дальнейшему формированию конкурентоспособной национальной экономики нового поколения — знаниеёмкой.

В качестве основного метода исследования был применен сравнительный анализ удельных показателей, а информационной базой послужили данные ежегодной государственной статистической отчетности по регионам Российской Федерации.

Выявленные неравномерности и непропорциональности развития ступеней образования позволяют сформулировать стратегические цели, критерии их реализации и планы текущих конкретных мероприятий по увеличению пропорциональности и уменьшению неравномерности развития образовательной среды в макрорегионах Российской Федерации.

Ключевые слова: макрорегион, образовательное пространство, пропорция, диспропорция, национальный проект, ступени образования, знаниеёмкая экономика.

EDUCATION SPACE IN MACRO-REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION: STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

L. N. Babkina¹, O. V. Skotarenko^{2,3}

¹North-West Institute of Management – Branch of RANEP (St. Petersburg, Russia)

²Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russia)

³Military Academy of Logistics (St. Petersburg, Russia)

The article defines characteristics of the state at all levels of education — preschool, school, primary, secondary and tertiary education in regions of Russia with the purpose of determining imbalances of these levels and the possibility of creating a proportional to a unified educational space on the territory of the Russia. The basis for creating such a space is federal projects that are aimed at implementing the national project «Education» and in the future will contribute to the further formation of a competitive national economy of a new generation — knowledge-intensive.

The main research method was a comparative analysis of specific indicators, and the information base was the data of the annual state statistical reports for the regions of the Russia.

The identified irregularity and disproportionate development of the levels of education allow to formulate the strategic goals, performance standards, and plans of specific measures to increase proportionality and reduce the uneven development of the educational environment in the regions of Russia.

Keywords: macroregion, educational space, proportion, disparity, national project, levels of education, knowledge-intensive economy.

Все индустриальное общество второго поколения, которое является стадией развития материального производства и следует после стадии существования экономики сервисного типа, характеризуется следующими признаками: высокая знаниеинтенсивность технологий; расширенное производство знаниеёмкого продукта во всех отраслях и сферах деятельности; непрерывность создания и внедрения новаций; высокая степень интеграции производства, науки и образования [1–5].

Поскольку информационной базой для сравнительного анализа явились данные ежегодной государственной статистической отчетности, были выбраны показатели, отражающие состояние населения как демографической макросреды и такой части культурной макросреды, как образование [6]. Количественные абсолютные показатели разделов 1 «Население» и 5 «Образование» были использованы для получения относительных — удельных показателей, сравнение которых позволило провести анализ состояния характеристик образовательного пространства в таких макрорегионах, как Центральный, Северо-Западный, Южный, Северо-Кавказский, Приволжский, Уральский, Сибирский и Дальневосточный. Основным принципом, который выбран для определения состояния образовательной среды, — это принцип пропорциональности [7, 8].

Так, население Российской Федерации, принятое за 100 процентов, в 2018 г. было распределено следующим образом: 26,83% от общей численности населения Российской Федерации составило население Центрального макрорегиона; 9,52% — Северо-Западного; 11,21% — Южного; 6,72% — Северо-Кавказского; 20,03% — Приволжского; 8,41% — Уральского; 11,7% — Сибирского; 5,58% — Дальневосточного. Следовательно, самый крупный Центральный регион, доля которого в 4,81 раза больше минимальной доли населения Дальневосточного региона; в 1,34 раза больше доли населения Приволжского макрорегиона, величину, которую можно условно считать средней. Два макрорегиона — Сибирский и Южный — обладают примерно одинаковой долей, меньшей, чем доля Центрального федерального округа, в 2,29 и 2,39 раза соответственно. Доли населения Северо-Западного, Уральского и Северо-Кавказского макрорегионов, соответственно, в 2,82 раза, 3,19 раза и в 3,99 раза меньше доли населения, проживающего в Центральном федеральном округе. Такие пропорции можно принять за базовые.

Следующий показатель — среднегодовая численность занятых (в экономике), доля этого показателя по отношению к численности населения Российской Федерации составила 48,75%. Данная величина отражает среднюю позицию по всей тер-

ритории страны. Выше этой величины доля среднегодовой численности занятого населения наблюдалась лишь в Центральном (53,83%), Уральском (51,44%) и Дальневосточном (49,22%) макрорегионах. В трех макрорегионах — Приволжском, Сибирском и Южном — доли занятого населения составили 46,55; 45,73 и 45,28%. И самая маленькая доля среднегодовой численности занятых от общей численности населения в Северо-Кавказском регионе — 39,66%. Следовательно, отношение максимальной доли занятого населения от общей численности к минимальной составила 1,36 раза (53,83%: 39,66%).

Расчет третьего показателя — доли макрорегионов в среднегодовой численности занятых в Российской Федерации — показал, что максимальную долю в 29,6% занимал Центральный макрорегион. Примерно одинаковые минимальные доли в 5,6 и 5,5% принадлежали, соответственно, Дальневосточному и Северо-Кавказскому регионам. Эти доли в 5,29 и 5,38 раза меньше доли Центрального макрорегиона. Таким образом, разрыв между максимальной и минимальной величинами еще больше увеличился — с 4,81 до 5,382 раза. Доли больше 10% принадлежали Приволжскому, Сибирскому и Южному федеральным округам в таких величинах, как 19,1; 11,0; 10,4%. Отношения этих величин к максимальной доле Центрального макрорегиона составили 1,55; 2,63; 2,85 раза. И меньше 10% занимают доли среднегодовой численности занятых от общей численности занятых в Северо-Западном и Уральском макрорегионах — 9,9 и 8,9%. Отношения этих величин к максимальной доле составили 3 и 3,33 раза.

Сравнение долей численности населения каждого региона в общей численности населения Российской Федерации и долей среднегодовой численности занятых в каждом регионе в среднегодовой численности занятых во всей Российской Федерации показало, что все макрорегионы можно разделить на четыре группы.

В первую группу включим те, в которых доля среднегодовой численности занятых (в экономике) выше доли численности населения. К ним относятся Центральный, в котором превышение этой доли составила 2,77 процентных пункта. Северо-Западный, Уральский и Дальневосточный макрорегионы можно отнести ко второй группе, в которой превышения величин составляют менее одного процентного пункта, то есть 0,38; 0,49 и 0,02 процентных пункта, соответственно. И третью группу составили Южный, Приволжский и Сибирский макрорегионы, в которых доля среднегодовой численности занятых (в экономике) ниже доли численности населения менее одного процентного пункта на соответствующие величины, равные 0,81; 0,93;

0,7. Четвертую группу составляет Северо-Кавказский регион, в котором наблюдалось наиболее существенное отклонение более одного процентного пункта, равное 1,22 процентных пункта. Таким образом, можно сделать вывод о том, что только в двух макрорегионах из восьми наблюдается отклонение на величину более одного процентного пункта, а в шести макрорегионах соблюдается пропорциональность.

Состояние образовательной среды будем характеризовать на трех ступенях образовательной среды. Первая ступень — дошкольное образование, вторая — школьное образование, третья, четвертая и пятая ступени — начальное, среднее профессиональное и высшее образование.

Анализ состояния первой ступени образовательной среды начнем с определения следующих характеристик: доля численности воспитанников в дошкольных образовательных организациях в каждом макрорегионе в общей численности таких воспитанников в Российской Федерации; удельный вес численности воспитанников в дошкольных образовательных организациях в численности населения в макрорегионе. Так, максимальная доля численности воспитанников от их общей численности в РФ в 2018 г., равная 23,04%, наблюдалась в Приволжском макрорегионе. Минимальный удельный вес этой категории населения, равный 5,68%, был в Северо-Кавказском федеральном округе, что в 4,1 раза меньше, чем в макрорегионе, занявшем первое место. Центральный макрорегион занимает 19,2%, Сибирский — 12,82%, Уральский — 11,43%, у Южного и Северо-Западного макрорегионов примерно одинаковая доля в 10,77 и 10,71% соответственно. И предпоследнее место занимает Дальневосточный федеральный округ, в котором доля численности воспитанников в дошкольных образовательных организациях равнялась 6,43% от общей их численности в Российской Федерации.

Сравнение долей (удельных весов) численности населения и численности воспитанников в дошкольных образовательных учреждениях, а также такой показатель как «Валовый коэффициент охвата дошкольным образованием, процент от численности детей в возрасте от 1–6 лет» показывает, что первые места занимают Северо-Западный и Уральский федеральные округа с коэффициентами охвата 76 и 75,9% соответственно. Позиции этих макрорегионов выше средней, которую занимает Российской Федерации в целом (67,2%) на 8,8 и 8,7 процентных пункта. Позицию выше средней по РФ также занимает Приволжский макрорегион (72,1%) на 4,9 процентных пункта. Среднюю позицию занимает Южный макрорегион (67,2). Ниже средней позиции находятся позиции Цен-

трального, Сибирского и Дальневосточного регионов с валовыми коэффициентами, равными 66,5, 66,2 и 66,3%. Отклонения этих показателей от средней позиции составляют величины, равные 0,7; 1 и 0,9 процентных пункта. И самую низкую позицию с минимальным валовым коэффициентом занимает Северо-Кавказский федеральный округ, в котором исследуемый показатель равен 46,5%, что в 1,63 раза меньше показателя Северо-Западного региона, а отклонение составляет 29,5 процентных пункта. Отклонение от средней позиции равняется 20,7 процентным пунктам.

Такой рассчитанный нами показатель, как удельный вес численности воспитанников в дошкольных образовательных учреждениях в процентах от численности населения в каждом регионе, показал, что наибольший удельный вес в 2018 г. наблюдался в Уральском макрорегионе (6,19%). А наименьший — в Центральном — 3,24%, что в 1,91 раза меньше, чем в макрорегионе-лидере. Позиции выше средней, равной 4,55%, принадлежат четырем макрорегионам — Дальневосточному (5,25%), Приволжскому (5,24%), Северо-Западному (5,12%) и Сибирскому (4,99%). Позицию ниже средней занимает Северо-Кавказский макрорегион с удельным весом численности воспитанников, равным 3,85%, которая отличается от наименьшей позиции Центрального федерального округа на 0,61 процентных пункта.

Сравнительный анализ такого показателя, как рассчитанный нами «удельный вес численности воспитанников в дошкольных образовательных организациях» по регионам в общей численности этой категории населения РФ с показателем «удельный вес (доля) населения в общей численности населения РФ» позволил сделать выводы о том, что наибольшее отклонение в пропорциях наблюдается в Центральном макрорегионе, в котором удельный вес численности воспитанников в дошкольных образовательных организациях меньше удельного веса численности населения в 1,4 раза или на 7,71 процентных пункта. Превышение удельного веса численности воспитанников в дошкольных организациях над удельным весом численности населения в регионах более чем на один процентный пункт отмечалось в Уральском (3,02), Приволжском (3,01), Северо-Западном (1,19) и Сибирском (1,12) федеральных округах. Отрицательное отклонение на величину чуть более одного процентного пункта существовало в Северо-Кавказском федеральном округе (–1,04) и незначительное (–0,44) в Южном федеральном округе. Такое сравнение пропорций показывает неравномерность развития дошкольного образования в макрорегионах РФ, зависит в том числе и от демографической ситуации, требует разработ-

ки дополнительных целей и конкретных мероприятий в пределах национального проекта «Образование», поскольку дошкольное образование можно считать первой ступенью всего образования и создания равномерного образовательного пространства на территории РФ.

Следующая группа показателей характеризует состояние второй ступени — школьного образования. В эту группу входят такие рассчитанные нами показатели, как удельный вес численности обучающихся по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования в каждом макрорегионе в общей численности обучающихся по этим программам в Российской Федерации; удельный вес численности обучающихся по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования в численности населения макрорегиона; удельный вес численности обучающихся, получивших аттестат об основном общем образовании в каждом макрорегионе от численности обучающихся, получивших аттестат об этом образовании в РФ; удельный вес численности обучающихся, получивших аттестат об основном общем образовании в численности обучающихся по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования в каждом регионе; удельный вес численности обучающихся, получивших аттестат о среднем общем образовании в каждом макрорегионе, в численности таких обучающихся в РФ; удельный вес численности обучающихся, получивших аттестат о среднем общем образовании, в численности обучающихся по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования в каждом макрорегионе.

Анализ позиций макрорегионов по показателю удельный вес обучающихся по образовательным программам начального, основного и среднего образования в численности таких обучающихся в Российской Федерации в целом показал, что максимальный удельный вес наблюдался в Центральном федеральном округе (23,65%), а минимальный — в Дальневосточном макрорегионе (6,38%), что в 3,71 раза меньше, хотя разница в удельных весах численности населения составляет 4,81 раза. Остальные макрорегионы по этому показателю распределились по мере уменьшения их удельного веса: Приволжский (19,79%); Сибирский (12,93), Южный (11,19%), Уральский (9,24%), Северо-Западный (8,78%) и Северо-Кавказский (8,04%).

Второй показатель — удельный вес численности обучающихся по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования в численности населения макрорегиона показал, что максимальная доля в 13,15% принад-

лежит Северо-Кавказскому федеральному округу, а минимальная в 9,69% — Центральному федеральному округу, что отражает демографическую ситуацию. Разница составляет 1,357 раза, или 3,46 процентных пункта. Среднюю позицию занимают Южный (10,97%) и Приволжский (10,86%) макрорегионы, позиции выше средней принадлежат трем регионам — Дальневосточному, Сибирскому и Уральскому с величинами показателя, равными 12,57; 12,15; 12,07%. И позицию ниже средней, приближающуюся к минимальной, занимает Северо-Западный макрорегион с величиной показателя 10,15%.

Таким образом, отклонения удельных весов численности населения от удельных весов численности обучающихся по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования в каждом макрорегионе позволили распределить макрорегионы по группам. В первую группу макрорегионов с положительными отклонениями удельного веса численности обучающихся от удельного веса численности населения более одного процентного пункта вошли Дальневосточный (+6,99), Северо-Кавказский (+6,43), Уральский (+3,66). Во вторую группу регионов с незначительными отклонениями менее одного процентного пункта как с положительными, так и отрицательными отклонениями вошли Северо-Западный (+0,63), Сибирский (+0,45), Южный (-0,24). В третьей группе — регионы, которые отличаются отрицательными отклонениями — Центральный (-17,14), Приволжский (-9,17). Следовательно, только в трех макрорегионах из восьми существует пропорциональное численности населения развитие второй образовательной среды.

Третий, четвертый, пятый и шестой показатели свидетельствуют о качестве образовательной среды и возможности развития ее на следующих ступенях — третьей, четвертой и пятой.

Так, удельный вес численности обучающихся, получивших аттестат об основном общем образовании каждого макрорегиона, в численности таких обучающихся во всей Российской Федерации в целом вполне адекватен величинам показателя — удельный вес численности обучающихся по образовательным программам начального, основного и общего среднего образования. Разница в положительную или отрицательную сторону составляет не более одного процентного пункта. Например, удельный вес численности обучающихся по образовательным программам больше удельного веса численности обучающихся, получивших аттестат об основном общем образовании, в процентных пунктах отмечен в следующих макрорегионах: Центральный (0,1), Северо-Кавказский (0,26), Уральский (0,14) и Сибирский (0,42). В остальных

четырёх макрорегионах существует, наоборот, незначительное превышение удельного веса численности обучающихся, получивших аттестат об основном общем образовании, над удельным весом численности обучающихся по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования. К ним относятся Северо-Западный (0,05 процентных пункта), Южный (0,99 п. п.), Приволжский (0,59 п. п.), Дальневосточный (0,03 п. п.) федеральные округа.

Четвёртый показатель — удельный вес получивших аттестат об основном общем образовании в численности обучающихся по образовательным программам начального, основного и среднего образования в каждом макрорегионе. В среднем по Российской Федерации этот показатель составляет 8,46%. Максимальная величина этого показателя наблюдалась в Приволжском федеральном округе (8,71%), минимальная величина, равная 8,18%, отмечалась в Северо-Кавказском и Сибирском федеральных округах, что составило разницу всего в 1,065 раза, или в 0,53 процентных пункта. Во всех остальных макрорегионах этот показатель колеблется от 8,65 до 8,33%, то есть в пределах 0,32 процентных пункта и отражает пропорциональность развития этого показателя во всех макрорегионах.

Пятый показатель — это удельный вес численности обучающихся, получивших аттестат о среднем общем образовании, в численности таких обучающихся во всей Российской Федерации. Максимальный удельный вес, равный 26,38%, принадлежит Центральному макрорегиону, минимальный, равный 6,18%, — Северо-Кавказскому, что в 4,27 раза, или на 20,2 процентных пункта, меньше, чем в Центральном макрорегионе. Вторую, третью и четвертую позиции от 10 до 20% занимают Приволжский (19,15%), Сибирский (13,0%) и Южный (10,32%) макрорегионы. Остальные три макрорегиона отличаются удельным весом менее 10%. Это — Северо-Западный (9,28%), Уральский (8,79%) и Дальневосточный (6,9%) федеральные округа. Данные значения показателей по пропорциям вполне сопоставимы с пропорциями удельных весов численности населения в макрорегионах в численности населения Российской Федерации в целом.

Шестой показатель — это удельный вес численности обучающихся, получивших аттестат о среднем общем образовании, в численности обучающихся по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования в каждом макрорегионе. В среднем по Российской Федерации этот показатель составляет 4,01%. Максимальная величина в 4,48% наблюдалась в Центральном федеральном округе, ми-

нимальная в 3,08% — в Северо-Кавказском. Разница составила 1,45 раза, или 1,4 процентных пункта. Сибирский макрорегион занял среднюю позицию с величиной показателя, равной 4,04%. Два федеральных округа — Дальневосточный и Северо-Западный — заняли позиции выше средней с удельными весами в 4,34 и 4,24% соответственно. Остальные федеральные округа — Приволжский, Уральский и Южный — отличаются позициями ниже средней, их удельные веса равны 3,88; 3,82 и 3,7%.

Следующие два показателя характеризуют состояние третьей ступени формирования образовательного пространства: численность студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих на 10 000 человек населения; численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена, на 10 000 человек населения.

Сравнительный анализ показал, что наибольшая численность студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих, как удельная величина, наблюдается в Дальневосточном федеральном округе — 48 человек, наименьшая — в Центральном — 27 человек, что составляет разницу в 1,78 раза. В среднем по Российской Федерации на 10 000 человек населения приходится 37 обучающихся по таким программам подготовки. Примерно среднюю позицию по этому показателю занимают Северо-Западный (38 чел.) и Уральский (39 чел.) федеральные округа. Позиции выше средней принадлежат Сибирскому (45 чел.), Южному (44 чел.) и Приволжскому (41 чел.) макрорегионам. Ниже средней величины этот показатель в Северо-Кавказском макрорегионе — 29 чел.

Второй показатель — численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена, на 10 000 чел. населения макрорегиона. В среднем по Российской Федерации он составляет 168 чел. Максимальная величина показателя наблюдается в Дальневосточном регионе (196 чел.), минимальная — в Центральном — 134 чел., что в 1,46 раза меньше, чем в регионе-лидере. Совершенно очевидно, что эта ситуация адекватна удельной численности студентов, обучающимся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих, в этих же макрорегионах. Разница лишь в том, что специалистов среднего звена подготавливается в Дальневосточном макрорегионе в 4,08 раза больше, а в Центральном — в 4,96 раза больше, чем удельная численность студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих. В среднем по Российской Федерации удельный показатель численности студентов по про-

граммам подготовки специалистов среднего звена выше аналогичного показателя подготовки квалифицированных рабочих и служащих в 4,54 раза. В пяти регионах удельный показатель численности студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена, выше средней величины. Это Уральский (189 чел.), Сибирский и Приволжский (по 187 чел.), Северо-Кавказский (179 чел.) и Южный (172 чел.) макрорегионы. Данные показатели больше аналогичных удельных величин численности студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих, в этих макрорегионах в 4,85 раза в Уральском, в 4,16 раза — в Сибирском, в 4,56 раза — в Приволжском, в 6,17 раза — в Северо-Кавказском и в 3,91 раза — в Южном. В Северо-Западном федеральном округе анализируемый удельный показатель меньше средней величины и составляет 152 чел. студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена, что лишь в 1,13 раза больше, чем в Центральном регионе. Однако этот показатель в 4 раза больше, чем удельная численность студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих, в этом макрорегионе. Анализ показал, что наибольшая разница в удельных показателях численности студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена и по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих, составляет 6,17 раза в Северо-Кавказском федеральном округе.

Следующая группа показателей отражает степень развития ступени высшего образования в макрорегионах и состоит из таких как: удельный вес численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, от их численности в Российской Федерации;

удельный вес численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, от численности населения макрорегиона.

Расчет первого показателя позволил определить, что в Центральном макрорегионе обучается максимальная величина — это 30,92% от общей численности обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры во всей Российской Федерации, минимальная величина удельного веса численности студентов в Дальневосточном федеральном округе равна 4,67%, что в 6,62 раза меньше, чем в Центральном макрорегионе. В Приволжском федеральном округе обучается 19,91%, что в 1,55 раза меньше, чем в Центральном. В Сибирском — 11,81%, Северо-Западном и Южном федеральных округах — по 10,06 и 10,05%, что, соответственно, в 2,62; 3,07 и в 3,08 раза меньше удельного веса показателя в Центральном макрорегионе. В Уральском и Северо-Кавказском макрорегионах этот показатель составляет 7,43 и 5,15%, что меньше удельного веса Центрального региона в 4,16 и в 6,0 раза соответственно.

Расчет второго показателя этой группы — удельного веса численности студентов от численности населения макрорегиона показал, что в среднем по Российской Федерации этот показатель составляет 2,84%. Самая большая величина показателя, равная 3,27%, наблюдается в Центральном макрорегионе, самая маленькая — в Северо-Кавказском — 2,17%. Разница составляет 1,51 раза, или 1,1 процентных пункта. Во всех остальных регионах размах вариации удельного веса численности студентов вузов составляет 0,62 процентных пункта, то есть менее одного процентного пункта, от 2,995 до 2,335%. Структура образовательного пространства представлена на рисунке 1.

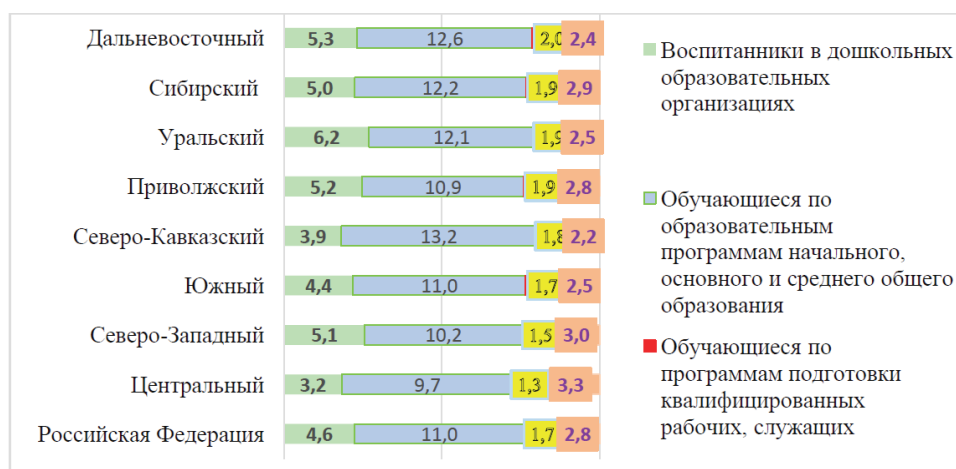

Рис. 1. Удельные веса численности обучающихся на различных ступенях образования в макрорегионах РФ, %

Как следует из рисунка 1, наиболее неравномерное или несбалансированное состояние образовательной среды наблюдается в Центральном макрорегионе. Кроме того, наименьший удельный

вес в сфере так называемого профессионального образования принадлежит ступени начального образования, а наибольший — ступени высшего образования.

Удельные веса численности обучающихся на различных ступенях образования от численности населения макрорегиона и их пропорции в 2018 г., %

Название макрорегиона	Удельный вес численности, %									
	воспитанников в дошкольных образовательных организациях	ранг	обучающихся по образовательным программам начального основного и среднего общего образования	ранг	студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих	ранг	студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена	ранг	студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры	ранг
Российская Федерация	4,55	-	10,99	-	0,37	-	1,68	-	2,84	-
Центральный	3,24	7	9,69	8	0,27	8	1,34	7	3,27	1
Северо-Западный	5,12	3	10,15	7	0,38	6	1,52	6	2,995	2
Южный	4,37	5	10,97	5	0,44	3	1,72	5	2,54	5
Северо-Кавказский	3,85	6	13,15	1	0,29	7	1,79	4	2,17	8
Приволжский	5,24	2	10,86	6	0,41	4	1,87	3	2,82	4
Уральский	6,19	1	12,07	4	0,39	5	1,89	2	2,5	6
Сибирский	4,99	4	12,15	3	0,45	2	1,87	3	2,86	3
Дальневосточный	5,25	2	12,57	2	0,48	1	1,96	1	2,375	7

Сравнительный анализ удельного веса численности студентов трех ступеней образования — начального, среднего и высшего образования в численности населения по каждому макрорегиону произведен на основе преобразования удельного веса численности студентов на 10 000 человек населения по программам подготовки а) квалифицированных рабочих и служащих и б) специалистов среднего звена в проценты (табл.). Кроме того, в таблицу добавлены еще два показателя: удельные веса численности воспитанников в дошкольных образовательных организациях в процентах от численности населения макрорегиона; удельные веса численности обучающихся по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования в процентах от численности населения макрорегиона.

Как следует из таблицы, в 2018 г. по Российской Федерации основой образовательной среды является удельный вес численности воспитанников в дошкольных образовательных организациях от численности населения. Удельный вес численности обучающихся по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования в 2,42 раза больше, чем удельный вес численности

воспитанников в дошкольных образовательных учреждениях. Величины удельных показателей на следующих ступенях: а) подготовка квалифицированных рабочих и служащих; б) специалистов среднего звена; в) бакалавров, специалистов и магистров представляют собой перевернутую пирамиду, в которой низшая ступень начального профессионального образования самая маленькая по удельному весу и составляет 0,37%, вторая ступень — подготовка специалистов среднего звена занимает величину, равную 1,68%, что в 4,54 раза больше, чем удельный вес численности студентов обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих. И, наконец, удельный вес третьей ступени образования — численности студентов обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры составляет 2,84% от численности населения макрорегиона, что в 1,69 раза и в 7,68 раза больше, чем удельные веса численности студентов обучающихся по программам подготовки а) квалифицированных рабочих, служащих и б) специалистов среднего звена, соответственно. Пропорции по макрорегионам, выявленные в процессе исследования, представлены на рисунке 2.

Как следует из рисунка 2, если за одну часть — базовую принять удельный вес численности какой-либо ступени образования, то цифра на рисунке 2 показывает части удельного веса обучающихся на других ступенях образования относительно базовой. Так, первая цифра — это

количество частей удельного веса численности обучающихся по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования по отношению к удельному весу численности обучающихся в дошкольных образовательных организациях.

Рис. 2. Пропорции между удельными весами численности обучающихся на различных ступенях образования в макрорегионах РФ, части

Вторая и третья цифры — это соотношение одной части удельного веса численности студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих и частей специалистов среднего звена и обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, соответственно. Четвертая цифра — это пропорция (части) удельного веса численности обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры по отношению к одной части удельного веса численности студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена.

Таким образом, в ближайшей перспективе наиболее приоритетными должны стать комплексы отраслей и сфер деятельности двух типов:

во-первых, создающих знаниеёмкий продукт на основе внедрения знаниеинтенсивных технологий; во-вторых, формирующих (воспроизводящих) новое знание. Отсюда, кроме высокотехнологичного материального производства, необходимо развивать науку, создающую новации, а также образование и культуру.

Так, сфера образования формирует кадры (персонал, трудовые ресурсы) не только как носителей новых знаний, владеющих этими знаниями как инструментами и способных применять их на практике в процессах производства, но и умеющих стать источниками новых знаний, идей, проектов, технологий и других новаций [9]. Отсюда следует, что необходимо сформировать

стратегические направления развития высшего, среднего и начального профессионального образования на территории каждого макрорегиона РФ, определить потребность в создании учебных заведений этих трех типов и выпуске подготовленных ими кадров с целью пропорционального и сбалансированного обеспечения материального производства и научных учреждений кадрами необходимой квалификации и в требуемом количестве. Кроме того, необходимо согласовать эти направления реализации национального проекта «Образование» с целями и критериями соответствующими

национальных проектов, таких как «Наука», «Цифровая экономика», «Производительность труда и поддержка занятости», «Международная кооперация и экспорт» [10].

Основой для формирования таких направлений развития пропорциональной и сбалансированной образовательной среды служат результаты проведенного сравнительного анализа удельного веса обучающихся на различных ступенях образования как в общей численности обучающихся, так и в общей численности населения в макрорегионах Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бодрунов С. Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации: монография. М., 2018. 432 с.
2. Бодрунов С. Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Экономическое возрождение России. 2018. №2 (56). С. 5–13.
3. Бодрунов С. Д. Переход к перспективному технологическому укладу: анализ с позиции концепций НИО.2 и ноономики // Экономическое возрождение России. 2018. №3 (57). С. 5–12. URL: <http://e-v-r.ru/307/> (дата обращения 24.12.2020)
4. Бодрунов С. Д. К вопросу о ноономике // Экономическое возрождение России. 2019. №1 (59). С. 4–8. URL: <http://e-v-r.ru/экономическое-возрождение-россии-№-1-59/> (дата обращения 24.12.2020)
5. На пути к ноономике: человек, технологии и общество в пространстве ассоциированного производства и потребления / ред. А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. М., 2020. 490 с.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели — 2019 г. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения 24.12.2020).
7. Бабкина Л. Н., Скотаренко О. В. Применение квалиметрического подхода в управлении региональной экономикой // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2013. №4 (175). С. 45–52.
8. Скотаренко О. В., Бабкина Л. Н. Особенности квалиметрического подхода в региональных исследованиях // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2013. №5 (180). С. 161–165.
9. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. 30.12.2020). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения 19.01.2020).
10. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. №204. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения 19.01.2020).

REFERENCES

1. Bodrunov S. D. Noonomics: trajectory of global transformation: monograph. Moscow, 2018. 432 p.
2. Bodrunov S. D. Noonomics. The future: the fourth technological revolution calls for profound changes in economic and social life // Economic Revival of Russia. 2018. No. 2 (56). Pp. 5–1.
3. Bodrunov S. D. Transition to a promising technological structure: an analysis from the perspective of R & D concepts.2 and noonomics // Economic revival of Russia. 2018. №3 (57). Pp. 5–12. URL: <http://e-v-r.ru/307/> (date of access: 24.12.2020) (in Russian).
4. Bodrunov S. D. To the question about noonomics // Economic revival of Russia. 2019. No. 1 (59). Pp. 4–8. URL: <http://e-v-r.ru/экономическое-возрождение-россии-№-1-59/> (date of access: 24.12.2020).
5. On the way to noonomics: man, technology and society in the space of associated production and consumption / red. A. V. Buzgalin, A. I. Kolganov. M., 2020. 490 p.

6. Regions of Russia. Socio-economic indicators — 2019 г. Official website of the Federal State Statistics Service. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (date of access: 24.12.2020).

7. Babkina L. N., Skotarenko O. V. Application of the qualimetric approach in the management of the regional economy // St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics. 2013. No 4 (175). Pp. 45–52.

8. Skotarenko O. V., Babkina L. N. Features of the qualimetric approach in regional studies // St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics. 2013. No 5 (180). Pp. 161–165.

9. On Education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of 29.12.2012 (as amended on 30.12.2020). Official Internet portal of legal information. URL: www.pravo.gov.ru (date of access: 19.01.2020).

10. On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024: Decree of the President of the Russian Federation No. 204 of May 7, 2018. Official Internet portal of legal information. URL: www.pravo.gov.ru (date of access: 19.01.2020).

Поступила в редакцию: 22.01.2021.

Принята к печати: 10.02.2021.

ЗАНЯТОСТЬ, БЕЗРАБОТИЦА, РЫНОК ТРУДА В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

В. И. Беляев, О. В. Кузнецова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье изложены результаты теоретических исследований, посвященных проблемам институциональных трансформаций социально-трудовых отношений на рынках труда. Представлено соотношение категорий занятости, безработицы, рынка труда в контексте противоречивых взаимодействий развивающихся технологических систем (производительных сил) и социально-трудовых (производственных) отношений. Обоснована гипотеза о том, что социально-трудовые отношения на рынках труда принимают форму институтов; систему правил, ограничений, механизмов, обуславливающих поведение работодателей и работников на рынке труда, оказывая, тем самым, влияние на занятость и безработицу. Предложена методологическая схема исследования рынков труда с целью выявления противоречий в соотношениях развивающихся технологий и социально-трудовых отношений. Ее предлагается использовать в разработке конкретных методик управления развитием институтов социально-трудовых отношений рынков труда регионов, страны с целью снижения уровня напряженности в сфере занятости населения.

Ключевые слова: занятость, безработица, рынок труда, институты, производительные силы, производственные отношения, социально-трудовые отношения.

EMPLOYMENT, UNEMPLOYMENT, LABOR MARKET IN THE INSTITUTIONAL STRUCTURE OF SOCIAL AND LABOR RELATIONS

V. I. Belyaev, O. V. Kuznetsova

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article presents the results of theoretical researches devoted to the problems of institutional transformations of social and labor relations in the labor markets. The ratio of categories of employment, unemployment, labor market in the context of contradictory interactions of developing technological systems (productive forces) and social and labor (production) relations is presented. The hypothesis is substantiated that social and labor relations in the labor markets take the form of institutions; a system of rules, restrictions, mechanisms that determine the behavior of employers and workers in the labor market, thereby influencing employment and unemployment. A methodological scheme for the study of labor markets is proposed in order to identify contradictions in the relationship between developing technologies and social and labor relations. It is proposed to use it in the development of specific methods for managing the development of institutions of social and labor relations in the labor markets of regions, the country in order to reduce the level of tension in the field of employment.

Keywords: employment, unemployment, labor market, institutions, productive forces, production relations, social and labor relations.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ. Научный проект № 19-010-00491\20. «Исследование взаимного влияния уровня оплаты труда и воспроизводства рабочей силы в условиях макроэкономических и институциональных изменений в российской экономике в 1992–2018 гг.».

Введение. Довольно часто стремление науки более глубоко познать сущность какого-либо предмета требует оперирования несколькими научными категориями, понятиями, которые между собою связаны, дополняют друг друга, в том числе и тем, что вступают между собою в противоречия. Так, нельзя рассуждать о технологическом развитии и экономическом росте, не опираясь на такие категории, как производительные силы и производственные отношения, коими оперировал К. Маркс (1818–1883), обосновывая неизбежность социальных революций [1, с. 1081–1086]. Их противоречивое единство и является объективной основой общественного развития вообще. Категории «занятость», «безработица», «рынок труда» также связаны между собой; и между ними можно найти немало объективных противоречий. Их разрешение, которое лежит в плоскости институционализации социально-трудовых отношений, как на отдельных предприятиях, так и в масштабах регионов, и страны в целом, обеспечивает развитие рынка труда. Исследованию этих и сопряженных с ними вопросов и посвящена данная статья.

Содержание категорий «занятость», «безработица», «рынок труда». Сущностное содержание научных категорий и более конкретных (частных) их форм — понятий¹ — отражается в соответствующих определениях.

Что касается категории «занятость населения», то однозначного определения ее нет. Обращая внимание на это обстоятельство, профессор Н. А. Волгин и профессор Ю. Г. Одегов отмечают, что «занятость», как категория, «имеет много значений, включает разные виды деятельности» [2, с. 151]. Официальное определение занятости представляется «Законом о занятости населения в РФ» от 19 ап-

реля 1991 г. № 1032–1 в редакции от 31.07.2020 (действует с 11.08.2020). Согласно этому закону, занятость населения — это «деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству РФ и приносящая, как правило, им заработок, трудовой доход» (ст. 1) [3]. Многие авторы, исследующие проблемы занятости, опираются именно на это определение. Однако есть и оригинальные определения. Так, профессор Г. Э. Слезингер определил занятость населения как «форму реализации... способностей» людей [4, с. 51]. Профессор В. С. Буланов и профессор Н. А. Волгин предложили рассматривать эту категорию, как «совокупность отношений по поводу участия населения в трудовой деятельности...». Они утверждают, что занятость населения «выражает меру его включения в труд, степень удовлетворения общественных потребностей в работе и личных потребностей, в оплачиваемых рабочих местах, в получении дохода» [5, с. 71]. Ключевым в данном определении является термин «отношения».

Есть и другие определения занятости. В каждом из них подчеркивается та или иная сущностная характеристика этой чрезвычайно важной сферы общественной жизни людей — а именно трудовой деятельности. В этих определениях отражаются экономические, социальные, юридические аспекты. Однако некоторые авторы обращают внимание и на другие аспекты, касающиеся труда вообще и некоторых сторон занятости населения в частности. Так, Г. Э. Слезингер, в приведенном выше определении, подчеркнул такую черту трудовой деятельности людей и их отношений к труду, к занятости, как форму реализации способностей людей в трудовой деятельности. В этом определении автор отразил стремление людей обрести себе специальность, место работы, которые бы соответствовали их личным интересам, природным способностям. Не всех людей интересует только уровень трудового дохода. Многие хотели бы быть заняты интересным и вместе с тем выгодным с точки зрения оплаты трудом. Безусловно, службы занятости, менеджмент предприятий эти обстоятельства должны учитывать, ибо содержание труда во многом определяет и структуру занятости, как в обществе в целом, так и на каждом предприятии в отдельности. Так, в Законе о занятости населения в РФ предусмотрено «право граждан на выбор места работы» (ст. 8) [3]; это означает, что именно гражданин в соответствии со своими интересами, принимает решение о том, где и в каком качестве ему трудиться. И без сколько-нибудь глубоких опросов обучающихся и работающих граждан можно утверждать, что соответствие содержания труда интересам работника формирует в его созна-

¹ Научная категория представляет собой предельно общее суждение, общее понятие, выражающее наиболее общие отношения объектов и явлений объективного мира, отражаемых в теоретических построениях, в определениях. Собственно понятие — это минимальная логическая форма представления знаний о предметах и явлениях объективного мира. Понятие, как, впрочем, и категория, ибо она тоже понятие, имеет уникальное содержание, представляющее его смысл, и объем, показывающий совокупность (класс) предметов, охватываемых этим понятием (категорией). «Категория» и «понятие» соотносятся между собою как целое и часть. Объем научной категории, как понятия, характеризуется важными по значимости предметами (объектами), которые входят в категорию и определяют ее содержательную суть, структуру функциональных задач, т. п. Объем собственно понятия значительно уже и конкретнее, чем объем категории. В научной литературе «категория» и «понятие» используются довольно часто как синонимы, естественно, с пониманием их общих и особенных характеристик. И в данной статье принята и используется их содержательная синонимичная взаимосвязь.

нии и отношение к своей трудовой деятельности. «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [1, с. 1083]. Это обстоятельство и отмечено в определении В. С. Буланова и Н. А. Волгина, также представленном выше, в котором отражена такая сущностная сторона занятости, как отношения, складывающиеся в сфере труда. Она выражается в выборе профессии, в поиске места работы, в удовлетворенности содержанием труда, в его оплате. Все это формирует отношения на уровне индивидуумов, которые, в конечном итоге, укореняются в общественных отношениях, охватывая большие группы и социальные сообщества людей, проявляя себя в формах общественного поведения. Занятость — это, безусловно, фундаментальная проблема. Она касается не только собственно занятости населения; она является определяющей для развития и других сфер общественной жизни людей.

Понятие занятости сопоставляют с понятием безработицы. Так, в учебнике «Рынок труда» Ю. Г. Одегов и его соавторы отметили, что «категория занятости... связана с категорией безработицы, так как в совокупности они описывают социально-экономические итоги таких фаз воспроизводства совокупной рабочей силы общества, как распределение и обмен» [6, с. 81]. Упомянутые авторами «социально-экономические итоги» и есть не что иное, как социально-трудовые отношения, обуславливающие как занятость, так и безработицу в обществе. Согласно Закону о занятости, «безработными признаются трудоспособные граждане, которые не имеют работы и заработка, зарегистрированы в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, ищут работу и готовы приступить к ней» (ст. 3) [3]. Есть и другие определения безработицы. Так, Ю. Г. Одегов и его соавторы предлагают такое ее определение: «В теоретическом плане безработица — экономическая категория, выражающая отношения между наемными работниками и работодателями по поводу осуществления естественного права человека — права на труд, реализации его способности к труду не только в плане обеспечения средств к существованию, необходимых для сохранения и воспроизводства самой жизни, но и в плане реализации данной от природы потребности в труде как форме жизнедеятельности» [6, с. 118]. Г. Э. Слезингер объяснил безработицу посредством соотношения спроса и предложения на рынке труда. «Если предложение превышает спрос, то имеет место явная безработица, а при превышении спроса над предложением и реальной потребностью — скрытая безработица. ... Занятость и безработица — взаимообусловленные социально-экономические категории» [4, с. 52–53]. Отсюда следует, что занятость

и безработица являются полярными категориями: по форме они представляют собой некую дихотомию; по содержанию — внутреннюю сущность рынка труда, диалектику его функционирования и развития.

Рынок труда — как его представляют Ю. Г. Одегов с соавторами — это «совокупность социально-трудовых отношений по поводу найма и использования работников в общественном производстве» [6, с. 13]. Посредством категории социально-трудовых отношений определяется рынок труда и в учебнике под редакцией В. С. Буланова и Н. А. Волгина. «Рынок труда — это динамическая система, включающая в себя комплекс социально-трудовых отношений по поводу условий найма, использования и обмена рабочей силы на жизненные средства, и механизм его самореализации, механизм спроса и предложения, функционирующий на основе информации, поступающей в виде изменений цены труда (заработной платы)». Предваряя это определение, авторы подчеркнули, что рынок труда, являясь социально-экономической категорией, включает в себя «исторически сложившийся общественный механизм, реализующий комплекс социально-трудовых отношений, способствующих установлению и соблюдению баланса интересов между трудящимися, предпринимателями и государством» [5, с. 34].

Рынок труда — довольно сложное по структуре образование. Многое в содержании его функционирования определяется местными условиями. Это обстоятельство, безусловно, следует учитывать и при анализе деятельности рынка труда, и в процедурах регулирования отдельными его параметрами. Таким образом, подход к решению проблем рынка труда должен осуществляться с учетом местной специфики. В связи с этим вполне правомерным будет применение этого термина во множественном числе, то есть, обсуждая некоторые общие вопросы организации, допустим, найма работников, целесообразно вести речь о рынках труда; на практике же в решении таких вопросов необходимо учитывать специфику регионов.

Использование в представленных выше определениях категории социально-трудовых отношений и предварительное объяснение функционального предназначения рынка труда в обеспечении баланса интересов между тремя сторонами (работодателями, работниками, государством) не может не навести на мысль о том, что именно социально-трудовые отношения, их структура и содержание, их системная организация и играют определяющую роль в регулировании процессами занятости и в решении проблем безработицы. Следовательно, на теоретическом и методологическом уровне необходимо разобраться, установить, описать

содержание социально-трудовых отношений, механизмы их формирования, причинно-следственные зависимости и связи этих отношений с занятостью населения, с безработицей, с другими, сопряженными с занятостью и безработицей, формами проявлений на рынке труда, с последствиями этих проявлений. Здесь важно обратить внимание на противоречивые начала взаимодействия между собою конструктивных и деструктивных типов социально-трудовых отношений, о которых пишет профессор Б. М. Генкин [7, с. 357], на формы их проявления в поведении субъектов рынка труда, как одной из причин возникновения проблем занятости и безработицы.

Социально-трудовые отношения — сущностная основа поведения людей на рынках труда. Термин «отношения» неоднократно применяется в определениях и занятости, и безработицы, и рынка труда. Почему именно отношения используются для объяснения этих категорий? Ответ на этот вопрос можно найти в трудах профессор С. С. Дзарасова. Так, в книге, посвященной анализу развития политической экономии, комментируя применение К. Марксом метода познания Г. Гегеля (1770–1831) — восхождения от абстрактного к конкретному в создании научной системы объективных законов и категорий общественного развития, он обратил внимание на соотношение видимых явлений и неочевидной сущности. «... В течение многих тысяч лет, наблюдая восход и заход Солнца, люди думали, что Земля стоит на месте, а Солнце ежедневно проделывает путь с востока на запад. Такова видимая картина. Однако в действительности оказалось наоборот... Видимость и действительность не совпадают. Более того, чаще всего видимость настолько бывает непохожей на действительность, что вводит наблюдателя в заблуждение... Поэтому К. Маркс и говорил, что если бы сущность (невидимое) и явление (видимое) совпадали, то наука была бы излишней... Если бы движение Земли вокруг Солнца можно было прямо наблюдать, то Коперник был бы не нужен, каждый сам себе был бы Коперником» [8, с. 220]. Из этого следует, что конечной целью любого исследования является познание неочевидного внутреннего содержания предмета исследования, а именно его сущности.

Что же можно представить в качестве сущности общественных явлений, в том числе и таких как занятость, безработица, рынок труда? Такой скрытой и неочевидной сущностью, не наблюдаемой непосредственно, во многих предметах исследований в общественных науках являются именно отношения. Это следует и из приведенных выше определений занятости, безработицы, рынка труда. Во многих из них употребляется понятие «отношения». И это не случайно. Именно в отношениях

отражается сущность данных категорий, проявляющаяся в очевидных явлениях найма на работу, повышения квалификации работников, наставничества, организации оплаты труда, поощрениях за труд, увольнениях, сокращениях и т. п. И именно социально-трудовые отношения определяют очевидное поведение субъектов рынка по поводу занятости работников, безработицы.

В качестве обоснования истинности такого утверждения можно сослаться на авторитет К. Маркса, фундаментальный труд которого в последние годы переиздается большими тиражами. Появились также издания комментариев, объясняющих основные положения «Капитала», статьи, посвященные анализу теории К. Маркса. Например, Д. В. Иванов выделил в ней три группы определений капитала. В них капитал представлен не только как «материальный ресурс» — материальная основа производства, не только как «самовозрастающая стоимость» — мотивационная основа поведения собственников средств производства, но и как производственное (социально-экономическое) отношение, которое как раз и выражает внутреннее содержание капитала, его сущность, скрывающуюся за очевидными формами ее проявления — товарной и денежной — а именно: «эксплуатацию капиталистами труда наемных работников» [9, с. 127]. Действительно, определяя капитал, К. Маркс его сущностное содержание часто выражал посредством отношений: отношений собственности, эксплуатации, неравенства [10, с. 193–220]. Еще в более ранней работе «К критике политической экономии» (1859) неизбежность социальных революций К. Маркс обосновал именно через категорию отношений. «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями..., внутри которых они развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы» [1, с. 1083]. Этот закон соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил, сформулированный К. Марксом, не только объясняет причины социальных революций, но и причины общественной динамики вообще, ибо это всеобщий закон развития. Поскольку рабочая сила, по К. Марксу, также является производительной силой, она по своему содержанию (профессиональному составу работников, их уровню знаний, навыков, квалификации) должна отвечать содержанию и уровню развития современных технологических систем (материальных производительных сил), которые находятся в постоянном развитии, изменении. В ходе взаимодействий в трудовых производственных процессах, при внедрении новых технологий (развитии про-

изводительных сил, которые не могут не развиваться), в социально-трудовой сфере формируются (не могут не формироваться) отношения: а именно отношения работников друг к другу, к применяемым технологиям, к менеджменту предприятия, а также и к более высоким властным структурам, к общественному устройству вообще. К. Маркс эти отношения назвал производственными; в настоящее время их принято называть социально-экономическими. Данные отношения и лежат в основе причин общественного поведения людей; а в форме социально-трудовых отношений — трудового поведения работников в организациях, а также и поведения субъектов рынка труда. Они — отношения — и есть сущность, скрытая неочевидная, обуславливающая поведение людей как в обществе в целом, так и на рынках труда и на рабочих местах в частности. Поэтому именно отношения — социально-трудовые отношения — и должны стать предметом исследований, направленных на производство новых научных знаний о возникновении проблемы занятости и ее составляющих.

Поскольку, как отмечено в определениях рынка труда, социально-трудовые отношения представляются в форме комплексов, то есть неких динамических целостностей, проявления социально-трудовых отношений в сфере занятости предлагается рассматривать с позиций институциональной экономики. Другими словами, предлагается исходить из гипотезы о том, что в структурах рынка труда, в процессах их функционирования, формируются институты занятости, в которых, во-первых, отражаются сущностные характеристики занятости и, во-вторых, зарождаются первопричины поведения субъектов рынка труда, в том числе и в его негативных проявлениях. Зная эти обстоятельства, соответствующие организационные структуры могут принимать решения, направленные на регулирование рынка труда с целью решения проблем занятости населения. Чтобы решить эту задачу, важно понять природу общественных институтов, источники их формирования, формы проявления.

Институты: предыстория, содержание, источники формирования. Кембриджский профессор Ха-Джун Чанг в сравнительном анализе экономических учений отметил, что К. Маркс, пожалуй, был первым ученым-экономистом, который обратил внимание на институциональные структуры общественной жизни [11, с. 89–90]. С этим нельзя не согласиться, ибо, утверждая примат труда и производства в общественной жизни, состоящий из производительных сил (технологий, станков, машин, механизмов, работников, обладающих профессиональными знаниями и навыками) и производственных отношений (отношений собственности, социально-трудовых отношений, др.),

К. Маркс сделал вывод о том, что их функционирование возможно только в том случае, если над этой производственно-технической базой будет возвышаться надстройка, упорядочивающая взаимодействие производительных сил и производственных отношений. К такому выводу он пришел в ходе анализа гегелевской философии права. Он увидел, что «правовые отношения..., как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из... общего развития человеческого духа..., они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Г. Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII в., называет «гражданским обществом», и что аналогии гражданского общества следует искать в политической экономии» [1, с. 1082–1083]. Вот эти «формы государства», «юридическая и политическая надстройка», по справедливому суждению Х.-Д. Чанга, и представляют собой институты, призванные, в общем и целом, приводить в соответствие друг другу материальные основы общественного бытия и отношения людей по поводу собственности на эти самые материальные основы, их использование. Таким образом, общественные институты возникают, существуют и функционируют на объективной основе: это означает, что они могут существовать даже в тех случаях, когда термин «институт» вовсе и не применяется, и системная совокупность некоторых правил не воспринимается как институционально оформленная целостность.

Под институтом, согласно определению профессора В. Л. Тамбовцева, следует понимать «... совокупность правил, имеющих внешний механизм принуждения индивидов к исполнению» [12, с. 32]. Очень короткое, но весьма емкое по содержанию определение. Можно только им, с некоторым объяснением содержания его составляющих, и ограничиться. «Принуждение индивидов к исполнению» предполагает наличие в структурах институтов механизмов, направляющих экономическое поведение индивидов и групп, вплоть до больших общественных образований. Именно в побуждении (или, даже, принуждении) к определенному поведению индивидов и заключается главная задача институтов; институциональная экономика, как свидетельствует профессор А. А. Аузан, представляет собой «область знаний о правилах экономического поведения» [12, с. 3]. «Правила», по сути, и задают направления этого поведения. Наличие правил и механизмов принуждения предполагает и наличие ограничений, за пределы которых ни индивидуумам, ни группам в своем поведении выходить нельзя. В приведенном выше определении институтов они не упомянуты, но подразумеваются по умолчанию.

В институциональной экономике в структуре социальных институтов выделяют две группы: формальные и неформальные [12, с. 41–44]. Признаком такой классификации определен статус гаранта, способного обеспечить исполнение установленных правил. Это может быть «устойчивая группа» или индивид. Признаком такой классификации можно назвать и источники формирования правил. Одним из таких источников являются «устойчивые группы», а именно организационные структуры. Они формируют официальные правила и контролируют их исполнение; так создаются формальные институты. Другим источником являются организационные культуры; в их среде рождаются неофициальные правила, представляющие собой реакцию исполнителей на официальные правила, регламентированные организационными структурами; так возникают неформальные институты. Исполнение правил в неформальных институтах контролируется активными членами групп (даже индивидуумами), разделяющих мнение о справедливости этих неофициальных правил. Следует заметить, что, поскольку неформальные институты формируются без участия официальных организационных структур, они могут функционировать и как бы инкогнито: то есть институты существуют, функционируют и деятельность их заметна, хотя и не вся, но официальные структуры не воспринимают их в качестве институтов, определяющих поведение субъектов рынка труда. А поскольку не воспринимают, то и прямого управленческого воздействия на них не оказывают.

Можно выделить и третью группу институтов, а именно такую, в которой присутствуют как официальные правила, ограничения, механизмы, так и неофициальные. Именно к таковым, не во всем очевидным и не всегда воспринимаемым, и относятся институты социально-трудовых отношений; они сочетают в себе признаки и формальных и неформальных институтов. Поскольку организационные культуры являются источниками неофициальных правил, ограничений, которые определяют поведение людей, на этих правилах следует остановиться подробнее. Они нигде не записаны и никем не утверждены. Рождаются как бы спонтанно; под воздействием текущих повторяющихся событий, мнений, суждений людей по поводу этих событий, их реакции на них. Такие правила, как правило (это не тавтология), носят неочевидный характер; некоторые из них недоступны для наблюдений ни исследователями, ни менеджерами. Именно они и формируют скрытые неочевидные существенные характеристики институтов. И такие институты не могут быть никакими другими, кроме как институтами отношений. В институтах отношений, какими бы они ни были по своему

профилю, и вызревают скрытые неочевидные причины, побуждающие индивидуумов, группы и социальные сообщества к определенному поведению, не всегда рациональному с позиции регулирующих (управляющих) организационных структур. Рождаются такие неформальные правила поведения и на рынках труда при исполнении процедур обеспечения занятости населения. Они могут формироваться на обоих полюсах рынка труда: как на стороне работодателей, так и на стороне людей, ищущих работу. Эти правила довлеют над теми и другими и побуждают их принимать не всегда продуктивные решения. Если понять эти неофициальные, сформировавшиеся в культурной среде правила, приоткрыть завесу тайны над ними, то можно найти решения, выгодные для всех сторон — и для работодателей, и для работников, и для государства.

Однако выверенных методик, результативного опыта институционализации социально-трудовых отношений в направлении повышения эффективности институциональных структур занятости на рынках труда до сих пор нет.

Инфраструктура рынков труда и институты социально-трудовых отношений. На практике рынок труда представляет собой сложную динамичную систему. Характеризуя его, выделяют инфраструктуру рынка и его институты.

В инфраструктуру включают как государственные учреждения, так и негосударственные структуры содействия занятости: а именно кадровые службы предприятий, общественные организации, фонды, которые содействуют взаимодействию работодателей и работников на рынке труда. Основная функция инфраструктуры рынка заключается в регулировании отношений между спросом и предложением рабочей силы, уровня оплаты труда, его условий, качества трудовой жизни и т. п. В число задач инфраструктуры рынка труда входят также задачи обеспечения заключений трудовых контрактов работников с работодателями, отражения в них социальных гарантий для обеих сторон.

Наряду с официальными инфраструктурными учреждениями развитые рынки труда в своей структуре имеют и институты, направленные на защиту коллективных интересов сторон трудовых контрактов, государственное посредничество в решении проблем социального партнерства. К таким институтам относят профсоюзы, ассоциации предпринимателей, ассоциации безработных, союзы арендаторов [13, с. 33–34]. Эти институты относятся к группе формальных: их правила представляют собой утвержденные официальные регламенты.

Вместе с тем в такой сложной сфере общественной жизни людей не может не быть и неформальных институтов. И они есть. Это собственно институты социально-трудовых отношений.

В них превалируют правила и ограничения, которые возникают отнюдь не в результате официальной их регламентации; возникают, развиваются и отмирают они исключительно по желанию и по воле субъектов этого рынка, а именно работодателей и работников, преследующих на рынке труда свои собственные интересы, иногда даже и в ущерб интересам другой стороны. Кроме того, такие правила и ограничения возникают как некие отдельные «вкрапления» в официальные институты рынков труда в форме неофициальных установок поведения на рынке труда при найме, а затем и в трудовых производственных процессах. Неофициальные правила постепенно сращиваются с официальными; становятся единым целым. Такие «вкрапления» в виде неофициальных правил и ограничений могут формироваться и действовать и в инфраструктурных учреждениях рынка труда. Можно сказать, что социально-трудовые отношения, как категория, составляющая сущность трудового поведения сторон трудовых соглашений, пронизывают любые формы организации труда, его упорядочивания (получается, сущность является вездесущей). Из этого можно сделать следующий вывод. Поскольку институты — это правила поведения, то институционализация выражается отнюдь не только в формах создания собственно институтов — формальных и неформальных — но и в формах создания в официальных организационных структурах новых правил поведения, ограничений к ним, то есть неких институциональных форм, которые можно назвать и самостоятельными институтами. Источниками таких образований являются культурные нормы поведения, ценностные ориентиры субъектов рынка и т. п.

Таким образом, формальные и неформальные институты — динамичные образования. С изменениями во внешней среде в них происходят корректировки действующих правил и ограничений, появление новых правил: другими словами, изменяется внешняя среда — изменяются и институты, то есть включаются процессы институционализации.

Институционализация социально-трудовых отношений в структурах рынка труда: цели, задачи, методология. Как следует из вышеизложенного, формирование и развитие институциональных структур рынка труда происходит на объективной основе. Однако это отнюдь не означает, что управлять этими процессами нельзя. Управлять можно и нужно. Но управление такой тонкой материей, как содержание институциональных структур, представляет собой довольно сложный процесс. Сложность заключается в том, что управленческие воздействия должны быть направлены на такие неочевидные объекты, как социально-трудовые отношения, представляющие собой

сущностную основу диалектической дихотомии — занятость-безработица. Чтобы управлять социально-трудовыми отношениями, необходимо соблюдать определенные методологические принципы.

Предлагается следующая система таких принципов.

1. В управленческих воздействиях на содержание и структуру институтов социально-трудовых отношений рынков труда необходимо руководствоваться принципами, заложенными в Конституции РФ и Законе РФ о занятости [3]. Принципом добровольности труда, свободным распоряжением гражданами своими способностями к труду. Принципом ответственности государства по поводу создания приемлемых для реализации прав граждан на труд. Принципом комплексного подхода к решению проблем занятости, опирающегося на координацию взаимодействий государства, местных органов власти, менеджмента предприятий с действиями рынка труда, проявляющимися в саморегулировании поиска гражданами работы и поиска работодателями работников [5, с. 73–74].

2. Формулирование целей и задач институционализации социально-трудовых отношений, складывающихся на рынках труда. Цели должны быть направлены на создание приемлемых условий для реализации гражданами своих способностей и удовлетворения интересов в сфере труда с получением достаточного для воспроизводства рабочей силы вознаграждения. Эти задачи должны быть ориентированы на разрешение объективно обусловленных противоречий между развитием технологической базы производства и содержанием социально-трудовых отношений. Задачи разрешения этих противоречий должны рассматриваться в контексте воспроизводства рабочей силы в современных условиях [14, с. 68], которые определяются влиянием неформальной занятости [15, с. 122–123] на ее качественные параметры [16, с. 30–31]. В противном случае в структуре институтов рынка будут формироваться отношения трудового оппортунизма [17, с. 252–256], выражающиеся в трудовом поведении, направленном на извлечение выгоды одной стороной сделки при умышленном нанесении ущерба другой стороне. Усугубление отношения трудового оппортунизма неизбежно приводит к формированию отношений прекариата, вызывающего эрозию процессов воспроизводства рабочей силы [16, с. 29–30].

3. Разработка и применение методики исследования и анализа рынка труда (региона, страны) с целью выявления объективных противоречий между развивающимися технологиями и содержанием социально-трудовых отношений. Должны быть разработаны методы анализа статистики по занятости населения на весьма длительную перспекти-

ву [14, с. 69–73], которые позволят выявить сложившиеся тенденции развития ситуации с занятостью и безработицей. При этом важно установить структуру занятых, выделив группы занятых в неформальном секторе экономики [18, с. 83–113], ибо именно в этом секторе зарождаются причины вызревания деструктивных типов социально-трудовых отношений, оказывающих негативное влияние на их институциональную структуру. Разработка методики опроса работников, занятых в неформальном секторе экономики на предмет выявления форм их трудового поведения при существующих условиях организации и оплаты труда. Результаты исследования предназначены для разработки и обоснования управленческих решений в области институционализации социально-трудовых отношений на рынке труда.

4. Разработка мероприятий, направленных на разрешение выявленных противоречий между

развивающимися технологиями и институциональной структурой социально-трудовых отношений с целью обеспечения гармоничного их развития, обеспечивающего приемлемые соотношения в дихотомии занятость-безработица.

Предлагаемые принципы предназначены для разработки конкретных методик по институционализации социально-трудовых отношений на рынках труда территориальных образований.

Заключение. Решить все проблемы занятости и безработицы однажды и навсегда в принципе невозможно. Рынок труда — система динамичная и стохастическая. Поэтому и предлагаемая методология и применяемые методы институциональной трансформаций социально-трудовых отношений должны и в дальнейшем развиваться и совершенствоваться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Маркс К. К критике политической экономии // Капитал: Критика политической экономии. Том I. М., 2017. С. 1081–1120.
2. Экономика труда (социально-трудовые отношения) / под ред. Н. А. Волгина, Ю. Г. Одегова. М., 2002. 736 с.
3. Закон о занятости населения в РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032–1 в редакции от 31.07.2020. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/
4. Слезингер Г. Э. Труд в условиях рыночной экономики. М., 1996. 336 с.
5. Рынок труда / под ред. В. С. Буланова, Н. А. Волгина. М., 2000. 448 с.
6. Одегов Ю. Г., Руденко Г. Г., Лунева Н. К. Рынок труда (практическая экономика труда). М., 2007. 900 с.
7. Генкин Б. М. Экономика и социология труда. М., 2006. 448 с.
8. Дзарасов С. С., Меньшиков С. М., Попов Г. Х. Судьба политической экономии и ее советского классика. М., 2004. 454 с.
9. Иванов Д. В. Концепции капитала от Карла Маркса до Марка Цукерберга // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 12. Вып. 1. С. 126–134.
10. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Том I. М., 2017. 1200 с.
11. Чанг Ха-Джун. Как устроена экономика. М., 2019. 320 с.
12. Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория / под общ. ред. А. А. Аузана. М., 2016. 448 с.
13. Занятость, рынок труда и социально-трудовые отношения / под ред. Р. П. Колосовой, Г. Г. Меликьяна. М., 2004. 458 с.
14. Крышка В. И., Ан Е. А., Зорин А. С., Перекаренкова Ю. А. Воспроизводство рабочей силы в Российской экономике постсоветского периода: проблемы занятости, безработицы и миграции // Экономика Профессия Бизнес. 2020. № 4. С. 67–75.
15. Управление персоналом: энциклопедия / под ред. А. Я. Кибанова. М., 2009. 554 с.
16. Беляев В. И., Кузнецова О. В. Прекариат и эрозия процесса воспроизводства рабочей силы: содержание проблемы, методология исследования, результаты // Экономика Профессия Бизнес. 2020. № 4. С. 25–33.
17. Попов Е. В. Трансакции. Екатеринбург, 2011. 679 с.
18. Вопросы количественной оценки показателей ненаблюдаемой экономики России / под ред. А. Е. Косарева. М., 2003. 175 с.

REFERENCES

1. Marx K. To the criticism of political economy // Capital: Critique of political economy. Vol. I. M., 2017. Pp. 1081–1120.
2. Labor economics (social and labor relations) / ed. N. A. Volgin, Yu. G. Odegov. M., 2002. 736 p.
3. Law on Employment of the Population in the Russian Federation of April 19, 1991 No. 1032–1 as amended on July 31, 2020 URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/
4. Slezinger G. E. Labor in a market economy. M., 1996. 336 p.
5. Labor market / ed. V. S. Bulanov, N. A. Volgin. M., 2000. 448 p.
6. Odegov Yu. G., Rudenko G. G., Luneva N. K. Labor market (practical labor economics). M., 2007. 900 p.
7. Genkin B. M. Economics and Sociology of Labor. M., 2006. 448 p.
8. Dzarasov S. S., Menshikov S. M., Popov G. Kh. The fate of political economy and its Soviet classic. M., 2004. 454 p.
9. Ivanov D. V. Capital concepts from Karl Marx to Mark Zuckerberg // Bulletin of St. Petersburg University. 2014. Ser. 12. Issue. 1. Pp. 126–134.
10. Marx K. Capital: Critique of Political Economy. Vol. I. M., 2017. 1200 p.
11. Chang Ha-Jun. How the economy works. M., 2019. 320 p.
12. Institutional economics: New institutional economic theory / under total. ed. A. A. Auzana. M., 2016. 448 p.
13. Employment, labor market and social and labor relations / ed. R. P. Kolosova, G. G. Melikyan. M., 2004. 458 p.
14. Kryshka V. I., An E. A., Zorin A. S., Perekarenkova Yu. A. Labor reproduction in the Russian economy of the post-Soviet period: problems of employment, unemployment and migration // Economics Profession Business. 2020. No. 4. Pp. 67–75.
15. Personnel management: encyclopedia / ed. A. Ya. Kibanova. M., 2009. 554 p.
16. Belyaev V. I., Kuznetsova O. V. Precaria and erosion of the labor force reproduction process: content of the problem, research methodology, results // Economics Profession Business. 2020. No. 4. Pp. 25–33.
17. Popov E. V. Transactions. Yekaterinburg, 2011. 679 p.
18. Questions of a quantitative assessment of indicators of the non-observed economy of Russia / ed. A. E. Kosarev. M., 2003. 175 p.

Поступила в редакцию: 11.01.2021.

Принята к печати: 25.01.2021.

ПРОЕКТНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н. И. Глотова

Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)

Жилищное строительство является одним из главных направлений строительной отрасли, выступая при этом мощным драйвером инвестиционного и потребительского спроса. Оно имеет приоритетное социальное значение и вносит значительный вклад в развитие экономики.

В настоящее время в России увеличение объемов жилищного строительства и формирование рынка доступного жилья с помощью развития ипотечного жилищного кредитования — одна из первоочередных задач социально-экономического развития. В последние три года в России сохраняется стабильная положительная динамика ввода жилья. Целевые показатели, установленные национальным проектом, по предварительным оценкам, удалось перевыполнить.

В статье рассмотрен механизм перехода строительства жилья на проектное финансирование. Анализируется динамика открытия счетов эскроу в разрезе регионов России. Проведена оценка реализации программы льготной ипотеки в жилищном строительстве. Аргументирована необходимость дальнейшего совершенствования механизма жилищного кредитования в современных условиях с использованием инструментов государственной поддержки.

Ключевые слова: проектное финансирование, эскроу-счет, депонирование, жилищное кредитование, долевое строительство, кредитный договор, льготная ипотека, государственная поддержка.

PROJECT FINANCING HOUSING CONSTRUCTION IN RUSSIA: RESULTS AND PROSPECTS

N. I. Glotova

Altai State Agrarian University (Barnaul, Russia)

Housing construction is one of the main directions of the construction industry, while being a powerful driver of investment and consumer demand. It has a priority social significance and makes a significant contribution to the development of the economy.

Currently, in Russia, an increase in the volume of housing construction and the formation of an affordable housing market through the development of mortgage lending is one of the priority tasks of socio-economic development. Over the past three years, Russia has maintained a stable positive dynamics of housing commissioning. According to preliminary estimates, the targets set by the national project have been exceeded.

The article discusses the mechanism of transition of housing construction to project financing. The dynamics of opening escrow accounts in the context of Russian regions is analyzed. The assessment of the implementation of the preferential mortgage program in housing construction was carried out. The necessity of further improvement of the housing lending mechanism in modern conditions with the use of state support instruments is argued.

Keywords: project financing, escrow account, escrow, housing loans, equity construction, loan agreement, preferential mortgage, government support.

Введение. Переход с долевого строительства на проектное финансирование стартовал в 2019 г. Безусловно, нововведения призва-

ны уменьшить число россиян, не получивших жилье, так как вложившиеся в строительство не будут больше рисковать собственными деньгами, а жи-

лье будет покупаться уже в доме, который полностью готов.

В рамках новой модели финансирования строительства жилой недвижимости обслуживание ссудной задолженности возможно только при условии роста объема продаж квартир на первичном рынке. Поэтому необходимо развитие индивидуального жилищного кредитования.

Ограничителями спроса на сегодняшний день может выступать увеличение долговой нагрузки вследствие отставания динамики денежных доходов населения от платежей по кредиту и рост цен жилой недвижимости.

Целью данной статьи является обобщение результатов исследования по вопросам перехода строительства жилья на проектное финансирование и определение направлений его совершенствования за счет стимулирования рынка ипотечного кредитования.

Методы и методика проводимого исследования. Теоретической и методологической основой исследования послужили труды ученых-экономистов по вопросам развития проектного финансирования жилищного строительства в России, а также нормативные документы законодательных и исполнительных органов России, регламентирующие данную деятельность. Для анализа экономической ситуации в строительной отрасли и состояния рынка ипотечного жилищного кредитования использовались материалы статистических данных Росстата, Центрального Банка, Ассоциации банков России. В зависимости от поставленных задач на разных этапах исследования применялись общенаучные и специальные методы: сравнение, аналитический, монографический, экономико-статистический.

Результаты исследования. Порядок перехода проектов на новую модель финансирования жилищного строительства нашел отражение в рамках реализации дорожной карты в 2018–2019 годах. Основные поправки были внесены в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»¹.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 22.04.2019 № 480 исключение из этого правила установлено для проектов строительства, начатых до 1 июля 2019 г., в которых продано не менее 10% площади, а уровень строительной готовности составляет не менее:

- 6% — для застройщиков, включенных в перечень системообразующих организаций Российской Федерации и имеющих не менее 4 млн кв. м жилья в стадии строительства в 4 или более субъектах Российской Федерации;
- 15% — для проектов развития, застроенных территорией, комплексного освоения территорий, строительства стандартного жилья и проектов, предусматривающих безвозмездную передачу объектов инфраструктуры в государственную или муниципальную собственность;
- 30% — для прочих проектов строительства².

По проектам, которые попадают под указанные выше критерии, гарантии исполнения заемщиком своих обязательств перед гражданами, участниками в долевом строительстве, обеспечиваются публично-правовой компанией «Фонд защиты прав граждан — участников долевого строительства».

Новый механизм снижения рисков и нагрузки на капитал банков предусмотрен в разработанных стандартах гарантирования, которые содержат требования к проектам, банкам, застройщикам и условиям кредитования [1].

Благодаря цифровому взаимодействию через личный кабинет банка в единой информационной системе жилищного строительства на всех этапах сделки, считаем, что планируемые сроки ввода проектов строительства жилья вполне достижимы (рис. 1).

Таким образом, сегодня можно говорить, что основные элементы инфраструктуры реализованы: сформированы отраслевые команды в основных банках-участниках и созданы кредитные продукты, покрывающие разные потребности застройщиков.

С учетом вышесказанного выделим положительные и отрицательные моменты проводимой реформы (табл. 1).

¹ Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

² Постановление Правительства РФ от 22 апреля 2019 г. № 480 «О критериях, определяющих степень готовности многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости и количество заключенных договоров участия в долевом строительстве, при условии соответствия которым застройщику предоставляется право на привлечение денежных средств участников долевого строительства без использования счетов, предусмотренных статьей 15.4 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», по договорам участия в долевом строительстве, предоставленным на государственную регистрацию после 1 июля 2019 г.»

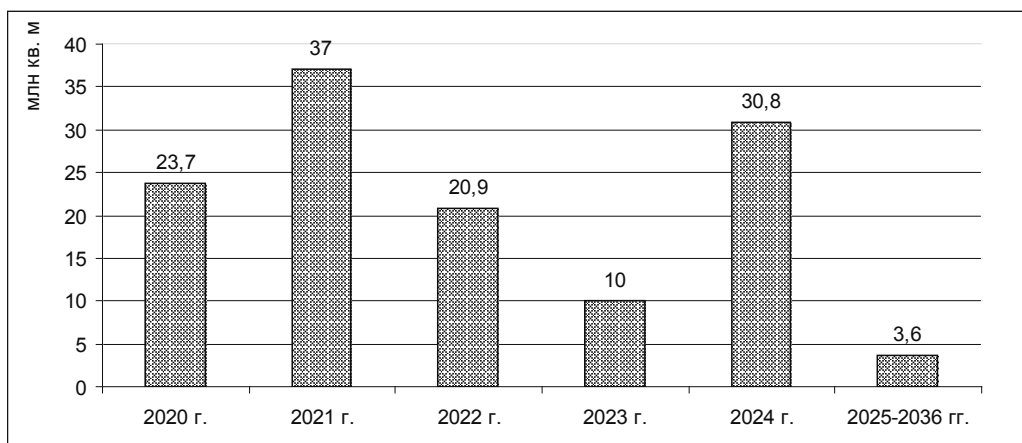

Рис. 1. Планируемые сроки ввода проектов долевого строительства жилья в России, млн кв. м [2, 3]

Таблица 1

Преимущества и недостатки проектного финансирования жилищного строительства

Плюсы реформы	Минусы реформы
<ul style="list-style-type: none"> • продажи через эскроу-счета защитят покупателей новостроек; • покупателям новостроек гарантируются страховые выплаты в размере не более 10 млн руб.; • рынок будет более цивилизованным и прозрачным: уйдут ненадежные, неопытные и непрофессиональные компании; • банки не допустят нецелевого использования застройщиками финансов; • данная схема давно используется в ряде европейских стран и доказала свою эффективность 	<ul style="list-style-type: none"> • новостройки могут стать дороже; • использование данной схемы приведет к уходу с рынка многих девелоперских компаний; • банкам, возможно, не будет хватать денежных средств на финансирование всех строек; • возможны сбои во взаимодействии банков и девелоперов; • проектное финансирование не гарантирует отсутствия банкротств застройщиков, а также уполномоченных банков

Стоит отметить, что новая схема финансирования жилищного строительства пользуется высоким доверием у россиян. По данным совместного опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения и ДОМ.РФ, положительно оценивают реформу почти 80% граждан. 77% опрошенных согласны с тем, что благодаря реформе риски покупателя жилья на стадии строительства снизились [4].

Подтверждением этому являются и результаты исследования: доверие граждан к рынку первичного жилья после реформы и перехода расчетов на счета эскроу выросло до 70% с 53 (рис. 2). Об этом говорит рост их количества и остатков на них: 24 банками на 01.09.2020 открыто 179,6 тыс. счетов эскроу, на которых депонировано более 0,6 трлн рублей [5].

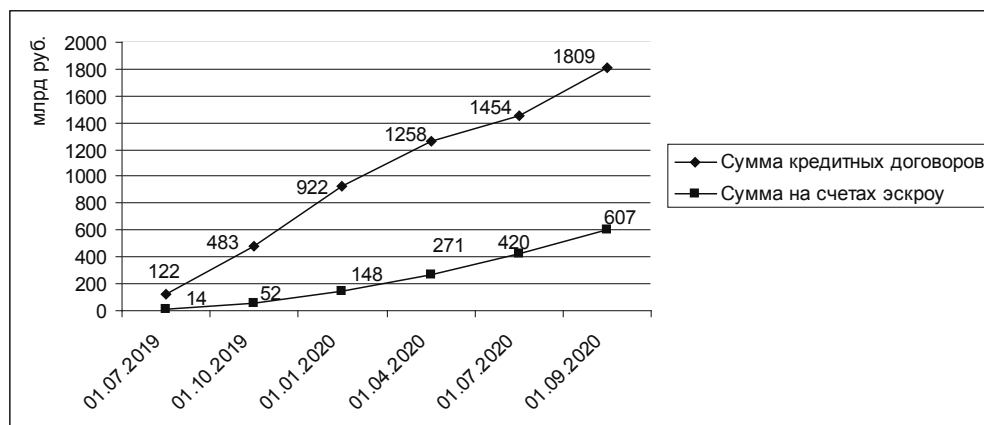

Рис. 2. Динамика открытия счетов эскроу и кредитных договоров за 2019–2020 гг. (нарастающим итогом), млрд руб.

Среди банков, уполномоченных работать с эскроу, наибольший прирост площади соответствующих проектов показали ПАО Сбербанк (+3 137 тыс. кв. м), ПАО Банк ВТБ (+715 тыс. кв. м), Банк

ДОМ.РФ (+704 тыс. кв. м) [5]. Стоит заметить: в целом на три крупнейших по проектам эскроу банка приходится 82% объема жилья, возводимого с применением данного механизма (табл. 2).

Таблица 2

Проекты с использованием счетов эскроу в разрезе кредитных организаций на 1 октября 2020 г.

Наименование банка	Общая площадь жилья, тыс. кв. м	Дома, шт.
Всего	40975	4031
ПАО Сбербанк	23904	2555
ПАО Банк ВТБ	4896	397
АО Банк ДОМ.РФ	4443	374
ПАО Банк ФК Открытие	1548	165
АО Россельхозбанк	1352	96
АО Альфа-банк	1161	100
АО Банк ГПБ	1156	86
ПАО Промсвязьбанк	571	66
ПАО Московский кредитный банк	341	17
ПАО Банк Санкт-Петербург	308	24
Иные банки	1295	151

Согласно данным Банка России можно сделать вывод, что темпы роста проектного финансирования достаточно высокие. Снижение спроса из-за пандемии коронавируса и приостановление работы строительных площадок не оказали существенного влияния на объемы финансирования.

В то же время необходимо не забывать и о том, что росту показателей способствовал ряд факторов:

- меры государственной поддержки отрасли (льготная ипотека, субсидирование ставок по кредитам застройщикам);
- краткосрочность основных ограничительных мер для строительной отрасли;
- обязательность перехода новых проектов на эскроу [6, 7].

Стоит отметить, что в настоящее время ни один проект, реализуемый с использованием счетов эскроу, не попал в реестр проблемных.

По состоянию на 1 октября 2020 г. реализация проектов долевого строительства осуществлялась в 80 субъектах Российской Федерации. Новая схема финансирования в некоторых регионах уже прошла полный цикл — от открытия счетов эскроу до перечисления накопленных средств застройщику или банку в счет погашения кредита. В 53 субъектах Российской Федерации завершено более 240 проектов: 11 банков «раскрыли» 15,8 тыс. счетов эскроу более чем на 36,1 млрд рублей.

Заметный рост ипотечного кредитования в середине 2020 г. был отмечен в Дальневосточном (ДФО), Центральном (ЦФО) и Южном (ЮФО) федеральных округах. В отдельных регионах этих округов данная тенденция отчасти связана с активиза-

цией программ льготной ипотеки, значительным предложением на рынке жилья. В то же время большая часть ипотечных кредитов по-прежнему приходится на население экономически благополучных регионов Центрального и Северо-Западного федеральных округов (СЗФО), что обусловлено демографическими факторами, уровнем доходов населения, объемами вводимого жилья и доступностью банковских услуг (рис. 3).

Лидерами среди проданного жилья в новостройках среди крупных регионов стали Самарская (56%) и Рязанская (55%) области, а также Алтайский край (53%). Минимальный уровень продаж строящегося жилья зафиксирован в Ставропольском (32%), Красноярском (35%) краях и Саратовской области (35%).

Однако несмотря на положительную динамику показателей, есть и определенные трудности. В результате падения доходов населения доступность жилья за первое полугодие 2020 г. в целом по России снизилась. Так, если в среднем за 2019 г. размер среднедушевого годового дохода равнялся стоимости 6,8 кв. м жилья на первичном рынке, то с третьего квартала 2019 г. по второй квартал 2020 г. значение этого показателя сократилось до 6,2 кв. м.

Падение наблюдалось в 67 из 80 регионах России. При этом на фоне временного повышения ставок в середине 2019 г. и снижения доходов долговая нагрузка населения по кредитам, включая жилищные (в том числе ипотечные), в 2020 г. продолжала увеличиваться. В частности, коэффициент обслуживания долга физических лиц вырос с 5,3% в 2019 г. до 5,5% во втором квартале 2020 г. [5, 8].

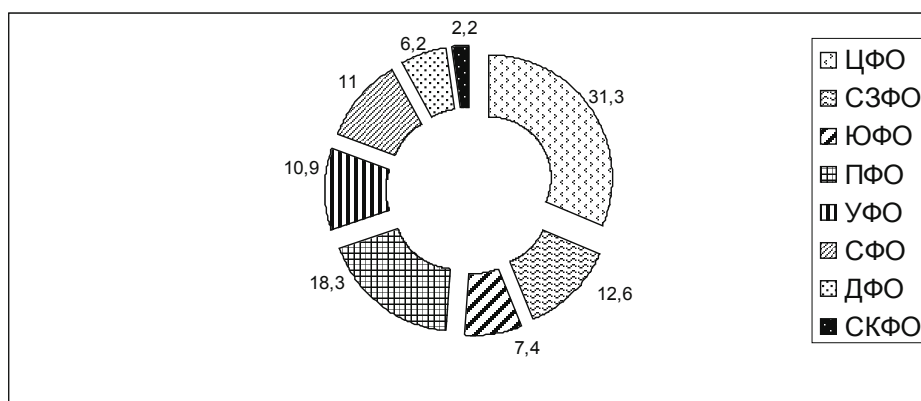

Рис. 3. Региональная структура ипотечного кредитного рынка России на 01.09.2020, %

В июле 2020 г. рост жилищного кредитования ускорился благодаря реализации программ льготной ипотеки, а также вследствие смягчения денежно-кредитной политики Банка России. Это позволило значительно повысить доступность жилищных кредитов.

Стоит заметить, что льготная ипотека привела к взрывному росту спроса на первичном рынке: в сентябре 2020 г. впервые за всю историю число сделок с физическими лицами преодолело рубеж в 10 тысяч.

Программы льготной ипотеки направлены, в первую очередь, на выполнение двух взаимосвязанных функций:

- экономической, заключающейся в поддержке национальной экономики посредством стимулирования спроса на жилую недвижимость и, соответственно, спроса застройщиков на строительные материалы, оборудование и труд строителей;
- социальной, включающей в себя адресную поддержку определенных групп населения, которые не могут улучшить свои жилищные условия с использованием стандартных рыночных инструментов [9, 10].

В России такие программы используются с 2010 г. Однако отличительной их особенностью является локальный характер, ограниченный круг получателей или срок действия.

С началом реализации программы семейной ипотеки в 2018 г., предусматривающей предоставление льгот по ипотечным кредитам семьям с двумя и более детьми или с ребенком-инвалидом значимость льготной ипотеки стала расти [11].

По мнению автора, охват населения программами льготного кредитования резко увеличился в 2020 г. по ряду причин:

- во-первых, с начала года начали функционирование две новые программы льготной ипотеки: дальневосточная ипотека и сельская ипотека;

— во-вторых, нарастание угроз для экономической устойчивости, связанных с пандемией COVID-19, создало предпосылки для инициирования программы льготного ипотечного кредитования по ставке 6,5% годовых или ниже, ориентированной на максимально широкий круг заемщиков.

В результате к середине 2020 г. почти половина новых ипотечных кредитов выдавалась в рамках льготных программ. Льготные программы ипотечного кредитования оказали заметное влияние на конъюнктуру ипотечного рынка в 2020 г. Прежде всего, они внесли существенный вклад в снижение среднерыночных ставок, отмечавшееся в середине года.

Проведенные исследования говорят о неоднозначном влиянии льготных ипотечных программ на обороты рынка. С одной стороны, они способствовали росту доступности ипотечных кредитов для населения, и часть заемщиков, не имевших возможности привлекать ипотечные кредиты на рыночных условиях, благодаря программам льготной ипотеки получила возможность улучшить жилищные условия. С другой стороны, в ряде случаев льготная ипотека лишь замещала собой рыночную.

Программы льготной ипотеки также неоднозначно повлияли и на объем ипотечного кредитного портфеля. По меньшей мере, часть льготных кредитов привлекалась заемщиками, имеющими возможность заимствовать средства на рыночных условиях. Соответственно, наращивание льготных кредитов таким заемщикам вело к сокращению рыночного спроса на кредиты, и общий объем кредитования не увеличивался. Кроме того, около 40% операций по программе семейной ипотеки приходилось на рефинансирование выданных ранее кредитов: такие операции не увеличивали кредитный портфель, изменяя его структуру.

Таким образом, можно констатировать, что программы льготного ипотечного кредитования выполняли в большей степени социальную функцию, чем экономическую.

К сожалению, сегодня мы наблюдаем ситуацию, когда рост доходов населения все же не успевает за увеличением цен на жилье [12]. А это, на наш взгляд, в среднесрочной перспективе вероятнее всего приведет к снижению доступности недвижимости. Возможно, поэтому и было принято решение о продлении программы льготной ипотеки под 6,5% будет до июля 2021 г. По оценкам Минфина, это решение позволит дополнительно выдать 354 тыс. кредитов на 1,1 трлн руб., обеспечив рост объемов строительства на 45 млн кв. м. Доля ипотечных сделок с квартирами, согласно проведенному анализу, достигает в России 90%, тогда как заемные средства на строительство индивидуальных домов россияне получают лишь в 5% [13].

Интересно заметить, что в период пандемии отмечен рост спроса на объекты индивидуального жилищного строительства (далее — ИЖС). Все больше россиян хотят жить в частных домах, но развитию индивидуального домостроения мешает недоступность ипотеки. Однако финансовые организации не стремятся выдавать кредиты на строительство индивидуального жилья по нескольким причинам:

- во-первых, банки не имеют возможности контролировать расходование целевых средств при самостоятельном возведении коттеджей;
- во-вторых, у объектов ИЖС отсутствует стандартизация — каждый строит, как хочет;
- в-третьих, участки под частные дома могут располагаться там, где нет социальной инфраструктуры, что делает их менее ликвидными.

В силу названных причин финансовые организации предлагают заемщикам ставки на строительство домов на 2–3% выше, чем по стандартным ипотечным программам.

Для решения сложившейся проблемы в ближайшее время будет принят стандарт развития индивидуального жилищного строительства, рекомендованный для банков в рамках проектного финансирования. Также в рамках реализации программы «Фабрика проектного финансирования» будут внесены изменения в 590-ю инструкцию ЦБ, которые позволят использовать проектное финансирование для того, чтобы банки получали кредиты на ИЖС как на многоквартирные дома, где став-

ка ниже ключевой при достаточно быстром темпе продаж^{1,2}.

Параллельно необходима отдельная программа по деревянному строительству, которая позволила бы распространить ипотеку на деревянные дома. Это поможет лесной отрасли адаптироваться к новым условиям — запрету на экспорт необработанной древесины — и обеспечить россиян хорошим современным и экологичным жильем.

На наш взгляд, развитие индивидуального жилищного строительства в сложившейся ситуации является одним из ключевых факторов, обеспечивающих повышение экономического потенциала, качества жизни и комфорта городской среды субъектов Российской Федерации. Современные кварталы индивидуальных домов позволят сформировать новые центры социальной активности, дополнительно привлечь бизнес и инвестиции, создать рабочие места и сбалансировать транспортную систему.

За 11 месяцев 2020 г. в России на долю ИЖС пришлось больше половины введенного в эксплуатацию жилья — 34 из 64,4 млн кв. м. Уже 70% граждан России рассматривают индивидуальные дома в качестве наиболее предпочтительного вида жилья. Но пока они остаются недоступными многим из-за высоких ставок по ипотеке, причиной которых является низкая ликвидность и высокие риски для банков. Надеемся, что комплексное развитие стандартизованного индивидуального жилищного строительства с возможностью привлекать проектное финансирование позволит в ближайшем будущем решить эту проблему [11].

С целью совершенствования жилищного кредитования в ближайшее время также планируется запустить программу по субсидированию ставок по кредитам для низкомаржинальных проектов. Уже до конца года на это направят 0,5 млрд рублей. Это связано с тем, что сейчас огромное количество проектов не выходит в рынок потому, что новая система не позволяет их финансировать.

Задолженность застройщиков перед банками в начале октября 2020 г. равнялась 762 млрд руб., 96% задолженности покрыто счетами эскроу.

¹ Постановление Правительства РФ от 15 февраля 2018 г. № 158 «О программе «Фабрика проектного финансирования».

² Указание Банка России от 16.10.2019 № 5288-У «О внесении изменений в Положение Банка России от 28 июня 2017 года № 590-П «О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности» (Зарегистрировано в Минюсте России 27.11.2019 № 56646).

Поскольку с увеличением хранящихся на них средств снижается процент, который застройщики платят банку, процентная ставка для них сейчас находится на минимальном уровне. Иногда она достигает 0,5%. Застройщикам переход на проектное финансирование позволяет получать средства независимо от спроса на жилье.

Посредством реализации рассмотренных мероприятий к 2030 г. планируется вводить ежегодно по 120 млн кв. м жилья, что потребует роста выдачи ипотеки более чем в два раза: с 3,7 трлн рублей в нынешнем году до 7–8 трлн рублей (рис. 4). Ипотечный портфель банков вырастет с 10 трлн руб. 2020 г. до 35–40 трлн руб. [2].

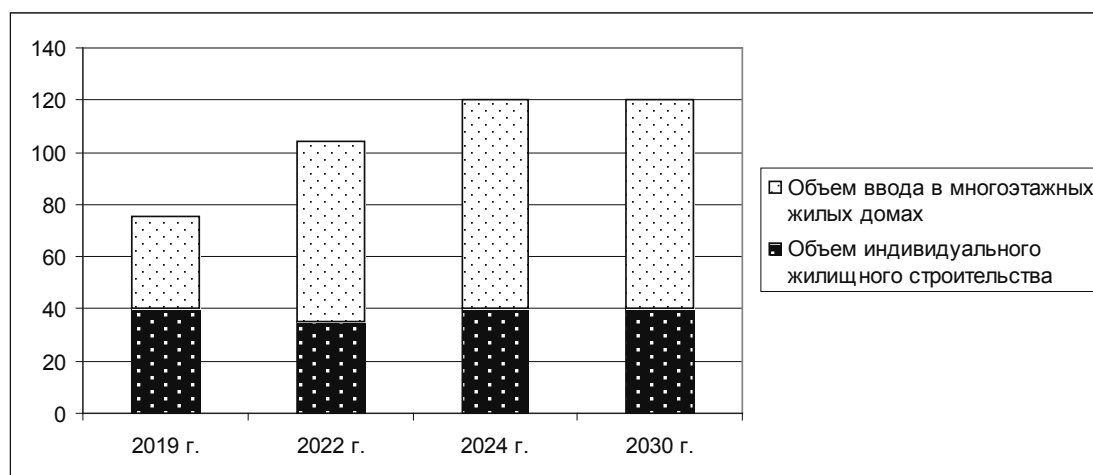

Рис. 4. Целевые показатели Стратегии развития строительной отрасли до 2030 г., млн кв. м в год

Учитывая планируемые объемы строительства и потребности в его финансировании, можно предположить, что долевое строительство в перспективе может стать одной из крупнейших отраслей банковского кредитования.

Несмотря на позитивные последствия реализации в России программы льготной ипотеки, нужно признать и наличие ряда проблем [14, 15].

Квартир на продажу после потребительского бума 2020 г. стало значительно меньше, что подталкивает цены к росту. Изменение ситуации скоро не ждать: вероятнее всего, тенденция сохранится и в 2021 г. При этом стоит заметить: «бум на рынке недвижимости» без роста доходов россиян может привести к снижению доступности жилья, росту долговой нагрузки граждан и рискам для банков. Считаем, что выровнять ценовую тенденцию на рынке возможно только с помощью увеличения предложения жилья.

Заключение. По мнению автора, стимулированию рынка ипотечного кредитования будет способствовать реализация следующих мер:

- необходимо продолжить стандартизацию основной документации, используемой в сделках проектного финансирования строительства жилья, что позволит создавать виды

активов, пригодные для проведения сделок секьюритизации на российском рынке;

- инфраструктурное развитие рынка ипотечных ценных бумаг;
- проработать в низкодоходных регионах снижение ставки кредитования заемщиков и требования к их кредитоспособности;
- переход на выдачу и сопровождение ипотечных кредитов полностью в электронной форме, что позволит снизить издержки кредитных организаций и улучшить качество обслуживания клиентов;
- электронный формат взаимодействия с Росреестром.

Таким образом, в перспективе необходимо совершенствование механизма проектного финансирования, так как недостаточный рост предложения жилья при субсидировании ставок по ипотеке по-прежнему будет сопровождаться ростом цен на недвижимость. В свою очередь, снижение ставки по кредиту и увеличение его размера из-за роста цен на жилье практически не изменит ежемесячный платеж по ипотеке. Соответственно, в этих условиях доступность жилья останется на прежнем уровне, а эффективность программы будет ограниченной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Стандарты гарантирования 2018 Москва. URL: https://xn-d1aqf.xn-p1ai/construction_financing/project-finance/ (дата обращения: 19.01.2021).
2. Стратегия развития строительной отрасли Российской Федерации до 2030 года. Проект 06.12.2019 // Минстрой России / Документы. URL: <http://stroystategy.ru/> (дата обращения: 19.01.2021).
3. Национальный проект «Жилье и городская среда». URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyy-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda/> (дата обращения: 19.01.2021).
4. Макаров Д. А., Юденко М. Н. Экономическая эффективность и финансовые риски проектного финансирования в жилищном строительстве // Микроэкономика. 2020. № 2. С. 23–28.
5. Центральный Банк Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/112903/analytic_note_20201007_ddkp.pdf/ (дата обращения: 19.01.2021).
6. Герман С. В., Раковский В. И. Переход на проектное финансирование в жилищном строительстве // Евразийское Научное Объединение. 2020. № 2–3 (60). С. 162–166.
7. Садыкова А. И. Перспективы применения эскроу-счетов в проектом финансировании жилищного строительства // Финансовая жизнь. 2020. № 2. С. 41–43.
8. Федеральная служба государственной статистики // Официальная статистика / Строительство. URL: <https://www.gks.ru/folder/14458/> (дата обращения: 19.01.2021).
9. Леванюк В. А., Глотова Н. И. Финансовая безграмотность сельского населения: индивидуальная проблема или проблема государства // Аграрная наука — сельскому хозяйству: сб. ст.: в 2 кн. / XIII Международная научно-практическая конференция (15–16 февраля 2018 г.). Барнаул, 2018. Кн. 1. С. 155–157.
10. Глотова Н. И., Фасенко Т. Е. Влияние социально-экономических факторов на развитие ипотечного жилищного кредитования // Вестник Финансового университета. 2017. № 3. С. 158–165.
11. Минфин предложил продлить ипотеку под 6,5% до конца 2021 года. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5f8418559a794762f6592aca/> (дата обращения: 19.01.2021).
12. Доскач О. Е., Глотова Н. И. Средняя заработная плата: подходы к определению показателя // Общество. Экономика. Культура: актуальные проблемы, практика решения: сборник научных статей IX Международной научно-практической конференции. В 2 ч. 2019. С. 26–39.
13. Ипотеку в России выдают на строительство 5% частных домов. URL: https://www.giperenn.ru/zhurnal/zhile/novosti/dolya-zhilishhnyh-zaymov-na-obekty-izhs-v-rossii-sostavila-5?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop/ (дата обращения: 19.01.2021).
14. Кирсанов А. Р. Проблемные вопросы проектного финансирования жилищного строительства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 2 (221). С. 7–22.
15. Никитин М. А. Механизмы проектного финансирования для решения проблем жилищного строительства // Нормирование и оплата труда в строительстве. 2020. № 3. С. 18–22.

REFERENCES

1. Guarantee standards 2018 Moscow. URL: https://xn-d1aqf.xn-p1ai/construction_financing/project-finance/ (date of access: 01.19.2021).
2. Development strategy for the construction industry of the Russian Federation until 2030. Project 06.12.2019 // Ministry of Construction of Russia / Documents. URL: <http://stroystategy.ru/> (date of access: 19.01.2021).
3. National Project «Housing and Urban Environment». URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyy-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda/> (date of access: 19.01.2021).
4. Makarov D. A., Yudenko M. N. Economic efficiency and financial risks of project financing in housing construction // Microeconomics. 2020. No. 2. Pp. 23–28.
5. Central Bank of the Russian Federation. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/112903/analytic_note_20201007_ddkp.pdf/ (date of access: 19.01.2021).
6. German S. V., Rakovsky V. I. Transition to project financing in housing construction // Eurasian Scientific Association. 2020. No. 2–3 (60). Pp. 162–166.
7. Sadykova A. I. Prospects for the use of escrow accounts in project financing of housing construction // Financial life. 2020. No. 2. Pp. 41–43.
8. Federal State Statistics Service // Official Statistics / Construction. URL: <https://www.gks.ru/folder/14458/> (date of access: 19.01.2021).

9. Levanyuk V. A., Glotova N. I. Financial illiteracy of the rural population: an individual problem or a problem of the state // Agrarian science — to agriculture: collection of articles. Art.: in 2 books / XIII International Scientific and Practical Conference (February 15–16, 2018). Barnaul, 2018. Book 1. Pp. 155–157.

10. Glotova N. I., Fasenko T. E. The influence of socio-economic factors on the development of mortgage housing lending // Bulletin of the Financial University. 2017. No. 3. Pp. 158–165.

11. The Ministry of Finance proposed to extend the mortgage at 6.5% until the end of 2021. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5f8418559a794762f6592aca/> (date of access: 19.01.2021).

12. Doskach O. E., Glotova N. I. Average salary: approaches to determining the indicator // In the collection: Society. Economy. Culture: actual problems, practice of solution. Collection of scientific articles of the IX International Scientific and Practical Conference. In 2 parts. 2019. Pp. 26–39.

13. Mortgages in Russia are issued for the construction of 5% of private houses. URL: https://www.gipernn.ru/zhurnal/zhile/novosti/dolya-zhilishhnyh-zaymov-na-obekty-izhs-v-rossii-sostavila-5?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop/ (date of access: 19.01. 2021).

14. Kirsanov A. R. Problematic issues of project financing of housing construction // Property relations in the Russian Federation. 2020. No. 2 (221). Pp. 7–22.

15. Nikitin M. A. Mechanisms of project financing for solving problems of housing construction // Rationing and wages in construction. 2020. No. 3. Pp. 18–22.

Поступила в редакцию: 28.01.2021.

Принята к печати: 12.02.2021.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТАРИФОВ НА ТРАНСПОРТНЫЕ УСЛУГИ В СТРАНАХ ЕВРОСОЮЗА И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

З. А. Капелюк, Я. В. Попова

АНОО ВО Центросоюза РФ «Сибирский университет потребительской кооперации»
(Новосибирск, Россия)

В статье анализируется опыт тарифного регулирования стоимости услуг пассажирских железнодорожных перевозок в странах Евросоюза и Российской Федерации. Раскрываются особенности тарифного регулирования и классифицируются по основным категориям одиннадцать стран.

Тарифная политика транспортных услуг используется для обеспечения согласованности экономических интересов потребителей и является проблемным сегментом для всех видов транспорта. В статье рассматриваются тарификация стоимости услуг, оказываемых железнодорожной инфраструктурой. Проводится сравнение отечественного и зарубежного опыта в вопросах ценообразования на транспортные услуги для дальнейшего развития российских железных дорог. Рассматривается установка тарифов и имеющиеся скидки, а также льготы на покупку билетов на поезда в странах Евросоюза и России. Анализируется индексация тарифов на транспортные услуги в ОАО «РЖД» в зависимости от периода совершения поездки и комфортности вагона.

Сделаны выводы о влиянии подвижных тарифов на эффективность экономики, а также о необходимости совершенствования тарифной политики в Российской Федерации, привлекая к реализации опыт зарубежных транспортных компаний.

Ключевые слова: ценообразование, транспортные услуги, тарифы, тарифное регулирование, пассажирские перевозки, эффективность экономики.

STUDY OF TARIFFS FOR TRANSPORT SERVICES IN THE EUROPEAN UNION COUNTRIES AND THE RUSSIAN FEDERATION

Z. A. Kapelyuk, Y. V. Popova

Siberian University of Consumer Cooperation (Novosibirsk, Russia)

The article analyzes the experience of tariff regulation of the cost of passenger railway transportation services in the European Union and the Russian Federation. The features of tariff regulation are disclosed and eleven countries are classified according to the main categories.

Tariff policy for transport services is used to ensure the consistency of economic interests of consumers and is a problematic segment for all types of transport. The article deals with tariff regulation of the cost of services provided by the railway infrastructure. Comparison of domestic and foreign experience in pricing of transport services for further development of Russian Railways is carried out. The setting of tariffs and available discounts, as well as benefits for the purchase of tickets for trains in the countries of the European Union and Russia are considered. The indexation of tariffs for transportation services of Russian Railways depending on the period of the trip and the comfort of the car is analyzed.

Conclusions on the impact of mobile tariffs on economic efficiency, as well as the need to improve the tariff policy in the Russian Federation by involving foreign transport companies in implementation.

Keywords: pricing, transport services, tariff, tariff regulation, passenger transportation, economic efficiency.

Основу транспортной системы Российской Федерации и стран Евросоюза представляет железнодорожный транспорт. От деятельности железнодорожного транспорта зависит социально-экономическое развитие страны, эффективность работы промышленности, сельского хозяйства, а также уровень удовлетворенности населения, его услугами, так как перемещение является одной из первоочередных потребностей жизнедеятельности человека. Качество предоставляемых в этой связи услуг играет большую роль.

Для обеспечения согласованности экономических интересов потребителей транспортных услуг, железнодорожного транспорта и государства используется тарифная политика. Проблема тарифной политики по видам транспорта в странах Евросоюза и Российской Федерации является одной из основных. Особый интерес представляет опыт тарификации стоимости услуг, оказываемых железнодорожной инфраструктурой. Вследствие этого актуальность теоретического обоснования условий формирования тарифной политики на транспортном рынке возрастает.

Цель данной статьи — раскрыть особенности тарифного регулирования стоимости транспортных услуг в части пассажирских железнодорожных перевозок в странах Евросоюза и Российской Федерации, проанализировать отечественный и зарубежный опыт в вопросах ценообразования на транспортные услуги для дальнейшего развития ОАО «РЖД».

В транспортной отрасли существуют многообразные формы регулирования тарифов, а именно:

- обязательный для операторов прејскурант, разработанный регулирующим органом. Используется в отношении естественных транспортных монополий;
- утверждение тарифа или изменений к нему регулирующим органом;
- требование объявления тарифа, направленного на исключение тарифной дискриминации, поскольку все клиенты имеют право на использование объявленного оператором тарифа. Кроме того, объявление тарифов субъектами рынка обеспечивает его ценовую прозрачность;
- установление верхней (для недопущения неоправданно высокой прибыли отдельных операторов) или нижней (для недопущения демпинга) границы тарифа;
- регулирование отдельных элементов тарифной системы;
- рассмотрение регулирующим органом претензий клиентов или конкурирующих операторов относительно неправомерного,

по их мнению, установления или применения тарифов [1].

В основном транспортное обслуживание обеспечивается коммерческими предприятиями, а государство отвечает за инфраструктуру. В политике ценообразования отражаются компромиссы между социальными, историческими и географическими соображениями, в зависимости от этого существуют различия в уровнях и структуре платы за пользование услугами [2]. Например, в странах, где существуют отдаленные и неблагоприятные районы, за их обслуживание обычно взимается невысокая плата. Формирование системы платежей во многих европейских странах происходит по принципу «полного покрытия издержек».

Во Франции тарифы на оказываемые услуги может устанавливать сам монополист, в рамках фиксированного диапазона цен в зависимости от конъюнктуры рынка. Минимальное значение тарифа определяется на уровне зависящей части себестоимости. Максимальное значение — на уровне платежеспособного спроса. На пассажирские перевозки устанавливаются фиксированные тарифы. На тариф влияет скорость перевозки, время года, день недели, время суток. Система дифференциации тарифов основывается на уровне платежеспособного спроса. В часы пик уровень тарифов превышает платежеспособный спрос для уменьшения нагрузки на транспортную отрасль и частичного распределения пассажиропотока. Помимо этого величина компенсации убытков от удержания тарифов на нижнем уровне определяется экономически обоснованным тарифом, при котором спрос пассажиров на железнодорожные перевозки не подвергнется значительному спаду [3].

Тарифы на пассажирские перевозки в Германии не регулируются на федеральном уровне. Они устанавливаются исходя из категоричности железнодорожных путей. На обеспечение транспортного обслуживания отдельным территориям Германии выделяются дотации. При необходимости правительство может самостоятельно удерживать тарифы на платежеспособном уровне на пассажирские и грузовые железнодорожные перевозки.

Система регулирования тарифов Норвегии контролирует соблюдение стандартов качества, соответствующих платежеспособному спросу населения и бизнеса. Европейское законодательство основано на необходимости контроля за ценообразованием в разрезе недопущения монополично высоких цен, в первую очередь, на товары (работы, услуги) с низкой эластичностью и высоким уровнем платежеспособного спроса (монопольное ценообразование). В большей степени Европейская концепция основана на понятиях справедливости, а не на экономических аргументах. В связи с этим

учитывается необходимость дифференциации тарифов с учетом эластичности спроса на железнодорожные перевозки при регулировании тарифов [4].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что формы тарифного регулирования в национальной экономике делятся на три основных категории: управляемая, регулируемая, рыночная. К управляемым относятся тарифы, установленные национальным, региональным, муниципальными органами власти. К регулируемым относятся тарифы, установленные с учетом ограничений верхней и нижней границы тарифа. К рыночным относятся тарифы, которые установлены железнодорожным оператором и не подлежат регулированию органами власти, но могут быть ограничены.

В некоторых государствах все тарифы регулируются национальным органом, иногда через утвержденную таблицу тарифов, как в Словакии. В Германии тарифы устанавливаются местными

властями или операторами, но подлежат регулированию. Во Франции правительство устанавливает максимальные тарифы, но Национальная компания французских железных дорог может установить и более низкие. В Швеции тарифы устанавливаются либо местными властями, либо рынком, и нет никакого регулируемого сегмента. В Великобритании тарифы могут устанавливаться всеми способами [4].

Железнодорожный транспорт в Российской Федерации представляет собой стратегическую, монопольную отрасль, которая не обладает налоговыми льготами и практически не использует сырьевые ресурсы в основной деятельности. Правительством Российской Федерации установлено, что общий рост железнодорожных тарифов не должен превышать темпов роста инфляции в стране [5].

В таблицу 1 сведены данные по установлению тарифов в некоторых странах Евросоюза и Российской Федерации.

Таблица 1

Классификация железнодорожного транспорта стран Евросоюза и Российской Федерации по формам тарифного регулирования

Государство	Виды тарифного регулирования		
	Управляемый	Регулируемый	Рыночный
Австрия	+		
Швейцария	+		
Чехия			+
Германия	+	+	+
Франция	+	+	
Нидерланды	+		
Польша	+		
Швеция	+		+
Словакия	+		
Великобритания		+	+
Российская Федерация			+

Источник: составлено авторами.

Помимо установленных тарифов на пассажирские железнодорожные перевозки в странах Евросоюза и Российской Федерации существуют определенные льготные условия проезда, а также скидки на проезд в зависимости от различных факторов. Тарифы могут быть снижены для отображения различных условий бронирования, тем не менее некоторые тарифы могут включать фиксированную процентную скидку на полный тариф, например, для социальных групп: дети, пожилые люди и инвалиды.

Существуют разные типы билетов в странах Евросоюза с индивидуальными тарифами, а так-

же с возможностью получения скидки. В основном типы билетов и наличие льгот на проезд взаимосвязаны со временем и типом путешествия, возрастом пассажиров, социальным статусом и размером группы в странах Евросоюза [6]. Классификация типов билетов со скидками представлена в таблице 2.

Помимо вышеперечисленных условий и иерархии решений на практике требуется рассматривать дополнительные факторы, в частности необходимость приобретения железнодорожных карточек в той или иной стране согласно своему социальному статусу и типу поездки [6].

Таблица 2

Скидки на билеты, сочетающие в себе туристические групповые и социальные характеристики в странах Евросоюза

Государство	Тип билета	Факторы			Детали		
		Туристические	Социальные	Групповые	Туристические	Социальные	Групповые
1	2	3	4	5	6	7	8
Бельгия	-25%	+	+		Только определенные типы поезда	Только при наличии определенной транспортной карты	
Испания	Carné Joven (транспортная карточка для молодежи от 14 до 30 лет)	+	+		Скидка варьируется в зависимости от типа поезда	В случае если возраст 14–30 лет или обладатель иностранной молодежной карты	
Великобритания	Железнодорожная карта вооруженных сил	+	+		Только в июле/августе	Должен состоять в Вооруженных силах	
Чехия	Группа 2–5 человек	+	+	+	Только выходные и праздничные дни	И взрослые, и дети	Группа 2–5 человек, но не обязательно связанных между собой какими-либо отношениями
Франция	Дети	+	+	+	Только определенные типы поезда	Возраст 4–11 лет	Скидка действует только на группы
	Многодетная семья		+	+		Скидки варьируются в зависимости от типа поезда	Размер семьи
Швейцария	Внук с железнодорожной картой		+	+		Дети от 6 до 16 лет	Ребенку нужна карточка для каждого родителя/бабушки/дедушки в том числе

Источник: составлено авторами.

Билеты по цене ниже полной стоимости могут регулироваться национальным, региональным и местным законодательством с учетом рыночных условий. Значительная доля сниженных тарифов и скидок в странах Евросоюза установлена транспортными операторами на рынке, с целью достижения целевых показателей для одного или нескольких из них: выручка, пассажиропоток и социальные цели.

Существует сложность в определении и резюмировании вариаций скидок в странах Евросоюза по ряду причин:

1. Скидки варьируются в зависимости от компетентных органов власти.

Многие из них на региональном и муниципальном уровне предлагают билетные продукты и/или скидки, которые являются более щедрыми, чем те, которые применяются в национальной сети,

в результате чего в таких городах, как Лондон, может быть четыре набора тарифов между двумя аналогичными парами станций.

2. Скидки имеют различные критерии приемлемости. Основные характеристики, такие как возраст, в котором пассажиры имеют право на скидки, широко варьируются. Среди тематических исследований выявлены скидки с верхней и нижней возрастной отсечкой: 4, 5, 6, 7, 10, 12, 14, 15, 17, 18, 23, 24, 26, 35, 60, 65, 66 и 70 лет. Скидку также может получить студент или недавний выпускник. Таким образом, не существует единого возраста ребенка или условий для получения льготы на проезд.

— Нидерланды разрешают бесплатный проезд детям в возрасте до 3 лет, после чего с помощью «железнодорожной карты» они оплачивают номинальный тариф до достижения ими 12-летнего возраста;

- В Чехии разрешен бесплатный проезд до 15-летнего возраста с подтверждением даты рождения.

Для таких групп, как пенсионеры, вариации могут быть более сложными, поскольку право на получение пособия может зависеть от достижения пенсионного возраста, установленного на национальном уровне, или от конкретной профессии, или после досрочного выхода на пенсию по состоянию здоровья. Сама железная дорога не может контролировать ни уровень скидки, ни круг пассажиров, имеющих на нее право.

3. Скидки могут варьироваться в зависимости от месторасположения, направления и времени. Исключения могут быть для конкретных поездов, для поездок/отправления с определенных станций, которые имеют мало других услуг.

4. Скидки могут отражать местные потребности или национальную социальную политику. Для перевозки пассажиров с различными доходами, составом семей, разными целями путешествий разрабатываются индивидуально в странах на местном уровне. Например:

- Болгария, Испания и Франция предлагают скидки для семей. Однако скидки такого рода введены не железной дорогой (вне транспортной политики), а как социальная политика по отношению к семье;
- Швейцария предлагает четыре различных типа сезонных билетов, поскольку пассажирам может потребоваться местный проезд до дома, до рабочего места, до обоих пунктов или до всех промежуточных пунктов.

Также может потребоваться скидка, чтобы ребенок получил возможность поездки с родителями и бабушками и дедушками;

- в Нидерландах действует система Keuzedagen, позволяющая владельцам некоторых типов билетов назначать дни, в которые они могут путешествовать бесплатно.
- в Швеции некоторые детские билеты ограничены часами поездки в школу и из школы в течение одного семестра, а другой билет позволяет путешествовать после школьных занятий [6].

В Российской Федерации система предоставления скидок значительно отличается от стран Евросоюза. В России не существует проездных карточек для людей разного социального статуса, не существует скидок на групповые поездки и т.д. В России практикуется система сезонных скидок, повышающие и понижающие коэффициенты которых зависят от периода совершения поездки и от типа комфортности вагона [7]. На рисунке 1 представлен график гибкого регулирования тарифов на дальние перевозки пассажиров в России в зависимости от периода поездки и типа вагонов.

Из графика следует, что наиболее благоприятные периоды поездок для пассажиров в плацкартных и общих вагонах: с 09 января по 20 февраля, с 25 февраля по 05 марта, с 10 марта по 19 марта, с 01 октября по 17 декабря. Самые дорогие билеты можно купить на период поездок в праздничные дни, в период летних каникул, в предновогодний период.

График индексации тарифов в зависимости от сезонности поездок
Источник: составлено авторами по данным сайта [8]

Кроме сезонной индексации тарифов в ОАО «РЖД» определен перечень категорий граждан, которые имеют право на бесплатный проезд два или один раз в год в зависимости от их социально-

го статуса, целях осуществления поездки (личные нужды, к месту лечения) и вида комфортности вагона. Например, Герои Советского Союза, Герои РФ, депутаты Государственной думы, лица, награ-

жденные орденом Трудовой Славы трех степеней; лица, награжденные орденами «За службу Родине в Вооруженных силах СССР», члены Совета Федерации, участники Великой Отечественной войны, ветераны боевых действий, граждане, пострадавшие от радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС и другие [9].

Существует некое сходство в системе скидок на проезд в странах Евросоюза и Российской Федерации для детей:

- бесплатный проезд до 5 лет без отдельного места в сопровождении взрослого, в «мягком» вагоне эта льгота распространяется на детей до 10 лет [9];
- «проезд со скидкой 50 % действует для школьников и воспитанников общеобразовательных учреждений старше 10 лет во внутригосударственном сообщении в общих, плацкартных вагонах, в вагонах с местами для сидения в скорых и пассажирских поездах. В случае проезда в фирменном скором или фирменном пассажир-

ском поезде во внутригосударственном сообщении 50% скидка будет предоставлена только на сумму проезда в обычном скором или пассажирском поезде, разница стоимости оплачивается полностью самостоятельно. Льгота не распространяется на летний период» [9].

Итак, гибкие тарифные условия, а именно наличие льгот, скидок благоприятно влияют на спрос на железнодорожные пассажирские перевозки как в Российской Федерации, так и в странах Евросоюза. Для повышения эффективности экономики и для выполнения тарифами своих функций необходимо, чтобы тарифы были подвижными для отражения постоянно происходящих изменений на рынке [10]. В свою очередь тарифная политика непосредственно воздействует на результаты работы транспортных предприятий, снижение их собственных затрат, способствует повышению качества оказываемых транспортных услуг, поэтому она должна постоянно совершенствоваться, привлекая к реализации опыт зарубежных транспортных компаний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Регулирование тарифов. URL: https://studme.org/1053032823377/logistika/regulirovanie_tarifov/ (дата обращения: 18.09.2020).
2. Хусаинов Ф. И. Ценообразование на железнодорожном транспорте. История железнодорожных грузовых тарифов в России: монография. М., 2017. 103 с.
3. Шеховцов В. И. Анализ опыта тарифного регулирования грузовых железнодорожных перевозок и возможности его применения // Сборник научных трудов Донецкого института железнодорожного транспорта. 2018. № 50. С. 15–25.
4. Семенова О. В. Исследование современного состояния системы тарифов на железнодорожном транспорте и возможностей ее дальнейшего развития: монография. М., 2014. 89 с.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 5 августа 2009 г. № 643 «О государственном регулировании и контроле тарифов, сборов и платы в отношении работ (услуг) субъектов естественных монополий в сфере железнодорожных перевозок». URL: <https://base.garant.ru/196053/> (дата обращения: 04.09.2020)
6. Study on the prices and quality of rail passenger services // European Commission Directorate General for Mobility and Transport. Belgium. 2016. 236 p.
7. Распоряжение Правительства РФ от 19.03.2019 № 466р «Долгосрочная программа развития ОАО «РЖД» до 2025 года» URL: <https://company.rzd.ru/ru/9353/page/105104?id=1359> (дата обращения 04.09.2020).
8. Сезонные изменения тарифов ОАО «РЖД». URL: https://pass.rzd.ru/static/public/ru?STRUCTURE_ID=5106/ (дата обращения: 04.09.2020).
9. Льготы на поезда дальнего следования ОАО «РЖД». URL: <https://www.rzd.ru/ru/9336/> (дата обращения: 04.09.2020).
10. Савченко Е. Е. Влияние тарифной политики в организации работы железнодорожного транспорта на развитие услуг транспортной логистической системы региона // Известия Байкальского государственного университета. 2004. № 3. С. 34–37.

REFERENCES

1. Tariff regulation. URL: https://studme.org/1053032823377/logistika/regulirovanie_tarifov/ (date of access: 18.09.2020).
2. Khusainov F. I. Pricing on railway transport. History of railway freight tariffs in Russia: a monograph. M., 2017. 103 p.
3. Shehovtsov V. I. Analysis of the experience of tariff regulation of freight railway transportation and the possibility of its application // Collection of scientific papers of the Donetsk Institute of Railway Transport. 2018. № 50. Pp. 15–25.
4. Semenova O. V. Study of the current state of the railway transport tariff system and possibilities for its further development: monograph. M., 2014. 89 p.
5. Decree of the Government of the Russian Federation of August 5, 2009 № 643 «On state regulation and control of tariffs, fees and charges in respect of works (services) of the subjects of natural monopolies in the field of railway transportation». URL: <https://base.garant.ru/196053/> (date of access: 04.09.2020).
6. Study on the prices and quality of rail passenger services // European Commission Directorate General for Mobility and Transport. Belgium. 2016. 236 p.
7. Decree of the Government of the Russian Federation from 19.03.2019 № 466r «Long-term development program of Russian Railways until 2025». URL: <https://company.rzd.ru/ru/9353/page/105104?id=1359> (date of access: 04.09.2020).
8. Seasonal tariff changes. URL: https://pass.rzd.ru/static/public/ru?STRUCTURE_ID=5106/ (date of access: 04.09.2020).
9. Privileges on long-distance trains «Russian railways». URL: <https://www.rzd.ru/ru/9336/> (date of access: 04.09.2020).
10. Savchenko E. E. Influence of tariff policy in the organization of railway transport operation on the development of regional transport logistics system services // Proceedings of Baikal State University. 2004. № 3. Pp. 34–37.

Поступила в редакцию: 19.11.2020.

Принята к печати: 15.12.2020.

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЛОКАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

И. В. Ковалева¹, М. Г. Кудинова¹, Т. В. Кучеренко²

¹Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)

²Финансовый университет при Правительстве РФ (Барнаул, Россия)

Статья посвящена развитию сельских территорий в условиях совершенствования локально-производственной специализации. На возможность успешной специализации региона существенное влияние оказывает размещение хозяйствующих субъектов. Учет региональных особенностей локализации (размещения) субъектов хозяйственной деятельности в процессе разработки и реализации значимых показателей будет способствовать развитию субъектов Российской Федерации в процессе хозяйственной деятельности. Государство формирует экономические отношения с фирмами и домохозяйствами, которые территориально расположены в конкретном субъекте, образуя определенную региональную специализацию. Выявлены факторы и критерии локально-производственной специализации развития территории, позволяющие выстраивать экономические отношения между государствами, фирмами, домохозяйствами, направленными на предоставление и удовлетворение потребностей, исторически определенных, локализованных в социально — экономическом времени и пространстве. Обозначенная экономическая структура региона с учетом локально-производственной специализации позволяет констатировать тот факт, что регион состоит из множества локальных территорий, которые классифицируются в зависимости от принадлежащих им границ. Что касается специализации региона, то она может корректироваться в зависимости от его экономической структуры, особенностей развития.

Ключевые слова: территория, специализация, сельские, производственно-локальная, оценка, перспективы, тенденции.

RURAL DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF IMPROVING LOCAL PRODUCTION SPECIALIZATION: THEORETICAL ASPECT

I. V. Kovaleva¹, M. G. Kudinova¹, T. V. Kucherenko²

¹Altai State Agricultural University (Barnaul, Russia)

²Financial University under the Government of the Russian Federation (Barnaul, Russia)

The article is devoted to the development of rural areas in the context of improving local production specialization. The possibility of successful specialization of the region is significantly influenced by the location of economic entities. Taking into account regional features of localization (placement) of economic entities in the process of developing and implementing significant indicators will contribute to the development of the Russian Federation's subjects in the process of economic activity. The state forms economic relations with firms and households that are geographically located in a specific subject, forming a certain regional specialization. Factors and criteria of local production specialization are revealed. development of the territory that allows building economic relations between States, firms, and households aimed at providing and satisfying needs that are historically defined and localized in socio — economic time and space. The indicated economic structure of the region, taking into account local production specialization, allows us to state the fact that the region consists of many local territories, which are classified according to their borders. As for the specialization of the region, it can be adjusted depending on the economic structure of the region and its development features.

Keywords: territory, specialization, rural, production-local, assessment, prospects, trends.

В последнее время в отечественной и мировой науке большое внимание уделяется исследованиям, посвященным вопросам устойчивого развития сельских территорий. Особый интерес представляют сельские территории как наиболее слабое звено развития, переживающие системный кризис, характеризующийся множеством демографических, социально-экономических, институциональных проблем. Одним из наиболее эффективных способов преломления кризисной ситуации на селе выступает стратегическое управление, о чем свидетельствует принятие «Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года», в которой все регионы подразделены на 4 типа в зависимости от уровня и особенностей развития сельских территорий, причем каждому типу предложен набор мер по развитию. При данном подходе в самом общем виде отражена дифференциация регионов и практически не учитываются возможности территорий, что приводит к еще большей внутрирегиональной дифференциации уровня развития сельской местности [1, с. 160].

Особую остроту принимает кризис в депрессивных регионах, где комплексному и устойчивому развитию села не уделялось должного внимания из-за ограниченности финансовых ресурсов, неразвитости производственной и социальной инфраструктуры. В результате усугубилась внутрирегиональная дифференциация по уровню развития их территорий.

Данное обстоятельство вскрывает необходимость достижения цели исследования — выявления факторов и критериев локально-производственной специализации развития территории, позволяющих выстраивать экономические отношения между государствами, фирмами, домохозяйствами, направленными на предоставление и удовлетворение потребностей, исторически определенных, локализованных в социально-экономическом времени и пространстве.

С. В. Мамонтова отмечает, что специализация сельскохозяйственного производства заключается в сосредоточении деятельности отдельных территорий и производственных единиц на выпуске определенных видов продукции или их частей. Она создает условия для увеличения прибыли, объема производства продукции, снижения издержек, повышения производительности труда, улучшения качества продукции [2].

Согласно проведенному обзору зарубежной экономической литературы, под специализацией региона следует понимать народнохозяйственную функцию региона, выполняемую им в результате территориального разделения труда на основе совокупности внутри- и межрегиональных отно-

шений, направленных на обеспечение последовательности процесса производства, распределения, обмена и потребления, а также развития различного уровня связей для определения агломерационной ориентации.

Следует выделить особенности расчета специализации региона (района): одни ученые ориентируются на обобщенные количественные показатели; другие определяют ее как соотношение объемов вывезенной продукции из района к общей произведенной продукции в нем и третьи — как отношение продукции, предназначенной для снабжения своей продукцией других районов к ее общему объему.

Вопросам эффективного развития региона (территории) посвящены исследования зарубежных и отечественных экономистов-ученых. А. Вебер является первым автором, который применил термин «агломерация», подчеркнул ее влияние на размещение предприятия, специализирующегося на производстве продукции. Он предлагает ограничить присутствие других факторов, оставив только транспортный [2, с. 17].

По мнению В. Кристаллера, пространственная организация городской агломерации предполагает сложную многоуровневую иерархию населенных пунктов от малого аграрного поселения до крупного города, а зоны обслуживания и реализации определенного товара формируются в правильные шестиугольники. И, соответственно, вся территория оформляется в шестиугольники (пчелиные соты), образуя кристаллеровскую решетку. Это способствует снижению расходов, связанных с расстоянием до места реализации товаров или осуществление поездок в места реализации для приобретения продукции и получения услуг. Зона реализации центрального места определяется уровнем иерархии [2, с. 20].

П. М. Полянин в конце 1980-х гг. предложил понимать под городской агломерацией «компактную и относительно развитую совокупность дополняющих друг друга городских и сельских поселений, группирующихся вокруг одного или нескольких мощных городов ядер и объединенных многообразными и интенсивными связями в сложное и динамическое единство» [3, с. 95].

Следует отметить, что главные условия, обеспечивающие равновесие, на обозначенном рынке заключаются в следующем:

- каждая организация стремится улучшить свое местоположение в отношении изготовителей и потребителей;
- локализация организаций по территории должна быть задействована в полной мере; не существует избыточного дохода, так как имеется некоторый баланс между ценами и расходами;

- рыночные зоны должны быть сформированы в форме шестиугольника и обладать минимальной величиной.

При этом высшим типом региона считается экономический ландшафт, сфокусировавший в себе рыночные зоны. Они в свою очередь определяются радиусами реализации конкурентоспособными товарами. Российские исследователи основным фактором локализации считали производительные силы [2]. Отечественные регионалисты исходили из формулирования закономерностей размещения по локальной территории региона. Закономерности размещения производительные силы, по их мнению, отражают тенденции, происходящие в системе социально-экономических отношений. В указанные отношения они включают этапы экономического развития, научно-технический прогресс, запросы экономической рациональности [3].

Принципы экономического районирования, предложенные Н. Н. Колосовским, входят в состав теории полюсов роста. Эта теория также объединила в себе теорию центральных мест В. Кристаллера, метод «затраты — выпуск» В. Леонтьева [1].

Таким образом, точки зрения ученых-регионалистов в отношении формирования принципов специализации территорий на определенной продукции (специализированный рынок) по территории региона, не совпадают. Одни исследователи в качестве основного фактора размещения выделяют транспортные издержки. Другие в состав факторов добавляют трудовые и агломерационные расходы. Третьи еще больше расширяют совокупность факторов размещения, включая размещение труда, концентрацию производства, микроэкономические инструменты (налоги, пошлины, эффекты монополии, олигополии). Четвертые ученые считают, что главный фактор размещения — это производительные силы. Пятые предлагают применять методы экономического районирования при размещении специализации территорий по региону. Согласно шестому и седьмому направлению в качестве факторов размещения следует исследовать полюса роста, зоны обслуживания и сбыта соответственно. Восьмое направление предлагает использовать методы программно-целевого планирования и управления при размещении специализации территорий по региону, включая приграничные принципы локально-производственной специализации территорий.

К первому направлению можно отнести немецкую классическую политическую экономию. Ко второму и третьему относится немецкая школа социально-экономической географии. Четвертое и пятое направления сформированы российскими учеными. Шестое направление состоит из предста-

вителей французской школы Х. Р. Ласуэна и П. Потье. Седьмое направление представлено немецкой школой социально-экономической географии. Восьмую школу также представляют российские ученые.

В связи с тем, что многие школы работали в нескольких направлениях, предлагается их объединить в более укрупненные движения экономической мысли. Для этого необходимо объединить первое, второе, третье и седьмое направление, которое представляет собой первое движение экономических теорий по размещению специализации территорий региона. При соединении четвертого, пятого и восьмого получается второе движение теорий по принципам размещения. А шестое направление следует включить французскую школу, Х. Р. Ласуэна, П. Потье — в третье движение по экономической мысли в направлении поиска факторов размещения.

Первое движение в качестве факторов размещения выделяет транспортные, трудовые, агломерационные расходы, размещение труда, концентрацию производства, микроэкономические инструменты (налоги, пошлины, эффекты монополии, олигополии), зоны обслуживания и сбыта. Представители второго движения ученых главными факторами локализации считают производительные силы с применением методов экономического районирования и программно-целевого планирования и управления. Третье движение экономической мысли в области размещения предлагает исследовать полюса роста.

Таким образом, эффективная локально-производственная специализация территорий, включая приграничные, является важным условием их развития. Процессы, которые протекают на рынках и территориях, зачастую являются результатом и отражением тенденций в экономической системе страны, области, региона. Экономика отдельного региона входит в число главных составляющих при определении предмета региональной экономики.

Российская Федерация входит в состав ООН и реализует положения, которые им приняты. Так, 25 сентября 2015 г. государства-члены ООН приняли Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 г. Она содержит ряд целей, направленных на ликвидацию нищеты, сохранение ресурсов планеты и обеспечение благополучия для всех. Каждая из 17 целей содержит ряд показателей, которые должны быть достигнуты в течение 15 лет [5]. Следует отметить, что из 17 целей в область нашего исследования входят три. Первая — устойчивое развитие города и населенных пунктов, вторая — индустриализация, инновации и инфраструктура, третья — ответственное потребление и производ-

ство. Из 84 представленных национальных показателей для целей устойчивого развития 18 рассчитываются по субъектам РФ, в которые включены локальные территории.

В большинстве источников понимание локальной территории происходит через территорию, ограниченную рамками муниципального образования субъектов РФ. Однако при постановке экономических задач по отношению к субъекту РФ, как правило, используется определение — «регион». Локальные территории соседних государств, прилегающие к общегосударственной границе, образованные единым ландшафтом и экосистемами, называются трансграничными территориями [6]. На этих территориях создаются специализированные пункты по обеспечению функций охраны и межгосударственных связей. Сформированные таможенные и транспортные структуры на определенной трансграничной территории с едиными историческими, общественно-экономическими особенностями, но находящиеся под действием суверенитета государства, к которому принадлежат данные территории, называют приграничными территориями.

По видам локальную территорию можно классифицировать на локальные территории с национальными границами и на приграничные локальные территории. При этом структура локальной территории носит обобщающий характер и может корректироваться в зависимости от особен-

ностей территориально-административного деления округа. Виды локальных территорий, так же как и локальная территория, ограничены рамками муниципального образования, только они как виды локальной территории еще ограничены государственными и (или) внутренними границами.

Одним из факторов развития любой территории становится построение экономической системы, позволяющей выстраивать отношения между государствами, фирмами, домохозяйствами, направленными на предоставление и удовлетворение потребностей, исторически определенных, локализованных в социально-экономическом времени и пространстве. Это возможно при условии развития в локальных территориях хозяйственных операций, как на внутренних рынках, так и на внешних. Соответственно, локальная территория вне зависимости от ее вида будет обладать хозяйственными операциями (рис. 1).

Под трансграничными хозяйственными операциями следует понимать те, которые осуществляются на внешних рынках между организациями из различных локальных территорий с организациями, расположенными за государственной границей. А под национальными хозяйственными операциями — которые происходят на внутренних рынках между организациями из различной локальной территории с организациями, расположенными на территории РФ.

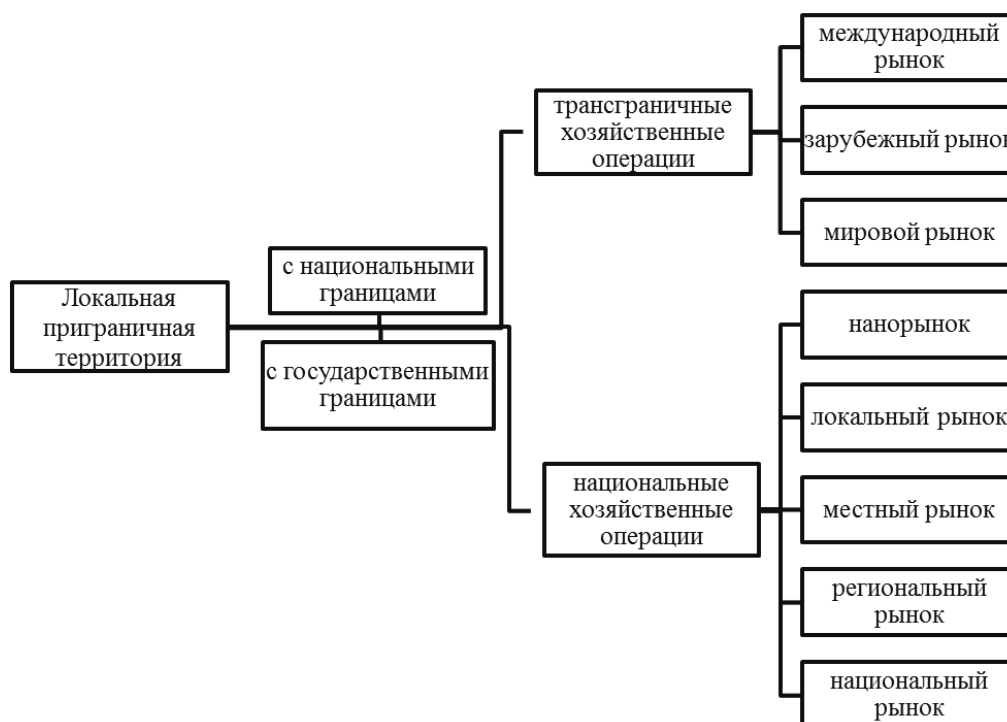

Рис. 1. Локальная территория и виды хозяйственных операций на рынках

Следует отметить, что перечисленные хозяйственные операции будут способствовать развитию экономической структуры региона с учетом локально-производственной специализации (рис. 2).

Обозначенная экономическая структура региона с учетом локально-производственной специализации позволяет констатировать тот факт, что регион состоит из множества локальных терри-

торий, которые классифицируются в зависимости от принадлежащих им границ. Что касается специализации региона, то она может корректироваться в зависимости от экономической структуры региона, его особенностей развития.

Показатель специализации предлагается оценивать через совокупность специализаций по локальным территориям.

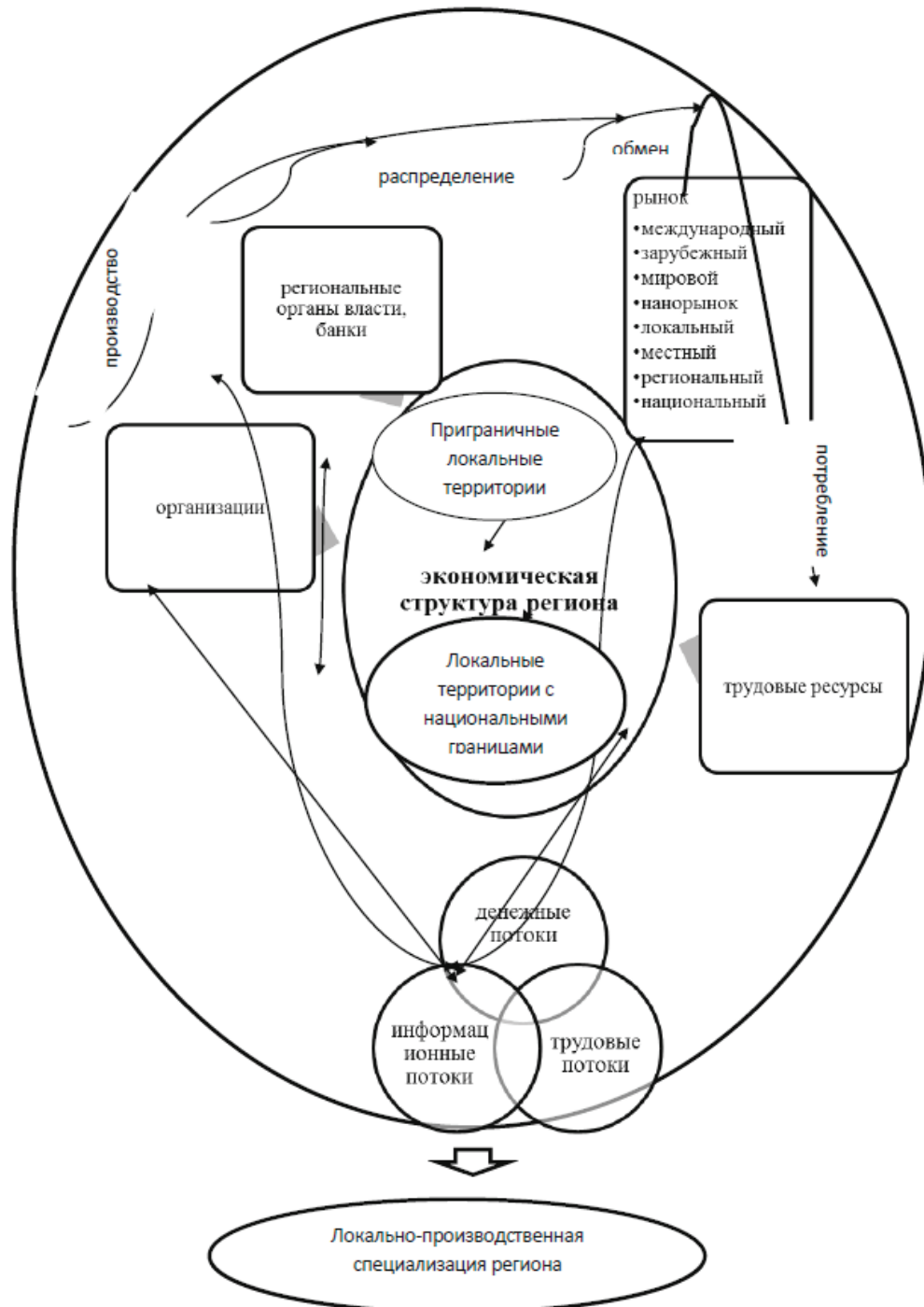

Рис. 2. Экономическая структура региона с учетом локально-производственной специализации

В качестве ключевых показателей для оценки ресурсов в определенной локальной территории предлагаем следующие критерии: социально-экономическое состояние и потенциал региона, инфраструктура субъекта, его стратегия развития в разрезе приграничных территорий, пространственное развитие региона с учетом особенностей развития РФ.

Выбор вышеперечисленных показателей обусловлен многоаспектным изучением локальных территорий, предусматривающим в себе помимо

оценки пунктов изготовления и реализации продукции на приграничной локальной территории, анализ потенциальных возможностей для развития региона.

Расчет обобщенных коэффициентов может осуществляться с применением разнообразных методов, в том числе рейтинговой оценки. Пример по определению локально-территориальной специализации региона (Алтайского края) представлен на рисунке 3.

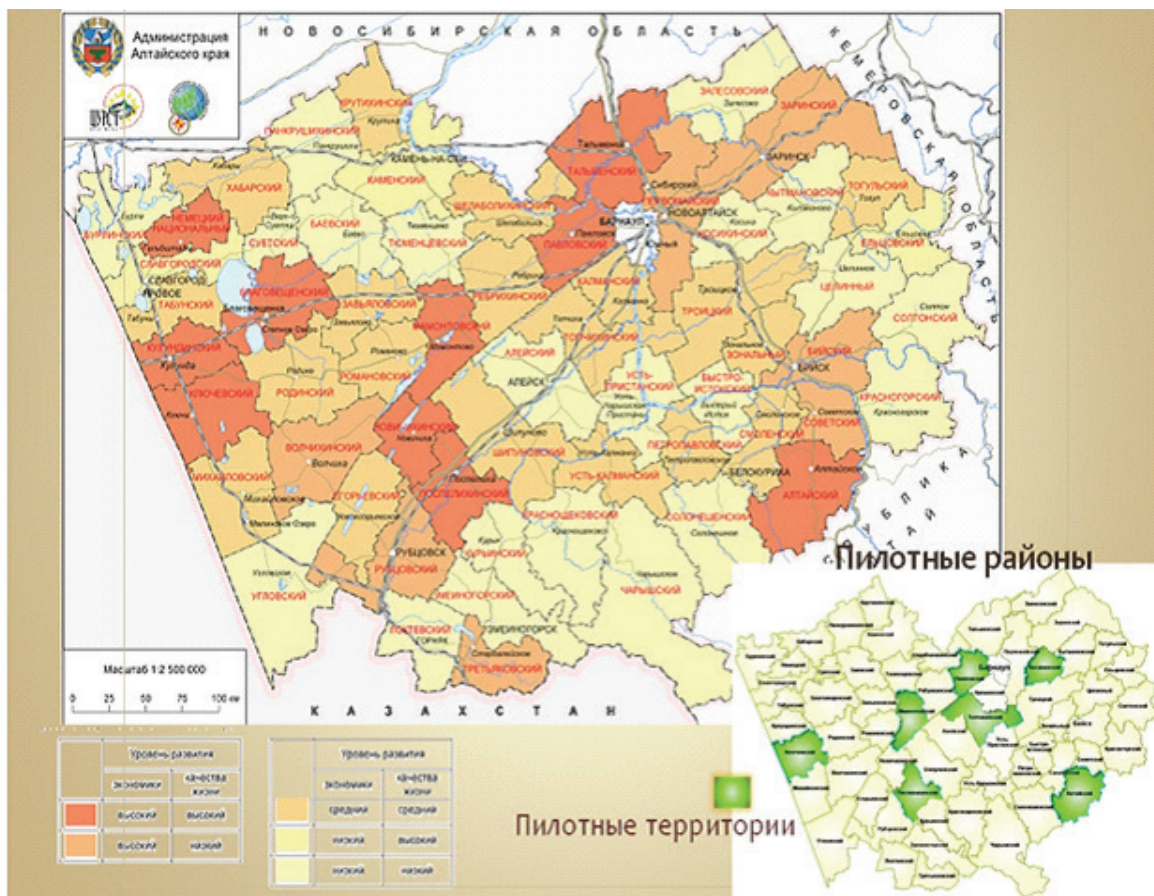

Рис. 3. Уровень локально-территориальной специализации региона [7]

Среди особенностей размещения локальных территорий в РФ можно выделить следующее: субъекты РФ определяют географические границы регионов, локальные территории ограничены рамками муниципального образования регионов РФ, в продвижении от локальных территорий к РФ наблюдается тенденция укрупнения территориальной локализации (рис. 3).

Следует отметить, высокий уровень развития экономики и качества жизни согласно рисунку 3 в Тальменском, Павловском, Алтайском, Мамонтовском, Новичихинском, Пospelихинском, Немецком, Благовещенском, Кулундинском, Ключевском районах Алтайского края.

В данном анализе следует акцентировать внимание на показателях приграничной территории Алтайского края по данному показателю. К территориям с низким уровнем развития экономики и качества жизни можно отнести: Угловский, Локтевский, Змеиногорский, Чарышский, Бурлинский и г. Славгород. К муниципальным районам с низким уровнем жизни и высоким развитием экономики — Третьяковский район. Табунский и Михайловский районы обладают средним уровнем развития экономики и качества жизни. Среди пилотных проектов в приграничной зоне можно выделить Ключевский район.

быть ограничены государственными и (или) внутренними границами.

На наш взгляд, одним из факторов развития любой территории должно стать построение экономической системы, позволяющей выстраивать экономические отношения между государствами, фирмами, домохозяйствами, направленными на предоставление и удовлетворение потребностей, исторически определенных, локализованных в социально-экономическом времени и пространстве. Это будет возможно при условии развития в локальных территориях хозяйственных операций, как на внутренних рынках, так и на внешних.

Обозначенная экономическая структура региона с учетом локально-производственной специализации позволяет констатировать тот факт, что регион состоит из множества локальных территорий, которые классифицируются в зависимости от принадлежащих им границ. Что касается специализации региона, то она может корректироваться в зависимости от экономической структуры региона, его особенностей развития.

Локальные территории с их особенностями размещения производительных сил через объединение в федеральные округа и представляют собой Российскую Федерацию; субъекты РФ определяют географические границы регионов; регионы

входят в состав федеральных округов; локальные территории ограничены рамками муниципального образования регионов РФ; муниципальные образования в РФ могут быть образованы по следующим типам: муниципальные районы, городские округа, городские округа с внутригородским делением, внутригородские районы, внутригородская территория (внутригородское муниципальное образование) города федерального значения, поселения (городские и сельские).

Таким образом, вопросам развития сельских территорий необходимо уделять внимание в части оптимизации и развития их локально-производственной специализации, что нашло отражение в Стратегии социально-экономического развития Алтайского края на период до 2035 года в части пространственной организации региона. Необходимо также учитывать специфику сельской экономики на конкретных территориях. Невозможно создать единую стратегию устойчивого развития для села. Она должна быть адаптирована к экономическим, природным и социальным особенностям регионов и местностей. В частности, разные подходы могут и должны быть для удаленных сельских населенных пунктов и для тех, которые располагаются относительно недалеко от городской местности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ефимова Е. В. Стратегические направления устойчивого развития сельских территорий Республики Мордовия // *Фундаментальные исследования*. 2016. № 12–1. С. 160–164. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41064> (дата обращения: 24.01.2021).
2. Мамонтова С. В. Уровень и совершенствование специализации в современных условиях хозяйствования // *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. 2012. № 3. С. 24–28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-i-sovershenstvovanie-spetsializatsii-v-sovremennyh-usloviyah-hozyaystvovaniya> (дата обращения: 24.01.2021).
3. Мавлютов Р. Р. Пространственное развитие крупных городов России в период постиндустриального перехода: монография. Волгоград, 2015. 160 с. URL: https://vgasu.ru/upload/files/online/oi_mavlutov-02.pdf (дата обращения: 24.01.2021).
4. Петухов Р. В., Лученко Е. В. Правовое регулирование агломераций: теоретические подходы и зарубежные практики // *Местное право*. 2017 № 6. С. 93–103. URL: http://131fz.ranepa.ru/uploads/files/2018/07/Roman_Petukhov_R._Lucenko_E._Regulation_agglomerations.pdf (дата обращения: 24.01.2021).
5. Григорьев Л., Гурвич Е., Саватюгин А. Современное состояние финансовых институтов России «Анализ и прогноз рынков в России», подготовленный по проекту ТАСИС // *Общество и экономика*. 2003. № 3. С. 3–14.
6. Киселев С. В. Теоретические и практические вопросы диверсификации сельской экономики как фактора устойчивого развития // *Сельские территории в пространственном развитии страны: потенциал, проблемы, перспективы*. М., 2019. С. 13–15. <http://www.viapi.ru/download/2019/20191129-Niko-chte-24-conf.pdf> URL: (дата обращения: 24.01.2021).
7. Стратегия социально-экономического развития Алтайского края до 2035 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ff2df63883cef734f344126c2294c79e/ak_2019.pdf (дата обращения: 24.01.2021).
8. Кучеренко Т. В. Особенности размещения локальных рынков на территории Южной зоны Алтайского края // *Экономика и предпринимательство*. 2019. № 7 (108).

9. Ковалева И. В., Кучеренко Т. В. Развитие производственной локализации сельских территорий: монография. Барнаул. 2019. 157 с.

10. Полухина М. Г. Ключевые элементы устойчивого развития сельских территорий: теоретический обзор // Вестник сельского развития и социальной политики, 2018. № 2 (18). С. 15–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyucheveye-elementy-ustoychivogo-razvitiya-selskih-territoriy-teoreticheskiy-obzor> (дата обращения: 24.01.2021).

REFERENCES

1. Efimova E. V. Strategic directions of sustainable development of rural territories of the Republic of Mordovia // Fundamental Research. 2016. No. 12–1. Pp. 160–164. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41064> (date of access: 24.01.2021).

2. Mamontova S. V. The level and improvement of specialization in modern economic conditions // Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. 2012. No. 3. Pp. 24–28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-i-sovershenstvovanie-spetsializatsii-v-sovremennyh-usloviyah-hozyaystvovaniya> (date of access: 24.01.2021).

3. Mavlyutov R. R. Spatial development of large cities of Russia in the period of post-industrial transition: monograph. Volgograd, 2015. 160 p. — URL: https://vgasu.ru/upload/files/online/oi_mavlutov-02.pdf (date of access: 24.01.2021).

4. Petukhov R. V., Luchenko E. V. Legal regulation of agglomerations: theoretical approaches and foreign practices // Local law. 2017. No. 6. Pp. 93–103. URL: http://131fz.ranepa.ru/uploads/files/2018/07/Roman_Petukhov_R._Lucenko_E._Regulation_agglomerations.pdf (date of access: 24.01.2021).

5. Grigoriev L., Gurvich E., Savatyugin A. The modern state financial institutions of Russia «Analysis and forecast of the markets in Russia», prepared for TACIS // Society and economy. 2003. No. 3. Pp. 3–14.

6. Kiselev S. V. Theoretical and practical issues of diversification of the rural economy as a factor of sustainable development // Rural territories in the spatial development of the country: potential, problems, prospects. M., 2019. Pp. 13–15. URL: <http://www.viapi.ru/download/2019/20191129-Niko-chte-24-conf.pdf> (date of access: 24.01.2021).

7. Strategy of socio-economic development of the Altai Territory until 2035. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ff2df63883cef734f344126c2294c79e/ak_2019.pdf (date of access: 24.01.2021).

8. Kucherenko T. V. Features of the placement of local markets on the territory of the Southern zone of the Altai Territory // Economics and Entrepreneurship. 2019. № 7 (108).

9. Kovaleva I. V., Kucherenko T. V. Development of industrial localization of rural territories: monograph. Barnaul, 2019. 157 p.

10. Polukhina M. G. Key elements of sustainable development of rural territories: a theoretical review // Bulletin of Rural Development and Social Policy, 2018. No. 2 (18). Pp. 15–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyucheveye-elementy-ustoychivogo-razvitiya-selskih-territoriy-teoreticheskiy-obzor> (date of access: 24.01.2021).

Поступила в редакцию: 02.11.2020.

Принята к печати: 21.12.2020.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ЕЕ ВКЛАДА В ЭКОНОМИКУ РЕГИОНА

И. В. Мищенко¹, В. В. Пуричи¹, Э. Э. Габриелян¹, Г. К. Лухманова²

¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

²Жетысуский государственный университет им. И. Жансугурова (Талдыкорган, Казахстан)

Туристическая сфера становится все более значимой составляющей экономики многих регионов России. Вместе с тем отсутствие необходимой инфраструктуры не позволяет использовать ее потенциал в полной мере. Пандемия стала стимулом для развития внутреннего туризма и одновременно обнажила множество проблем. Так, на материалах Алтайского края авторами дана оценка состояния туристической инфраструктуры региона, как основы туристической сферы. Были рассмотрены наиболее важные рекреационные зоны Алтайского края. Выявлено, что большинство туристических зон региона сталкиваются с множеством инфраструктурных проблем — отсутствие мест размещения, освещения, социальной инфраструктуры, некачественные дороги. Вместе с тем решение этих проблем является необходимым условием устойчивого развития отрасли региона. Для выработки стратегии дальнейшего развития сферы туризма авторами был проведен SWOT-анализ туристической сферы края, предложены пути решения выявленных проблем. Разработанные предложения позволят улучшить состояние отрасли в целом (в первую очередь — инфраструктурную составляющую), а также повысить ее вклад в экономику края.

Ключевые слова: туристическая отрасль, инфраструктура, экономика региона, направления развития.

TOURISM INFRASTRUCTURE IMPROVING AS A PREREQUISITE FOR INCREASING THE CONTRIBUTION OF TOURISM TO THE REGIONAL ECONOMY

I. V. Mishchenko¹, V. V. Purichi¹, E. E. Gabrielyan¹, G. K. Lukhmanova²

¹Altai State University (Barnaul, Russia)

²Zhetysu State University named after I. Zhansugurov (Taldykorgan, Kazakhstan)

The tourism sector is becoming an increasingly significant component of the economy of many regions of Russia. However, the lack of the necessary infrastructure does not fully utilize its potential. The pandemic has become an incentive for the development of domestic tourism and at the same time exposed many problems. So, on the materials of the Altai Territory, the authors gave an assessment of the state of the tourist infrastructure of the region, as the basis of the tourist sphere. The most important recreational zones of the Altai Territory were considered. It was revealed that most of the tourist zones of the region face many infrastructure problems — the lack of accommodation, lighting, social infrastructure, poor-quality roads. At the same time, solving these problems is a prerequisite for the sustainable development of the region's industry. To develop a strategy for the further development of the tourism sector, the authors carried a SWAT analysis of the tourism sector of the region, proposed ways to solve the identified problems. The developed proposals will improve the state of the industry as a whole (primarily the infrastructure component), as well as increase its contribution to the regional economy.

Keywords: tourism industry, infrastructure, economy of the region, development directions.

Российская Федерация, как и многие другие государства, признают туризм одним из приоритетных направлений социально-экономического развития, который в свою очередь обеспечивает рост валового внутреннего продукта и ведет к увеличению валютных поступлений и объемов инвестиций, развитию промышленности, торговли, инфраструктуры [1, с. 973]. Несмотря на огромный потенциал и разнообразие природно-климатических, рекреационных ресурсов России, вклад туристической отрасли в экономику страны пока недостаточен. Средняя доля туризма в ВВП стран-лидеров составляет 10%, в России — 1,5% [2]. Это связано, в первую очередь, со значительным недоиспользованием туристического потенциала многих регионов России, а также обусловлено недостатками существующей системы управления туристским предпринимательством на местах.

В этих условиях возникла объективная потребность перенести центр принятия решений по проблемам развития туризма на уровень регионов, здесь эти проблемы наполнить конкретным содержанием и замкнуть на особенности территорий, с акцентом на имеющиеся ресурсы и возможности.

В условиях современных реалий, связанных с мировой пандемией COVID-19, особо ост-

ро встает вопрос о своевременном, опережающем создании туристской инфраструктуры. В связи со сложившимися ограничительными мерами и рекомендациями ожидается рост спроса на внутренний туризм. Вполне вероятно, что российские туристы, в связи с опасностью заражения, предпочтут отечественные курорты зарубежным. Одним из возможных вариантов может оказаться Алтайский край.

В настоящее время Алтайский край является одним из ведущих регионов Сибирского федерального округа по развитию туризма. Но для качественной реализации туристских услуг уровень развития инфраструктуры должен предшествовать спросу.

Алтайский край — репрезентативный туристический регион. Алтайский край традиционно входит в пятерку туристических регионов России (табл. 1). Его конкурентным преимуществом является комплекс природно-климатических, бальнеологических и лечебных факторов, благоприятной экологии, богатого историко-культурного наследия, разнообразной гастрономии, наличие системы особо охраняемых природных территорий, а также устойчивых позитивных ассоциативных представлений и брендов.

Таблица 1

Рейтинг субъектов Российской Федерации по развитию туризма [3]

Рейтинг	Показатель	Субъект Российской Федерации
Регионы-лидеры		
1	93,8	г. Москва
2–3	93,0	г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан
4	90,3	Краснодарский край
Регионы с высокими показателями развития туризма		
5	83,6	Калужская область
6	75,0	Алтайский край
7	73,0	Тульская область
8	72,2	Вологодская область
9	71,0	Свердловская область
10	68,2	Московская область

Алтайскому краю присуще чередование горного и равнинного рельефов, красота полноводной Оби с ее притоками и протоками и разнообразием прекрасного ландшафта. Существуют все необходимые возможности для развития как традиционных, так и экстремальных видов туризма. На территории края множество археологических и этнологических памятников, а именно курганных и грунтовых археологических могильников, древних поселений, пещерных стоянок каменного века, а также горно-рудных выработок меди, серебра и золота.

В течение последних 10 лет в регионе сформировался высокоинтенсивный путь использования туристских ресурсов. В результате постоянно растет организованный туризм, который стал самостоятельной отраслью экономики. Сегодня туризм функционирует в 63 из 69 муниципальных образований края.

Доля сферы туризма в региональном ВРП невелика (табл. 1). Однако она оказывает мультипликативный эффект и, как правило, необходимо учитывать смежные с ней отрасли — торговлю, общепит, транспорт. Денежные затраты туристов становятся

доходами различных организаций и через уплату налогов пополняют бюджет соответствующей территории. Так, в рассматриваемый период на треть

увеличился совокупный оборот сферы туризма. Это положительно повлияло на налоговые поступления от туристической деятельности.

Таблица 2

Показатели, характеризующие сферу туризма Алтайского края [4]

Показатель	Единица измерения	Значение показателя		
		2017 год	2018 год	2019 год
ВРП Алтайского края	млн руб.	501889,3	513463,9	549972,9
Совокупный оборот туристской сферы Алтайского края	млн руб.	3800	4300	5000
Доля сферы туризма в ВРП Алтайского края	%	0,7	0,8	0,9
Доля сферы туризма в ВРП с мультипликативным эффектом (со смежными отраслями: общепит, транспорт, торговля и др.)	%	7,2	7,3	7,4
Объем налоговых поступлений от туристической деятельности	млн руб.	1233,5	1290,4	1400

Подобная динамика обусловлена увеличением числа индивидуальных и групповых средств размещения. С 2015 по 2019 г. их количество увеличилось с 623 до 704 объектов (рост 13%). Тенденция прироста объектов туристской инфраструктуры способствует росту количества туристов, приезжающих в Алтайский край. Так, в рассматриваемый период туристический поток в регион увеличился с 1,9 млн человек в 2015 г. до 2,2 млн человек в 2019 г. (на 13,6%) [5].

С мая 2018 г. был введен курортный сбор. В Алтайском крае он взимался с туристов, отдыхающих на курорте Белокуриха. В 2018 г. его величина составила 30 руб./сутки с человека, в 2019 г. — 50 руб./сутки. Однако из-за пандемии в 2020 г. сбор налога был приостановлен. Налоговые поступления от курортного сбора были направлены на создание новых объектов инфраструктуры территорий через Фонд развития курортной инфраструктуры. Так, с 2018 г. по 2020 г. в него поступило 84 млн рублей. С 2021 г. процесс взимания курортного сбора продолжится, но его величина уже не будет превышать 30 руб./сутки, а жителей региона освободят от его уплаты [6].

Алтайский край по праву считается многопрофильным туристским регионом, на территории которого представлены самые разные туристические программы, отвечающие требованиям высокопритязательного потребителя. В регионе активно развивается лечебно-оздоровительный, сельский, научно-познавательный, спортивный, событийный, деловой туризм.

Развитие на Алтае традиционного туризма определяет санаторно-курортный комплекс, представленный сегодня 42 организациями почти на 9 тысяч мест единовременного размещения. Ежегод-

но в регионе проходят лечение около 200 тысяч человек [5]. В то же время туристско-рекреационные ресурсы региона освоены неоднородно. Его инфраструктура развита недостаточно и уровень ее развития различен.

В рамках данного исследования мы провели анализ состояния рекреационной инфраструктуры наиболее важных рекреационных зон Алтайского края. К ним относятся: туристский кластер «Белокуриха», «Белокуриха-2», ОЭЗ «Бирюзовая Катунь» и сопутствующая ей игровая зона «Сибирская монета», Завьяловский район, «Озеро Ая», город-курорт Яровое, Горная Колывань, спортивно-туристический кластер «Тягун». Он показал, что наличие туристической инфраструктуры во многом зависит от включенности государства в развитие данных территорий. Строительство дорог, освещения, социальной инфраструктуры являются необходимым условием прихода частных инвестиций на территорию.

Различный уровень развития инфраструктуры определяет разную привлекательность территориальных объектов для частных инвестиций. При этом в каждой выделяемой зоне есть проблемы, препятствующие развитию отрасли.

Город-курорт Белокуриха располагает мощной санаторно-курортной базой, доставшейся ему еще с советских времен. Это позволило ему войти в число курортов федерального значения и стать ядром санаторно-курортной системы Алтая. Привлекательность, которая объясняется наличием уникальных ресурсов, высоким уровнем сервиса и квалификации персонала, создает условия для привлечения инвестиций в эту территорию. Однако существенное расстояние отделяет город от крупных аэропортов и железнодорожных стан-

ций. Ближайшая станция расположена в г. Бийске (68 км), аэропорт — в г. Горно-Алтайске (116 км). Аэропорты городов Барнаула и Новосибирска, которые долгое время были основными, принимающими пассажиров, следовавших в Белокуриху, удалены на сотни километров. Таким образом, трансфер гостей города-курорта представляет собой определенную проблему. В последнее время возобновились полеты судов малой авиации, доставляющие гостей непосредственно на место, но при потоке, превышающем 80 тысяч человек в год, малая авиация не может решить транспортной проблемы. Увеличение количества приезжающих гостей связано с возникновением и развитием на прилегающей территории новых объектов туристско-рекреационной деятельности.

Белокуриха-2 уже стала объектом, привлекательным и для гостей, и для инвесторов. Появление современных спортивных сооружений для лыжного спорта и биатлона позволяет надеяться на проведение на этой площадке спортивных мероприятий различного уровня. Создание здесь современного комфортабельного гостиничного комплекса предъявит дополнительные требования к обеспечивающей инфраструктуре.

Большое внимание со стороны государственных органов уделяется развитию особой экономической зоны «Бирюзовая Катунь». Это комплекс природного и экстремального туризма на территории 3326 га. На территории зоны созданы все условия для отдыха: искусственное озеро с аттракционами; горнолыжный комплекс; картинг; экскурсии в пещеры и гроты; рыболовный пруд; пасека; сплавы; джип-туры и квадроциклы; археологический парк и многое другое.

Вместе с тем Счетная палата РФ признала ее неэффективным проектом. На 4,2 млрд руб. федеральных инвестиций Алтайская ОЭЗ привлекла менее 900 млн руб. частных средств, а часть объектов инфраструктуры ОЭЗ не эксплуатируется из-за их несоответствия реальным потребностям зоны [7].

Построенные за 382,7 млн руб. канализационно-очистные сооружения мощностью 3,6 тыс. куб. м в сутки, способные обслуживать 12 тыс. человек, невозможно эксплуатировать при текущих объемах стоков 80 куб. м в сутки для 300–700 человек, сообщили представители Счетной палаты, а подземный водозабор стоимостью 153,5 млн руб. нельзя использовать из-за малого объема водопотребления, запуск его будет приводить к застаиванию воды. Тепловые сети (6,7 тыс. м) за 212 млн руб. не подсоединены к источнику тепловой энергии, так как не построен объект «Энергоцентр». Кроме того, из-за отсутствия горнолыжного курорта законсервирован полигон утилизации твердых

бытовых отходов за 26,6 млн руб., не востребован водозабор для покрытия искусственным снегом горнолыжных трасс (57,6 млн руб.). Данные проблемы тормозят дальнейшее развитие туристической зоны и делают ее менее привлекательной по сравнению с такими направлениями, как Белокуриха и Шерегеш.

Большие ставки сделаны на развитие спортивного туризма в крае. Так, с 2017 г. реализуется проект по созданию спортивно-туристского кластера «Тягун» [5]. На сегодняшний день идет процесс обеспечения инженерной инфраструктурой данного объекта. На эти цели из бюджета выделено порядка 50 млн рублей [8]. Пока рано говорить об эффективности данного проекта. Вместе с тем он достаточно интересен частному бизнесу. Из вложенных в проект 100 млн рублей более 80% — частные инвестиции [9].

Развитие автотуризма также приводит к росту количества приезжающих гостей в Алтайский край. Мобильные туристы не готовы подолгу оставаться на месте и предпочитают перемещаться по дорогам, далеким от совершенства, и использовать придорожную инфраструктуру, порой совершенно отсутствующую. По дороге от Новосибирска, а далее от Барнаула и Бийска количество объектов, сопровождающих путешественников, минимальное, а уровень сервиса в них оставляет желать лучшего. При этом объекты нацелены на решение самых насущных проблем. Так, по дороге можно перекусить, без гарантии качества продуктов и изысканности кухни, остановиться на ночлег можно в городах или совсем немногочисленных средствах размещения по дороге, где также уровень сервиса нужно повышать. Могут быть оказаны услуги по срочному авторемонту. Однако объектов рекреационного плана практически нет и на расстоянии около четырехсот километров остановиться для отдыха и развлечений практически нигде. Получить медицинское обслуживание, возможность гигиенических процедур, а тем более содержательный отдых, предполагающий посещение интересных объектов, получение любопытной информации, например, краеведческого характера и даже развлекательного по дороге практически нигде. Либо придется существенно отклониться от маршрута, но и это не гарантирует качества услуг.

Еще более сложная ситуация складывается в зонах, расположенных на большем удалении от осевого направления, которым можно считать Чуйский тракт, или направление Новосибирск — Белокуриха.

Так, даже краевой центр, как отдельная рекреационная зона, оказывается в стороне от основного потока, если не выступает принимающей пассажиров стороной. В этой связи гостей, приезжающих

в аэропорт или на железнодорожный вокзал города Барнаула для того, чтобы продолжить путь на автотранспорте, можно рассматривать и как гостей города. Однако при этом сам город не готов к встрече гостей. Причина — слабое развитие рекреационной инфраструктуры. Долгое время обсуждается вопрос вхождения на территорию города мировых гостиничных брендов. Сетевые гостиницы необходимы для туристов из дальнего зарубежья, мало знакомых с характеристиками территории, как гарантия определенного уровня сервиса. Но и для внутреннего туризма появление таких объектов создаст условия для оживления конкуренции на рынке услуг по размещению, привлечет мировой опыт к организации деятельности в этой сфере.

Рекреационная инфраструктура города, можно сказать, делает первые шаги. Притом что у города есть интересные объекты и историко-культурный потенциал, использование его пока еще только начинается. Этому способствует создание историко-культурного центра, как общественного пространства, строительство живописной набережной, но событийно эта территория пока насыщена крайне мало, экскурсионная работа носит эпизодический характер, арт-объекты, такие как краевая филармония или концертный зал оркестра «Сибирь», ограничены в возможностях в связи с эпидемиологической ситуацией.

Все это требует мероприятий по развитию разнообразной инфраструктуры, способной обеспечить самые разные запросы гостей, и разработки мер по ее эффективному использованию.

Еще более сложная ситуация складывается в глубинных районах края. Завьяловская рекреационная зона, расположенная в пределах степной зоны региона, располагает ценнейшими оздоровительными ресурсами, это и минеральные источники, и лечебные грязи, и даже воздух, наполненный фитонцидами реликтовых ленточных боров. Все это делает территорию привлекательной для организации лечебно-оздоровительной деятельности по разным направлениям оздоровления. Однако территория не располагает ни транспортной инфраструктурой, ни объектами размещения, ни медицинскими учреждениями, способными обеспечить качественное предоставление услуги. В результате на грязевых озерах располагаются «дикари», которые занимают скорее вредным самолечением, минеральная вода в лучшем случае бутылкируется и вывозится, а то и не используется совсем, а ленточные боры интересны скорее для хищников от лесопереработки. Проекты строительства санаторно-курортных объектов существуют, однако привлечение инвестиций в туристско-рекреационную

сферу препятствует отсутствие вложений в инфраструктуру.

Примером решения вопроса развития со стороны частного сектора может служить рекреационная зона озера Яровое. Внимание органов власти было приковано к горной части региона, однако на самой окраине степной зоны вырос объект рекреационной деятельности, который принимает сегодня за сезон десятки тысяч гостей и организует мероприятия высокого уровня, формируя устойчивый имидж привлекательной площадки для отдыха и оздоровления. Но следует отметить, что свой собственный потенциал территории почти исчерпан, требуется серьезная помощь со стороны государства и инвестиции частного капитала для того, чтобы развитие этой зоны не остановилось. Строительство современных гостиниц и санаториев вполне оправдано в связи с имеющимся потоком туристов, а транспортные проблемы нужно решать безотлагательно, в противном случае можно столкнуться со спадом интереса и его преодолеть будет уже крайне сложно. Во что превращаются забытые туристские районы — примеров тому в мировом опыте достаточно. И очень мало прецедентов возрождения объектов, испытавших упадок. Материальные потери в этом случае значительны, а моральные — невозможны.

К зонам, требующим внимания с точки зрения проблем развития инфраструктуры, следует отнести Горную Колывань с городом Змеиногорском включительно. Благоприятные для развития массового туризма природные условия, наличие историко-культурных объектов обуславливает широкие возможности. Приграничное положение зоны, соседство с казахским Алтаем в рамках программы развития Большого Алтая делает этот участок региона стратегическим, но поток туристов на сегодняшний день ограничен удаленностью, низким уровнем развития системы размещения сервисного обслуживания.

Перспектива включения юго-запада Алтайского края в обслуживание турпотока связана со строительством дороги, связывающей районы Бирюзовой Катунь и Белокурихи с юго-западной частью края, городом Змеиногорск через Чарышский, Краснощековский и Курьинский районы с последующим выходом в степную зону. Это создаст условия для перемещения туристов по Большому кольцу, без необходимости возвращаться. Такие условия вполне соответствуют современным тенденциям в туризме, связанным с повышением мобильности, развитием автотранспорта и сервиса, например, услуг кар-шеринга.

Даже сегодня наиболее привлекательные объекты, такие как город-курорт Белокуриха, оказываются в транспортном отношении «тупиковыми»,

это снижает эмоциональную насыщенность путешествия. Решение подобных проблем требуется уже сейчас и связано оно с развитием обеспечивающей инфраструктуры.

Озеро Яровое уникально по своему составу и схоже по лечебным свойствам с Мертвым морем. Вместе с тем крупные гостиничные сети не стремятся заходить на данную территорию из-за низ-

кого уровня развития дорожной и социальной инфраструктуры.

Комплексный подход к решению проблем туристической сферы. Для разработки предложений по повышению туристской привлекательности Алтайского края воспользуемся SWOT-анализом инфраструктуры туристической отрасли Алтайского края [10] (табл. 3).

Таблица 3

SWOT-анализ туристской индустрии Алтайского края

Сильные стороны	Слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> • наличие собственной базы стройиндустрии; • наличие природных предпосылок для создания новых туристских объектов; • развитая сеть железнодорожных путей; • развитый санаторно-курортный комплекс 	<ul style="list-style-type: none"> • отсутствие качественного дорожного полотна, связывающего туристские объекты; • низкие возможности работы местного аэропорта; • низкий уровень сервиса; • слабо развитая инфраструктура промежуточных территорий; • слабо развитая индустрия развлечений
Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none"> • инновационно-технологическая модернизация промышленности и аграрного комплекса; • финансовая государственная поддержка туризма; • развитие игорного бизнеса; • рост инвестиционных предпочтений; • создание большего количества зон Free Wi-Fi на территории Алтайского края 	<ul style="list-style-type: none"> • рост уровня загрязненности территории при высоком туристском спросе; • уничтожение объектов культурного наследия (снос памятников архитектуры и культуры); • низкая платежеспособность населения; • миграция квалифицированных кадров в производстве туристских услуг

Проведенный анализ демонстрирует наличие острых проблем в уровне развития инфраструктуры региона, что в свою очередь не позволяет значительно повысить мотивацию потенциальных туристов.

Решить сложившиеся проблемы возможно привлечением инвестиционных ресурсов разного уровня. Алтайский край становится перспективной площадкой для мировых гостиничных сетей. Например, руководство гостиницы Hilton ведет переговоры о строительстве гостиницы в Барнауле, а также руководство международной компании Radisson заинтересовано в строительстве отеля, также уже ведутся переговоры.

Для решения развития отрасли в целом и ее инфраструктурной составляющей необходимо использовать комплексный подход. Он должен включать в себя следующие направления:

1. Приоритет внутреннего туризма над международным. В профессиональном сообществе должно сформироваться понимание того, что туризм внутренний, и туризм въездной — основа туризма региона, то есть сами туроператоры должны быть сосредоточены на продаже выгодных для регионов и страны в целом турпакетов.

2. Рост качества туристской индустрии, транспортной инфраструктуры. Должно сохраняться приоритетное направление в планировании экономики региона, нацеленное на создание турист-

ско-рекреационного комплекса международного значения. Стоит понимать, что в настоящее время промежуточные территории ничего не выигрывают. На всем пути пребывания и передвижения туристов по Алтайскому краю должны существовать туристские объекты. Также необходимо усовершенствовать придорожный сервис, ведь туризм — это путешествие, которое должно протекать максимально комфортно для туристов. Тогда Алтайский край будет выглядеть как целостная система, а не отдельные рекреационные узлы, не связанные между собой.

3. Переориентация профессиональных кадров в туристской индустрии. Существующие ограничительные меры, связанные с коронавирусом, не стоит воспринимать как время застоя, наоборот, это время возможностей и подготовки к предстоящему наплыву туристов. После снятия ограничительных мер люди обязательно поедут в Алтайский край за получением качественных туристских услуг, а создание инфраструктуры еще не завершено. В это время множество свободных кадров в туристской сфере, знающих особенности производства, могли бы перепрофилироваться на создание качественной инфраструктуры. При условии государственного софинансирования, льготного кредитования и других мер поддержки частных лиц могут быть созданы дополнительные предприятия общественного питания, средства размещения,

паркинги, развлекательные площадки, банковское обслуживание, зоны бесплатного Wi-Fi, отремонтированы дороги и др.

4. ССМ-продвижение курортов Алтайского края, цифровизация отрасли. Интернет как инструмент рекламы с каждым годом становится все популярнее. Поскольку у него огромный охват аудитории, относительно низкая стоимость, возможен показ рекламных материалов целевой аудитории. Также может быть выгодна реклама на телевидении. Кстати, это направление уже начали использовать в формировании имиджа территории. Например, снимают множество документальных фильмов про Алтайский край, которые показывают на федеральных каналах. В 2016 г. известный телеведущий Валдис Пельш снял документальный фильм про Алтайский край для «Первого канала». Это послужило мощнейшим стимулирующим фактором для роста туристской привлекательности. К рекламе можно отнести и рекомендации отдыха на Алтае от знаменитостей-выходцев с Алтая. Сейчас большое значение приобретают социальные сети, многие звезды имеют большое количество подписчиков. Такие наши популярные земляки, как певец Арсений Бородин, певица Ирина Ортман, футболист Алексей Смертин могли бы рекомендовать в социальных сетях свой родной регион для посещения туристов.

5. Создание и продвижение бренда Алтайского края. В современном мире имидж региона выступает одним из ключевых ресурсов, предопределяющих экономическую, политическую, социальную перспективу его развития. Создание привлекательного бренда формирует стойкую ассоциацию с конкретным товаром или услугой, их высоким качеством.

7. Сегментирование туристического рынка. Создание разнообразных авторских туров, ориентированных на разные группы потребителей и различный бюджет тура.

Еще одной возможностью для развития внутреннего туризма стала пандемия Covid-19. Несмотря на то, что туристический бизнес из-за коронавируса терпит огромные убытки, пандемия дала существенный импульс для развития внутреннего туризма в будущем. Российские туристы, напуган-

ные числом заболевших коронавирусом во всем мире, стремятся минимизировать передвижение и ставят в приоритет внутренний туризм, который в условиях кризиса является экономически выгодным. Как вариант, рекреационные зоны Алтайского края станут приоритетными, так как будут являться менее затратными, по сравнению с другими отечественными курортами.

Потенциальные возможности для переориентации туристских потоков выездного туризма на внутренний ни в коем случае не следует игнорировать. Задача по его развитию не только в том, чтобы направить выездные туристические потоки по внутренним туристским маршрутам и в создании условий, но также в формировании у населения страны мотивации к регулярному посещению отечественных мест отдыха в течение всего календарного года. Иначе при стабилизации доходов россиян выездной туристический поток вернется к традиционным объемам с последующим их увеличением.

Выводы. Стратегия развития туризма в Алтайском крае требует детального и тщательного контроля за выполнением намеченных мероприятий, а также создания условий местному населению для адаптации предполагаемым изменениям. Более того, наращивание выездного и внутреннего туризма должно предполагать значительное увеличение местного производства, целенаправленного снабжения территорий, посещаемых туристами. В результате мы получим увеличение как собственных доходов населения, так и налоговых доходов предприятий региона. Для дальнейшего развития туристской сферы Алтайского края, в первую очередь, необходимо решать вопросы, связанные с туристско-рекреационной, дорожно-транспортной инфраструктурой. Требуется не только создание новой инфраструктуры (строительство новых туристско-рекреационных объектов, средств размещения, новых автомобильных дорог и т. д.), но и поддержание в функционирующем состоянии уже существующей, ее своевременное обслуживание и модернизация, а также активное продвижение бренда Алтая в цифровой среде.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Болдырева С. Б. Влияние туризма на социально-экономическое развитие региона: обобщение российского и зарубежного опыта // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. Вып. 5. С. 972–988.
2. Федеральное агентство по туризму. URL: <https://tourism.gov.ru/contents/deyatelnost/rol-turizma-v-rossiyskoy-ekonomike/> (дата обращения: 27.01.2021).
3. Рейтинг субъектов РФ по развитию туризма // Министерство культуры Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: <https://culture.gov.ru/press/news/rejting-subektov-rossiyskoy-federatsii-po-razvitiyu20171006160552/> (дата обращения: 27.01.2021).

4. Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай [Официальный сайт]. URL: <http://akstat.old.gks.ru/> (дата обращения: 27.01.2021)
5. Управление Алтайского края по развитию туризма и курортной деятельности [Официальный сайт]. URL: <https://tourism.alregn.ru/pages/turizm-v-cifrah-v-altayskom-krae> (дата обращения: 27.01.2021)
6. Власти Алтая прогнозируют объем курортного сбора в 2021 году в размере 30 млн рублей // Интерфакс. URL: <https://www.interfax-russia.ru/siberia/main/vlasti-altayskogo-kрая-prognoziruyut-obem-kurortnogo-sbora-v-2021-godu-v-razmere-30-mln-rublej-vlasti> (дата обращения: 27.01.2021)
7. Счетная палата признала неэффективной 10-летнюю работу «Бирюзовой Катунь» // Аргументы и факты. 2017. URL: https://altai.aif.ru/society/schetnaya_palata_priznala_neeffektivnoy_10-letnyuyu_rabotu_biryuzovoy_katuni (дата обращения: 27.01.2021)
8. Официальный сайт Алтайского края. URL: https://altairegion22.ru/region_news/bolee-50-millionov-rublei-napravyat-v-altayskom-krae-na-razvitie-infrastruktury-sportivnoturistskogo-klastera-tyagun_886057.html (дата обращения: 27.01.2021)
9. Вести Алтай. URL: <https://vesti22.tv/news/sportivno-turistskiy-klaster-tyagun-poluchit-na-razvitie-bolee-50-millionov-rublej/> (дата обращения: 27.01.2021)
10. Праздникова Н. Н., Прудникова Н. Г., Стрижева О. С., Дудник А. В. Перспективы развития туристской индустрии в Алтайском крае (на основе социально-экспертного анализа) // Вестник Аграрного государственного университета. 2017. № 10. С. 60–65.

REFERENCES

1. Boldyreva S. B. The impact of tourism on the socio-economic development of the region: generalization of Russian and foreign experience // *Regional economy: theory and practice*. 2018. Vol. 16. No. 5. Pp. 972–988.
2. Federal Agency for Tourism. URL: <https://tourism.gov.ru/contents/deyatelnost/rol-turizma-v-rossiyskoj-ekonomike/> (date of access: 27.01.2021)
3. Rating of RF subjects for tourism development // Ministry of Culture of the Russian Federation [Official site]. URL: <https://culture.gov.ru/press/news/rejting-subektov-rossiyskoj-federatsii-po-razvitiyu20171006160552/> (date of access: 27.01.2021)
4. Office of the Federal State Statistics Service for the Altai Territory and the Altai Republic [Official site]. URL: <http://akstat.old.gks.ru/> (date of access: 27.01.2021)
5. Administration of the Altai Territory for the Development of Tourism and Resort Activities [Official website]. URL: <https://tourism.alregn.ru/pages/turizm-v-cifrah-v-altayskom-krae> (date of access: 27.01.2021)
6. Altai authorities predict the amount of resort tax in 2021 in the amount of 30 million rubles // Interfax. URL: <https://www.interfax-russia.ru/siberia/main/vlasti-altayskogo-kрая-prognoziruyut-obem-kurortnogo-sbora-v-2021-godu-v-razmere-30-mln-rublej-vlasti> (date of access: 27.01.2021)
7. The Accounts Chamber recognized the 10-year work of Turquoise Katun as ineffective // Arguments and Facts. 2017. URL: https://altai.aif.ru/society/schetnaya_palata_priznala_neeffektivnoy_10-letnyuyu_rabotu_biryuzovoy_katuni (date of access: 27.01.2021)
8. Official website of Altai Territory. URL: https://altairegion22.ru/region_news/bolee-50-millionov-rublei-napravyat-v-altayskom-krae-na-razvitie-infrastruktury-sportivnoturistskogo-klastera-57tyagun_886060.html (date of access: 27.01.2021)
9. Vesti Altai. URL: <https://vesti22.tv/news/sportivno-turistskiy-klaster-tyagun-poluchit-na-razvitie-bolee-50-millionov-rublej/> (date of access: 27.01.2021)
10. Prazdnikova N. N., Prudnikova N. G., Strizheva O. S., Dudnik A. V. Prospects for the development of the tourism industry in the Altai Territory (based on social and expert analysis) // *Bulletin of the Agrarian State University*. 2017. No. 10. Pp. 60–65.

Поступила в редакцию: 27.01.2021.

Принята к печати: 16.02.2021.

ТРАНСАКЦИОННЫЕ ИЗДЕРЖКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗМЕР ПРЕДПРИЯТИЯ И СТРУКТУРУ ЭКОНОМИКИ

П. А. Ореховский

Институт экономики РАН (Москва, Россия)
Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия)

В работе представлен дискурсивный анализ использования категории «транзакционные издержки». Демонстрируется сходство понятий «транзакционные издержки» и «издержки сбыта» по Э. Чемберлину. Однако в первоначальном дискурсе Р. Коуза транзакционные издержки рассматриваются как издержки использования ценового механизма, связанного с рыночной аллокацией ресурсов. Фирма, как иерархическая экономическая система, представляла собой альтернативный рыночному механизму аллокации. Факторы, которые влияют на величину транзакционных издержек в контрактной теории О. Уильямсона, почти не связаны со сбытом. В дискурсах Дж. Бьюкенена и М. Олсона транзакционные издержки — это издержки, возникающие на политическом рынке. Для Дж. Бьюкенена это — «позитивные» издержки создания новых законов, позволяющих снизить общественные издержки, связанные с производством и распределением общественных благ. В дискурсе М. Олсона рассматриваются не только «позитивные», но и «негативные» издержки, связанные с разделом рынков при помощи государственного регулирования. В свою очередь, сам Р. Коуз, исследуя проблему социальных издержек, связанных с внешними эффектами, по сути избавился от транзакционных издержек, приравняв их к нулю. Именно такая ситуация «теоремы Коуза» стала использоваться в рамках методологии анализа дисциплины «Экономика и право». В работе предлагается интерпретация транзакционных издержек как издержек преодоления границ между разнородными системами, основанная на дискурсе Э. де Сото. В этом случае цены легальности/внелегальности можно рассматривать как транзакционные издержки использования различных экономических систем.

Ключевые слова: Коуз, транзакционные издержки, издержки сбыта, политический рынок, общественный выбор, цены легальности и внелегальности.

TRANSACTION COSTS AND THEIR EFFECT ON THE SIZE OF THE ENTERPRISE AND THE STRUCTURE OF THE ECONOMY

P. A. Orekhovsky

Institute of Economics RAS (Moscow, Russia)
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

The paper presents a discursive analysis of the use of the category of “transaction costs”. The similarity of the concepts of “transaction costs” and “costs of the marketing” by E. Chamberlin is demonstrated. However, in the original discourse of R. Coase, transaction costs are considered as the costs of using the price mechanism associated with the market allocation of resources. The firm, as a hierarchical economic system, was an alternative allocation mechanism to the market. The factors that influence the value of transaction costs in O. Williamson’s contract theory are almost unrelated to sales and the marketing. In the discourse of J. Buchanan and M. Olson transaction costs are costs arising in the political market. For J. Buchanan, these are the “positive” costs of creating new laws that reduce the social costs associated with the production and distribution of public goods. M. Olson’s discourse addresses not only the “positive” but also the “negative” costs associated with dividing markets through government regulation. In turn, R. Coase himself, investigating the problem of social costs associated with external effects, in fact got rid of transaction costs, equating them to zero. It is this situation of “Coase’s theorem” that began to be used in the framework of the analysis methodology of the discipline “Economics and Law”. The paper

proposes an interpretation of transaction costs as costs of overcoming the boundaries between heterogeneous systems, based on the discourse of E. de Soto. In this case, the prices of legality/illegality can be viewed as the transaction costs of using different economic systems.

Keywords: Coase, transaction costs, costs of the marketing, political market, public choice, prices of legality and illegality.

Необходимое введение: особенности методологии. Дискурсивный анализ — сравнительно новый, но уже достаточно распространенный инструмент исследований экономических текстов. По-видимому, наиболее известными представителями данного направления являются Д. Макклоски [1] и А. Кламер [2]. Особенностью дискурсивного анализа является акцент на цели высказываний авторов и риторических приемах, с помощью которых они пытаются убедить читателя в своей правоте. В этом отношении регрессионные уравнения, таблицы и графики рассматриваются так же, как обычные метафоры. Все это — риторические аргументы, позволяющие объяснить коллегам авторскую концепцию.

Концепт транзакционных издержек давно и широко применяется отечественными учеными-экономистами. Можно сходу назвать имена А. Аузана, А. Олейника, Е. Попова, В. Тамбовцева, О. Сухарева, А. Шаститко, хорошо известных российскому читателю. Однако целью настоящей работы не является написание обзора отечественной литературы, посвященной транзакционным издержкам. При всем уважении к выдающимся научным достижениям российских экономистов основные дискуссии, связанные с использованием концепта транзакционных издержек, были созданы западными учеными и стали использоваться за рубежом намного раньше, чем в СССР — России.

Оговоримся, что и характеристика современного состояния теории транзакционных издержек также не является целью данной работы. Такая грандиозная задача потребовала бы большого авторского коллектива, монографии (возможно, не одной) и вряд ли была интересна кому-то еще, кроме участников подобного проекта. Поводом (отчасти случайным) для нашего внимания к концепту транзакционных издержек было то обстоятельство, что несмотря на широкое распространение данного понятия и многочисленным попыткам его количественных оценок, оно (в отличие от других категорий, связанных с издержками), не нашло своего адекватного отражения в финансово-учетных дисциплинах. Более того, теория сравнительно адекватно описывала экономические процессы, не пользуясь этим понятием вплоть до второй половины XX в. А в таких теоретических дисципли-

нах, как микро- и макроэкономика, большинство экономистов обходятся и теперь без этого концепта и сейчас (включая сюда, конечно же, и учебники экономической теории). Такого нельзя сказать ни о постоянных, ни о переменных, ни о предельных издержках, не говоря уже об издержках, связанных с использованием рабочей силы (включая не только оплату труда, но и социальные выплаты (компенсации)). Более того, забегая вперед, отметим, что и сам основоположник теории транзакционных издержек — Р. Коуз — в своих работах, посвященных социальным издержкам и использованию коллективных благ (маяка), неявно использовал допущение о нулевых транзакционных издержках.

Поэтому целью предпринятого ниже анализа являлась характеристика особенностей использования транзакционных издержек в различных экономических дискурсах¹. Прежде всего, конечно, имеется в виду дискурс самого Р. Коуза. Кроме него, речь пойдет об использовании указанного концепта в работах О. Уильямсона, Д. Норта, Дж. Бьюкенена, М. Олсона. В заключении мы остановимся на варианте, обсуждаемом Э. де Сото — в каком-то отношении он является развитием концепции М. Олсона, но есть и существенные отличия.

Конечно, наш анализ страдает определенной поверхностностью и неполнотой. Но такова особенность используемой методологии — исчерпывающе охарактеризовать дискурс того или иного ученого означает, по сути, полностью переписать его работу.

Транзакционные издержки как издержки «использования ценового механизма». Проблема результативности. Как известно, категория транзакционных издержек вводится Р. Коузом для того, чтобы объяснить существование фирм (иерархических организаций) в рыночной среде: «Я отметил, что если бы имела место атомистическая конкуренция, когда каждая операция, при которой используется труд, материалы или деньги другого, была бы предметом рыночной транзакции,

¹ Используем поверхностную аналогию в качестве поясняющего примера: концепт «зеленого» будет сильно различаться в рамках дискурсов: 1) собственно цвета (краски), 2) степени зрелости, 3) политического символа.

в организации не было бы нужды. Но на самом деле это не так. Почему? Я нашел причину в издержках, сопряженных с проведением этих рыночных трансакций... если трансакции не управляются прямой механизмом цен, то *должна* (курсив Р. Коуза — П. О.) быть организация... цель организации в том, чтобы:

- а) воспроизводить в рамках предпринимательской единицы распределение факторов производства при атомистической конкуренции;
- б) делать это с издержками меньшими, чем издержки вытесняемых рыночных трансакций» [3, с. 54–55].

Однако издержки, о которых говорит экономическая теория, связаны с дальнейшим получением дохода. В этом отношении они отличаются от тех затрат, которые несут люди, чтобы добиться улучшения физической формы, духовного совершенствования или известности. Вероятно, часть полученных улучшений потом можно «монетизировать» и тем самым превратить новые свойства субъекта в его человеческий капитал, но зависимость между указанными издержками и результатом является предметом других дисциплин (медицины, философии, пиара и т. д.). До работы Р. Коуза в центре внимания экономистов находились издержки производства и сбыта: как указывал Э. Чемберлин, производственные издержки определяли форму и положение кривой предложения, в то время как издержки сбыта влияли на форму и положение кривой спроса [4, с. 163–189]. Естественно, что целью и производства, и сбыта является получение прибыли, определяемой как разница между ценой реализации и издержками.

Напомним, что эти внешне простые положения имеют массу различных тонкостей. Издержки принято рассматривать как показатель потока, однако произведенные, но не реализованные товары превращаются в запас; между уже проданными товарами (услугами) и получением денег возникает промежуток времени, связанный с окончательными расчетами, отсюда формируется дебиторская задолженность поставщика и краткосрочная кредиторская задолженность у покупателя. Все это хорошо известно финансистам. Но что можно сказать в этом отношении о транзакционных издержках? Сам Р. Коуз определяет их как издержки использования ценового механизма: «Основная причина, по которой создание фирмы рентабельно, состоит, как представляется, в том, что существуют издержки использования ценового механизма. Прежде всего издержки организации производства с помощью ценового механизма сопряжены с выяснением того, каковы соответствующие цены. Эти издержки могут быть сокращены благодаря появле-

нию специалистов, которые станут продавать такую информацию, но их нельзя устранить совсем. Следует также принять во внимание неизбежные на рынке издержки проведения переговоров и заключения контракта на каждую трансакцию обмена» [5, с. 37].

Поиск информации и заключение контрактов — это издержки сбыта. В случае когда такую информацию о поставщиках сырья собирает покупатель, он включает это в затраты на закупки (вместе с транспортными расходами и страховкой груза от порчи при погрузке, транспортировке, перегрузке). О таких издержках, среди прочего (включая рекламу) и писал Э. Чемберлин, при этом Р. Коуз, естественно, был знаком с его работой². Рассмотрим, например, распространенную классификацию транзакционных издержек по стадиям заключения и исполнения сделки³:

- 1) информационные издержки (ищем партнеров);
- 2) издержки измерения (затраты по определению качества товара — соответствия ожидаемым стандартам);
- 3) издержки ведения переговоров и заключения контракта;
- 4) издержки контроля (страховка от оппортунизма);
- 5) издержки защиты прав собственности по контракту (в том числе от посягательств третьей стороны, от органов государства).

Легко заметить, что все это — *именно* издержки сбыта. Здесь можно выделить причину, которая вызывает рост таких издержек (в управленческом учете для обозначения такого фактора применяется понятие *cost-driver*) — рост реализации требует и больших издержек, включая рекламу, работу юридической службы с дебиторами, страхование и т. д. И как раз эти-то издержки включены в аппарат финансово-учетных дисциплин (коммерческие издержки, операционные расходы, издержки обращения, внереализационные расходы).

С одной стороны, Э. Чемберлин вызвал раздражение многих мейнстримных экономистов, по сути, отрицая «суверенитет потребителя». Ныне многие экономисты, использующие категорию транзакционных издержек и привычно «кланяющиеся» авторитету Р. Коуза, на самом деле связывают эти издержки с реализацией продукции, а в понятие «транзакционного сектора» включают прежде всего торговлю, логистику и финансовую инжене-

² Сам Р. Коуз прямо указывает об этом в своих воспоминаниях, однако не видит никакой связи между своей концепцией и концепцией Э. Чемберлина [6, с. 78].

³ Классификация принадлежит [7, р. 147–148]. Цитируется по [8, с. 74].

рию, связанную с расчетами за поставленную продукцию.

С другой стороны, Э. Чемберлин не ставил перед собой вопроса о причинах существования иерархических организаций в рыночной среде, сама эта проблема — именно «коузианская». И «издержки использования ценового механизма» нельзя сводить к издержкам сбыта. Но что это за издержки? Какой результат преследует рыночный агент, используя «ценовой механизм»?

Ответ на этот вопрос не очевиден. Как пишет Р. Шервин: «Коуз в «Природе фирмы» не определил эмпирическое содержание транзакционных издержек и не рассказал нам, как их, увидев, распознать. С тех пор был достигнут большой прогресс в отождествлении транзакционных издержек с фирменно-специализированным человеческим и неодушевленным капиталом... Общее бремя издержек инвестирования требует общего участия в последующих прибылях, что может привести к проблемам *ex post* принуждения к соблюдению контракта, вызванным неэффективным оппортунистическим поведением» [9, с. 115]. Легко заметить, Р. Шервин ни много ни мало отождествляет транзакционные издержки с прибылью (участием владельцами человеческого капитала в прибылях). Теоретики могут не различать зарплату и человеческий капитал, но с точки зрения, скажем, налоговой инспекции различие между доходами от труда и доходами от капитала является принципиальным.

В свое время К. Эрроу определил транзакционные издержки как издержки эксплуатации экономической системы, а Дж. Стиглер уподобил их трению. «Экономика» намного шире, чем «рынок», и экономические системы, как правило, являются «смешанными». Другими словами, наряду с ценовым механизмом в экономических системах действуют и другие механизмы производства и распределения благ. Но любые механизмы требуют своего институционального оформления, и рынки — не исключение.

Экономисты сравнивают различные институциональные механизмы по степени минимизации ими транзакционных издержек, рассматривая эти издержки как «необходимое зло». При прочих равных условиях (равный душевой доход, равные показатели обеспеченности общественными благами) лучше будет та система институтов, которая требует меньшее количество транзакционных издержек, чем другая.

Такая интерпретация выглядит довольно-таки радикальной, но для дискурса Р. Коуза *того времени* как раз и был принципиально важным выбор между «фирмой» (в том числе централизованной фабрикой «по Ленину», о чем вспоминал сам основоположник [3, с. 60]) и рынком. Ре-

зультатом транзакционных издержек в этом случае является не реализация товаров и услуг, но формирование институтов, в рамках которых действуют те или иные институциональные механизмы. Это и соглашения о таможенных сборах, и налоговые режимы, и гарантии собственникам капитала и рабочей силы, включая кодекс законов о труде. В идеале, именно последним кодексом и регулируется рынок рабочей силы. Тем не менее прежде чем обсудить такую интерпретацию, необходимо остановиться на другом, более мягком варианте развития дискурса раннего Р. Коуза, предложенном О. Уильямсоном. Последний рассматривает не ценовой механизм в целом, но его часть — специфику контрактной системы. Затем мы вернемся к новой политической экономии, связанной с радикальной трактовкой.

О. Уильямсон: факторы, определяющие величину транзакционных издержек в условиях разных контрактов. О. Уильямсон в своей известной большой работе выделяет три группы факторов, которые влияют на транзакционные издержки [10]. Во-первых, это степень специфичности активов, включая степень специализации физических активов, человеческого капитала, местоположения, целевых активов. Чем выше такая специфика, тем больше *при прочих равных условиях* будут транзакционные издержки при использовании классических контрактов, содержание которых близко к обычному контракту о купле-продаже (контрагенты в этом случае одинаково относятся к риску). Переход к внутрифирменным контрактам и отказ от использования «ценового механизма» в этом случае позволяет существенно сократить транзакционные издержки.

Это соответствует и интуитивному ощущению экономической реальности — производить и реализовывать, скажем, продукцию легкой промышленности можно в условиях «распределенной мануфактуры», описаниями которой пестрят книги по экономической истории. Купцы развозят шерсть и/или материю по домам, через какой-то срок, объезжая свои адреса, получают готовую продукцию — пряжу, сукно, одежду. Транзакционные издержки здесь низки (близки к нулю?). И даже современные экономисты-теоретики любят, обращаясь к авторитету Адама Смита, повторять набивший оскомину тезис, что размер рынков определяется степенью разделения труда.

Однако начиная с определенного уровня усложнения технологии (в первую очередь, в связи с ростом энергоемкости продукции) ситуация радикально меняется. Транспортное машиностроение, станкостроение, производства непрерывного цикла, несмотря на определенные возможности аутсорсинга, используют имплицитные контрак-

ты (и/или соглашения о найме). Спецификой этих контрактов является то, что одна сторона принимает на себя большинство рисков, в то время как другая пытается их минимизировать. То обстоятельство, что в этом случае рынок заменяется другой экономической организацией, многие экономисты, в отличие от Р. Коуза, предпочли не замечать.

Любопытно, что современные сетевые магазины, франчайзинг и другие аналогичные формы, которые О. Уильямсон характеризует с помощью неоклассического (гибридного) контракта, также часто выпадают из «поля зрения» экономистов. Для «разделения труда» и «атомистической конкуренции» остается не так уж много места даже в условиях современной «распределенной мануфактуры». В принципе, именно это заставило исследователей пересмотреть оценки олигополистической конкуренции, которая в трудах Дж. Стиглера предстает не такой уж и вредной, какой ее видят сторонники антимонопольного законодательства [11]. Позднее об этом же писал и Ж. Тироль [12], сравнительно недавно получивший Нобелевскую премию. Поэтому загадкой остается преобладание в микроэкономике архаичного дискурса австрийской школы в стиле Ф. фон Хайека и его концепции «рассеянного знания». Стоит отметить, что мало кто обращает внимание и на то обстоятельство, что сама эта концепция восходит к еще более архаичным воззрениям на эффективность мелкотоварного производства Ж. Сисмонди.

В качестве второй группы факторов О. Уильямсон, отдавая должное традиции Г. Саймона, выделяет ограниченную рациональность. Действительно, если считать — в противоположность Ф. фон Хайеку — интеллект ограниченным ресурсом, возникает желание экономить на познавательных усилиях¹. Этому способствуют формализованные правила, которые фиксируются в должностных инструкциях, которые, в свою очередь, являются частью всей организационной структуры фирмы. В этом отношении как раз сетевые магазины, как и франчайзинг, достаточно наглядно свидетельствуют о возможностях экономии трансакционных издержек, связанных с принятием решений в условиях иерархии по сравнению с «атомизированным рынком». Более того, переход к интернет-торговле и «капитализму платформ» [13] представляет собой яркий пример такой экономии интеллекта за счет масштаба.

Наконец, в качестве третьей группы факторов выделяется оппортунизм: «Под оппортуниз-

мом я понимаю преследование личного интереса с использованием коварства. Подобное поведение включает такие его более явные формы, как ложь, воровство и мошенничество, но едва ли ограничивается ими. Намного чаще под оппортунизмом подразумеваются более тонкие формы обмана, которые могут быть активными и пассивными, проявляться *ex ante* и *ex post*» [10, с. 97]. Предполагается, что в рамках иерархической структуры и бюрократических процедур можно обеспечить более эффективный контроль. Действительно, иерархия позволяет если и не полностью избежать, то во всяком случае сильно смягчить негативные последствия асимметрии информации. Но в отличие от факторов ограниченной рациональности в случае оппортунизма следует отметить возможности появления *отрицательного* эффекта от масштаба: рост фирмы и превращение ее в корпорацию открывает возможности для искажения отчетности, снижения оперативности принимаемых решений. Это питательная почва для возможностей оппортунистического поведения руководителей и работников.

Даже в таком мягком варианте концепция трансакционных издержек не вошла в состав курсов микроэкономики. Легко заметить, что и в трактовке О. Уильямсона объем трансакционных издержек не связан с объемами производства и сбыта, а также решениями фирм о выборе наиболее эффективной комбинации продукции и ресурсов. Другими словами, трансакционные издержки сами по себе (если не увязывать их с асимметрией информации) напрямую не влияют на поведение покупателя и продавца. Тем не менее «ценовой механизм» должен обеспечивать их возмещение. Здесь, на наш взгляд, скрывается одно из главных противоречий общих дискурсов микроэкономики и институционализма. Впрочем, ради справедливости необходимо упомянуть о предложенном Х. Лейбенстайном факторе Х-неэффективности, на который принято ссылаться в разделах учебников по микроэкономике, посвященных критике монополий [14, 1993, с. 103–104]. И хотя характеристика Х-неэффективности почти полностью совпадает с понятием оппортунизма, трансакционные издержки в этом случае даже не упоминаются.

Д. Норт, Дж. Бьюкенен, М. Олсон: трансакционные издержки и институты. В своей известной статье Д. Норт и Дж. Уоллис предприняли попытку разделить трансформационный и трансакционный секторы и предприняли попытку изменения трансакционных издержек на макроуровне [15]. Они ввели следующие определения: «Трансакционные издержки — это затраты, связанные с проведением обменов, издержки, связанные с выполнением трансакционной функции. Трансформационные издержки — это затраты, связанные

¹ Следует ли удивляться тому, что Ф. фон Хайек проигнорировал «Природу фирмы»? Но Коуз удивлялся: «Ни разу не заговорил со мной о статье и заведующий моей кафедрой Роббинс, так же, как и Хайек, хотя с обоими меня связывали дружеские отношения. Статью не ожидал мгновенный успех» [6, с. 79].

с преобразованием материальных затрат (запуска) в конечную продукцию (выпуск)» [16, с. 68]. Далее они выделили «чистые» транзакционные отрасли — торговлю, финансовый сектор, включая риэлтерскую деятельность, банки и страхование (отметим, что последние два вида экономической деятельности учитывались отдельно от финансового сектора), юридические услуги. Существенной новацией было то, что Д. Норт и О. Уоллис попытались оценить и транзакционные издержки внутри трансформационного сектора: внутри больших корпораций, таких как «Форд компани», можно выделить

административные издержки, связанные с контролем совета акционеров над исполнительной дирекцией, издержки ведения корпоративного учета и т.д. Следует отметить, что в таком выделении, конечно, присутствует определенная доля произвола (например, услуги транспорта внутри автомобильного завода будут оцениваться как «трансформационные», а услуги по доставке комплектующих за пределами завода будут включены в торговую наценку и окажутся «транзакционными»). Как бы то ни было, в результате своего анализа они получили следующий результат:

Рост транзакционного сектора в ВВП США (1870–1970 гг.,%)

Годы	Частный транзакционный сектор	Государственный транзакционный сектор	Всего
1870	22,49	3,60	26,09
1920	35,11	4,87	39,98
1970	40,81	13,90	54,71

Источник: [17, с. 269].

При взгляде на эту таблицу становится ясно, что здесь что-то не так. Если транзакционные издержки растут существенно быстрее, чем ВВП, так что их удельный вес в ВВП достигает в 1970 г. уже больше половины, это вроде бы *слишком высокая плата за использование ценового механизма*. И если бы это было верным, то экономика СССР, где в качестве механизма аллокации ресурсов использовалось централизованное планирование, была бы намного эффективнее экономики США. Однако Д. Норт не делает подобного вывода; напротив, рост транзакционного сектора соответствует идее перехода к постиндустриальному обществу, где основная роль в создании добавленной стоимости будет принадлежать услугам.

Это странно. Можно предположить, что производительность работников транзакционного сектора отстает от производительности в трансформационном секторе, поэтому первый сектор обеспечивает все большую занятость, однако в таком случае доля транзакционного сектора в ВВП должна была бы снижаться, а не увеличиваться. Более того, транзакционный сектор в этом случае оказался бы технологически *отсталой, а не передовой сферой*, так что вряд ли его можно было бы представлять в качестве основного «локомотива роста» постиндустриального общества.

Очевидно, что проблема заключается в интерпретации Д. Нортом понятия «транзакционные издержки». И эта проблема со временем только углубляется. Так, как указывает Р. Шиллер, в сфере финансов и страхования сейчас занято порядка 20,3% работников, в то время как еще в 2002 г. в сфе-

ре предоставления охранных услуг в той или иной форме было занято 19,7% рабочей силы США [18, с. 48–49]. Понятно, что все эти работники должны неплохо оплачиваться. Одновременно это означает, что на охранные услуги в США есть большой спрос. Но что (кого) требуется охранять? При такой занятости остается предположить, что существуют большие угрозы жизни и имуществу американских граждан и фирм. Какова природа такой экономической системы, где более 20% занято в «производстве и распределении» денег (финансовый сектор) и еще почти 20% — в охранной деятельности? И каков удельный вес тех, кто занят в преступном бизнесе, связанном с покушениями на жизнь и имущество граждан США? Это — модель грядущего постиндустриального общества? В этом отношении дискурс Д. Нортона и О. Уоллиса оставляет большое пространство для сомнений в своей инструментальности. Тем не менее используя введенное ими определение трансформационного сектора, к транзакционному сектору многие исследователи теперь относят и «сферу услуг»: образование, здравоохранение, НИОКР, обработку информации¹. Это, естественно, напоминает о старом, идущем через А. Смита и К. Маркса, дискурсе «производительного и непроизводительного труда». Но в статистике уже давно не используется деление на «производственную и непроизводственную» сферы, перейдя к нейтральному «виду экономической дея-

¹ Понятно, что издержки образования и/или здравоохранения трудно отнести к «затратам, связанным с преобразованием материальных затрат (запуска) в конечную продукцию (выпуск)».

тельности» (выделение такого вида, как «охранная деятельность», в ОКВЭД, видимо, дело не такого уж далекого будущего). При этом деление издержек внутри ВЭД на прямые и косвенные, переменные и постоянные, релевантные и иррелевантные выглядит намного более инструментальным, чем рассуждения об их «транзакционности/трансформационности».

В свою очередь, интерпретация транзакционных издержек Дж. Бьюкененом основана на том, что такие издержки возникают при осуществлении выбора в *политической сфере*. Результатом выбора, например, являются принятые парламентом законы, которые Дж. Бьюкенен рассматривает как бессрочно служащие активы: «Система законов, формализованы ли они на практике или нет, представляет из себя общественный капитал, отдача от которого повышается с течением времени... Характеристика закона как капитального блага очень важна и при его составлении на конституционной стадии, и при поддержании уже существующего закона. В той степени, в какой достижение соглашения о законе или об изменениях в нем сопряжено со значительными транзакционными издержками, выгоды от соглашения могут быть недостаточными для принятия формализованных правил, если ожидается, что они будут действовать только в течение короткого времени. Многие правила, которые могли считаться взаимовыгодными в долгосрочной перспективе, могут остаться не принятыми, если необходимо будет проводить переговоры и заключать соглашения снова и сно-

ва, в начале каждого периода... Отношение между доходом на общественный капитал, каким является конституционно-правовая система, и временем таково, что непрерывный вечный поток дохода, если вдруг он прервался, может быть восстановлен только за период, превышающий горизонт планирования отдельного индивида. Поэтому эрозия общественного капитала — это мина замедленного действия, а не простое его «проедание». На практике общественный капитал может быть потерян навсегда, если он был однажды размыт. Восстановить его может оказаться просто невозможно, по крайней мере на основании рациональных решений индивидов» [19, с. 365–370].

Другими словами, такой актив будет приносить обществу ренту, и чем реже его обновляют (обновление связано с новыми транзакционными издержками), тем больше приносимый законом экономический эффект. Такой подход также совпадает с интуитивным ощущением правдоподобия — скажем, то обстоятельство, что частые изменения налогового законодательства плохо сказываются на инвестиционном рейтинге государства и увеличивают неопределённость для инвесторов, сейчас является банальностью.

Едва ли не полностью противоположной является аргументация М. Олсона. Дж. Бьюкенен и У. Таллок полагают, что политические издержки зависят от количества активных граждан, и существует оптимальный объем электората (или лиц, принимающих решения), при котором издержки выбора минимальны (рис. 1):

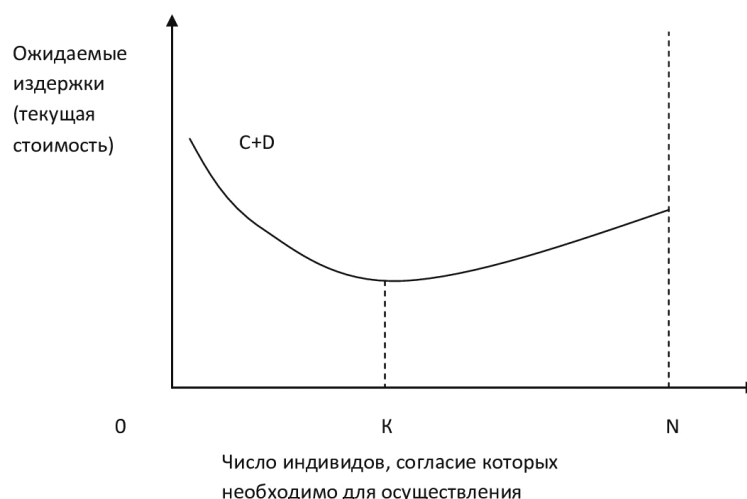

Рис. 1. Расчет согласия. Источник: [20, с. 105]

Напротив, М. Олсон полагает, что решения принимаются только малой группой. При большом количестве участников издержки переговоров вырастают до такой величины, что намного

превышают ожидаемую полезность для отдельных участников соглашения [21]. Принципиально иначе оцениваются и законы, регулирующие производство и распределение общественных благ. Посколь-

ку в погоне за рентой малые группы добиваются соглашений о разделе ренты, постольку вся экономика оказывается зарегулированной. Вследствие институционального склероза наступает стагнация [22].

Интерпретации М. Олсона и Дж. Бьюкенена совпадают в том, что определяют трансакционные издержки как издержки *политического рынка*. Кроме того, в обоих случаях их осуществляют рациональные акторы, стремящиеся к получению дохода. Однако вариант Дж. Бьюкенена предполагает, что создаваемые активы (законы) позволяют в дальнейшем сокращать *общественные* издержки, в то время как интерпретация М. Олсона допускает сокращение *частных* издержек. При этом общественные издержки могут даже возрасти; более того, этот «излишек» общественных издержек впоследствии превращается в ренту для малых социальных групп.

Как нам представляется, при всех своих противоречиях, интерпретации Дж. Бьюкенена и М. Олсона являются взаимодополняемыми, хотя при этом они не решают более общей проблемы «позитивности» и/или «негативности» трансакционных издержек. Другими словами, делая тот или иной общественный выбор — например, в пользу ликвидации «естественной монополии» в сфере энергоснабжения или введения образовательных ваучеров, первой ступенью которых является переход к ЕГЭ — можно получить как негативные, так и позитивные последствия для роста дохода и богатства.

На самом деле здесь проявляется более общая проблема, характерная для всей экономической науки. По умолчанию экономисты предполагают наличие *однородной* связи между издержками и качеством товара (услуги), что находит свое выражение в цене. Попросту, если сравнивать товары, предназначенные для удовлетворения одной и той же потребности, более дорогой товар является и более качественным. Такая же логика распространяется и на ресурсы, и на технологии. Естественно, что *в общем случае* это не так: при анализе структурных сдвигов экономисты исходят из того, что более дешевые (в расчете на единицу полезного эффекта) технологии заменяют более дорогие, при этом сравнительная дешевизна сопровождается ростом качества. Это не что иное, как шумпетерианская конкуренция. Отсылка к технологической неоднородности, по-видимому, отчасти уже носит характер банальности.

При осуществлении технологических инноваций и расчете их полного эффекта связь производственных издержек с ожидаемой прибылью становится гораздо более неопределенной. Естественно, что расчет такой суммарной (полной) прибыли должен учитывать последствия для здо-

ровья и окружающей среды, включая утилизацию новых продуктов, будь то пластик, микросхемы или литиевые батареи. Поэтому неопределенность результатов институциональных инноваций, возникающих вследствие влияния трансакционных издержек на политическом рынке, не должна сильно удивлять. Напротив, удивление и недоверие должны были бы вызывать работы, в которых пропагандируются однозначные позитивные оценки западного институционального дизайна, по сути, отрицающие неопределенность результатов общественного выбора¹. Это обычное «слепое пятно», часто возникающее как из-за акцента на правдоподобности выводов исследования, так и по причине естественной экономии интеллектуальных усилий, требующихся для критического отношения к методологии анализа авторитетных ученых экономистов.

Другими словами, в дискурсе Дж. Бьюкенена присутствует однородная связь между трансакционными издержками и полезностью закона для общества, в то время как для дискурса М. Олсона такая связь действует только на уровне отдельной группы. На уровне общества действие закона может привести к негативным последствиям, намного превышающим его положительные результаты. Используя дискурс М. Олсона, провести грань между вполне респектабельным лоббизмом и ужасной, страшной коррупцией, основываясь на представлениях о рациональности избирателей и парламентариев, оказывается не так-то просто, как это представляется многочисленным пропагандистам «лучших законодательных практик».

Поздний Р. Коуз: «свет маяка» в условиях нулевых трансакционных издержек. Проблема корректной интерпретации трансакционных издержек, по нашему мнению, остается открытой. Однако следует отметить, что уже в 1960-е гг. Р. Коуз, рассматривая распределение внешних эффектов в работе «Проблема социальных издержек», постоянно абстрагируется от этих издержек: «Необходимо знать, ответствен или нет предприниматель за причиняемый ущерб, поскольку без такого первоначального размежевания прав невозможны и рыночные трансакции по их передаче и перераспределению. Но конечный результат (который максимизирует ценность производства) не зависит от правовой позиции, если предполагается, что ценовая система работает без [трансакционных] издержек» [25, с. 99]. Собственно, именно на этом основывается знаменитая «теорема Коуза», в рамках которой доказывается, что при условии идентификации прав собственности внешние эффекты

¹ Такие работы хорошо известны российскому читателю, например, [23, 24].

(социальные издержки) оказываются интернализованы (включены в цены), а распределение ресурсов — оптимально (естественно, рыночные агенты действуют в условиях совершенной конкуренции).

В «Проблеме социальных издержек» внешние эффекты подвергаются Р. Коузом абстрактному, теоретическому анализу. Однако впоследствии концепция интернализации внешних эффектов верифицируется на историческом материале в работе «Маяк в экономической теории». Причем весь пафос статьи посвящен тому, чтобы доказать, что наличие режима частной собственности отнюдь не мешает работе маяков, которые являлись в теории «общественным благом» [26].

Естественно, что такой подход, при котором социальные (добавим — и политические) проблемы автоматически решались с помощью «свободных рынков», вполне соответствовал духу 1960-х — 1970-х гг. В это время неолиберализм становится респектабельным [27]. Но вместе с тем, по сути, исчезает и проблема «издержек использования ценового механизма»: этот механизм становится *безальтернативным*. Другие механизмы аллокации ресурсов в экономической системе являются неэффективными и влекут заведомо более высокие издержки использования.

Волновало ли самого Р. Коуза противоречие между его ранними и поздними работами? По-видимому, он его просто не замечал. Вспоминая молодость, он пишет: «В то время я считал себя социалистом, и среди тех, кого я встретил в США, был Норман Томас — социалист, баллотировавшийся на пост президента. Мне могут задать вопрос: а как я примирял свои социалистические симпатии с приверженностью взглядам Планта? Ответу коротко: я никогда не испытывал потребности примирять эти две позиции... В моем... случае социалистические взгляды отпали весьма быстро и без каких-либо явных мук отторжения» [6, с. 60–61].

Новый подход Р. Коуза, исходящий из того, что «издержки использования ценового механизма» не влияют на эффективное распределение ресурсов в условиях конкуренции, а идентификация прав собственности позволяет включить внешние эффекты в цены контрактов, лег в основание новой дисциплины «Экономика и право». Заслуги Р. Коуза здесь являются несомненными. Весь анализ, осуществляемый в рамках деликтного права (права наносить ущерб и требовать возмещения ущерба), основан, по сути, на использовании своеобразной «юридической имитации» работы рынков. Такой анализ уже позволил получить ряд очень интересных результатов, сама дисциплина бурно развивается; в России переведено много интереснейших работ, включая учебники Р. Познера, Д. Фридмена;

издан (и переиздан) учебник М. Одинцовой. Причем и в этих учебниках, и в других работах везде встречаются оговорки о нулевых и ненулевых транзакционных издержках. Но, как уже указывалось в первом разделе, такие издержки интерпретируются как издержки сбыта (информационные, защиты прав собственности и т. д.).

Вместо заключения: Э. де Сото и транзакционные издержки судебной системы. Таким образом, в настоящее время категория транзакционных издержек оказывается полезной метафорой, подобной кривым спроса и предложения². «При прочих равных условиях» снижение цены будет приводить к увеличению спроса. Аналогично «при прочих равных условиях» при использовании высокоспециализированных активов организация фирмы позволяет добиться снижения транзакционных издержек по сравнению с использованием классических контрактов.

В последние полвека экономика переживает достаточно сильные изменения, что приводит к тому, что «равные условия» сохраняются на протяжении относительно небольших периодов. Это обесценивает применение указанной метафоры. Скажем, продолжая пример высказывания из предыдущего абзаца, можно добавить, что в условиях высокоспециализированных активов близость производителя к конечному потребителю позволяет с помощью аутсорсинга и использования классических контрактов сократить транзакционные издержки.

Таким образом, и интеграция активов в фирме, и ее дезагрегация позволяют «экономить транзакционные издержки». Аналогично — увеличение цены приведет к сокращению спроса, *если это не товар Т. Веблена*. Однако в современных развитых странах почти все товары конечного потребления так или иначе становятся товарами Т. Веблена, и происходит переход к «позиционному потреблению» [28]. Исключение становится правилом, и конвенциональное употребление таких экономических категорий происходит только в рамках отдельных учебных курсов. Поскольку выбор между централизованной плановой экономикой и рыночной экономической системой давно перестал быть актуальным, дискурс Р. Коуза стал предметом истории мысли. Не повезло и Э. Чемберлину — его «из-

² Необходимо отметить, что — к удивлению автора — для многих российских экономистов такие кривые являются отнюдь не метафорой, а *реальностью*. Надо полагать, в этой реальности предельный покупатель бегаёт по рынку в поисках предельного продавца... А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс, как и другие экономисты-классики, видимо, были бы весьма удивлены, если бы им сказали, что рынок — это четыре черточки с подписанными к ним пятью или девятью буквами.

держки сбыта» тоже ушли на второй план, заменившись на «транзакционные».

Тем не менее в отдельных важных случаях радикальная интерпретация транзакционных издержек как издержек использования разных экономических систем сохраняет свое значение. И тогда они, среди прочего, могут рассматриваться как издержки *преодоления границ* между разнородными экономическими агентами. Это совпадает с пониманием и различием «цен легальности (подчинения закону) и внелегальности» по Э. де Сото [29].

Цена легальности — та общая цена, которую выплачивают экономические агенты государству за ведение бизнеса. Она включает и налоги, и сборы различного рода (таможенные, лицензионные, экологические, социальные и др.), и другие затраты (например, связанные с оформлением официальной статистической отчетности). Это — прямые транзакционные издержки, связанные с «использованием ценового механизма» (*прямые* они потому, что включаются в цены товаров и услуг и как таковые оплачиваются покупателем).

Цена внелегальности — *косвенные* транзакционные издержки. Сюда, как указывал Э. де Сото, включается и «коррупционная составляющая» как форма страхования, и выплаты криминальным и/или силовым структурам, и оплата услуг «теневой» судебной системы.

Естественно, что решения, принимаемые политиками, влияют на соотношение цен легальности и внелегальности, увеличивая или уменьшая объем внелегального сектора. Критика слишком высокого фискального бремени широко представлена в экономической литературе. В рамках нашего

дискурсивного анализа стоит упомянуть об указанном франкфуртской школой кризисе легитимности налогового государства, что, в свою очередь, привело к переходу к «государству долгов». Вообще говоря, это сделало респектабельный дискурс Дж. Бьюкенена об обмене налогов на общественные блага неактуальным [30]. При этом рост цены легальности по Э. де Сото по сути совпадает с ростом транзакционных издержек в дискурсе М. Олсона: и в том, и в другом случае такие цены и издержки становятся критическими, и в экономике наступает стагнация и социальный склероз.

Для Э. де Сото является очевидным, что цена доступа к судебной системе, являющаяся частью «цен легальности», является сильно дифференцированной для разных экономических агентов. Однако если допустить, что внутри самого судопроизводства также существуют транзакционные издержки, которые приводят судей к принятию различных вердиктов по одним и тем же судебным делам, то изощренный анализ, основанный на «теореме Коуза», становится весьма сомнительным с точки зрения реалистичности. «Это пресловутая «теорема Коуза», название и формулировка которой принадлежат Дж. Стиглеру, хотя базируется она на моей работе. Дж. Стиглер утверждает, что теорема Р. Коуза вытекает из стандартных допущений экономической теории. Логика ее неоспорима, чего нельзя сказать о сфере ее применимости. Я согласен со Стиглером» [31, с. 347], — так сказал Р. Коуз в своей Нобелевской лекции, заодно там же покритиковав «экономику классной доски». Возможно, он согласился бы с реалистичностью дискурса Э. де Сото. Но, возможно, и нет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Макклоски Д. Риторика экономической науки. М.; СПб., 2015. 328 с.
2. Кламер А. Странная наука экономика: приглашение к разговору. М.; СПб., 2015. 336 с.
3. Коуз Р. Природа фирмы: истоки // Природа фирмы / под ред. О. Уильямсона и С. Уинтера. М., 2001. С. 53–73.
4. Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции. Реориентация теории стоимости. М., 1996. 349 с.
5. Коуз Р. Природа фирмы // Природа фирмы / под ред. О. Уильямсона и С. Уинтера. М., 2001. С. 33–52.
6. Коуз Р. Природа фирмы: истолкование // Природа фирмы / под ред. О. Уильямсона и С. Уинтера. М., 2001. С. 74–92.
7. Dahlman C. The Problem of Externality // Journal of Law and Economics. 1979. Vol. 22. Pp. 141–162.
8. Одинцова М. И. Институциональная экономика. М., 2009. 397 с.
9. Шервин Р. Транзакционные издержки и внутренние рынки труда // Природа фирмы / под ред. О. Уильямсона и С. Уинтера. М., 2001. С. 92–111.
10. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб., 1996. 702 с.
11. Стиглер Дж. Гражданин и государство. Эссе о регулировании. М., 2017. 336 с.
12. Тироль Ж. Экономика для общего блага. М., 2020. 696 с.
13. Срничек Н. Капитализм платформ. М., 2019. 125 с.

14. Макконнел К., Брю С. Экономикс. Принципы, проблемы, политика. Т. 2. М., 1993. 400 с.
15. Wallis J., North D. Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870–1970 / Engermann S. and Gallman R. (eds) // Long-term factors in American Economic Growth. Chicago, 1986. Pp. 95–161.
16. Хасанов И. Ш., Хасанова К. И. Зарубежный опыт измерения трансакционного сектора национальной экономики (Методология определения трансакционных издержек американскими экономистами Дугласом Нортон и Джоном Уоллисом) // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2008. № 3 (14). С. 67–70.
17. Нуреев Р. М. Очерки по истории институционализма. Ростов-на-Дону, 2014. 415 с.
18. Шиллер Р. Финансы и хорошее общество. М., 2014. 501 с.
19. Бьюкенен Дж. Границы свободы (между анархией и Левиафаном) // Бьюкенен Дж. Сочинения. М., 1997. С. 207–444.
20. Бьюкенен Дж., Таллок У. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии // Бьюкенен Дж. Сочинения. М., 1997. С. 31–206.
21. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., 1995. 174 с.
22. Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. М., 2013. 322 с.
23. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М., 2012. 692 с.
24. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011. 478 с.
25. Коуз Р. Проблема социальных издержек // Коуз Р. Фирма, рынок и право. М., 2007. С. 92–149.
26. Коуз Р. Маяк в экономической теории // Коуз Р. Фирма, рынок и право. М., 2007. С. 177–201.
27. Стедмен-Джоунз Д. Рождение неолиберальной политики. От Хайека и Фридмена до Рейгана и Тэтчер. М.; Челябинск, 2017. 520 с.
28. Фрэнк Р. Дарвиновская экономика: Свобода, конкуренция и общее благо. М., 2013. 341 с.
29. Сото Э. де. Иной путь. Экономический ответ терроризму. Челябинск, 2008. 408 с.
30. Штрик В. Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма. Цикл лекций в рамках Франкфуртских чтений памяти Адорно. М., 2019. 275 с.
31. Коуз Р. Нобелевская лекция «Институциональная структура производства» // Природа фирмы / под ред. О. Уильямсона и С. Уинтера. М., 2001. С. 340–351.

REFERENCES

1. MacCloskey D. The Rhetoric of Economics. М.; SPb., 2015. 328 p.
2. Klamer A. Speaking of Economics. How to get in the conversation. М.; SPb., 2015. 336 p.
3. Coase R. The Nature of the Firm: Origins // The Nature of the Firm / ed. O. Williamson and S. Winter. М., 2001. Pp. 53–73.
4. Chamberlin E. The Theory of Monopolistic Competition. Reorientation of the Theory of Value. М., 1996. 349 p.
5. Coase R. The Nature of the Firm // The Nature of the Firm / ed. O. Williamson and S. Winter. М., 2001. Pp. 33–52.
6. Coase R. The Nature of the Firm: Interpretation // The Nature of the Firm / ed. O. Williamson and S. Winter. М., 2001. Pp. 74–92.
7. Dahlman C. The Problem of Externality // Journal of Law and Economics. 1979. Vol. 22. Pp. 141–162.
8. Odintsova M. I. Institutional economy. М., 2009. 397 p.
9. Sherwin R. Transaction costs and internal labor markets // The Nature of the Firm / ed. O. Williamson and S. Winter. М., 2001. Pp. 92–111.
10. Williamson O. The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, «Relational» Contracting. SPb., 1996. 702 p.
11. Stigler J. Citizen and the State. Essay on Regulation. М., 2017. 336 p.
12. Tyrol J. An Economy for the Common Good. М., 2020. 696 p.
13. Srnichek N. Platform Capitalism. М., 2019. 125 p.
14. McConnell K., Bru S. Economics. Principles, Problems, Politics. Vol. 2. М., 1993. 400 p.
15. Wallis J., North D. Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870–1970 / Engermann S. and Gallman R. (eds) // Long-term factors in American Economic Growth. Chicago, 1986. Pp. 95–161.

16. Khasanov I. Sh., Khasanova K. I. Foreign Experience in Measuring the Transactional Sector of the National Economy (Methodology for determining Transaction Costs by American Economists Douglas North and John Wallis) // Bulletin of the Tatar State Humanitarian Pedagogical University. 2008. No. 3 (14). Pp. 67–70.
17. Nureyev R. M. Essays on the History of Institutionalism. Rostov on Don, 2014. 415 p.
18. Schiller R. Finance and Good Society. M., 2014. 501 p.
19. Buchanan J. The Boundaries of Freedom (Between Anarchy and Leviathan). // Buchanan J. Works. M., 1997. Pp. 207–444.
20. Buchanan J., Tullock W. Consent Calculation. The Logical Foundations of Constitutional Democracy // Buchanan J. Works. M., 1997. Pp. 31–206.
21. Olson M. The Logic of Collective Action. Public Goods and Group Theory. M., 1995. 174 p.
22. Olson M. The Rise and Decline of Nations. M., 2013. 322 p.
23. Acemoglu D., Robinson J. Why Are Some Countries Rich and Others Poor. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. M., 2012. 692 p.
24. North D., Wallis J., Weingast B. Violence and social orders: a conceptual framework for interpreting recorded human history. M., 2011. 478 p.
25. Coase R. The Problem of Social Costs // Coase R. Firm, Market and Law. M., Pp. 92–149.
26. Coase R. Lighthouse in Economic Theory // Coase R. Firm, Market and Law. M., Pp. 177–201.
27. Steadman-Jones D. The Birth of Neoliberal Politics. From Hayek and Friedman to Reagan and Thatcher. M.; Chelyabinsk, 2017. 520 p.
28. Frank R. The Darwin Economy: Liberty, Competition, and the Common Good. M., 2013. 341 p.
29. Soto E. de. Another Way. An Economic Response to Terrorism. Chelyabinsk, 2008. 408 p.
30. Shtrik V. Purchased Time. Delayed Crisis of Democratic Capitalism. A Series of Lectures in the Framework of the Frankfurt Readings in Memory of Adorno. M., 2019. 275 p.
31. Coase R. Nobel Lecture «Institutional Structure of Production» // The Nature of the Firm / ed. O. Williamson and S. Winter. M., 2001. Pp. 33–52.

Поступила в редакцию: 05.02.2021.

Принята к печати: 20.02.2021.

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА НА ОСНОВЕ КОРРЕЛЯЦИОННО-РЕГРЕССИОННОГО АНАЛИЗА ВЛИЯНИЯ ДИВИДЕНДНЫХ ВЫПЛАТ НА РЫНОЧНУЮ КАПИТАЛИЗАЦИЮ РОССИЙСКИХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ КАК УСЛОВИЕ ИХ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ

В. С. Павленко, А. Д. Бадриева, С. О. Мусиенко

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия)

Цель данного исследования — проверить путем проведения корреляционно-регрессионного анализа за выплаченных компаниями дивидендов и их рыночной капитализации гипотезу о том, что с увеличением дивидендных выплат происходит рост капитализации компаний. Предметом исследования являются дивидендные выплаты российских энергетических компаний и их рыночная капитализация. Для проведения исследования были использованы методы статистического анализа представленных данных, выборочный метод на основе данных шести российских ПАО в отрасли энергетики, методы корреляционного анализа, проведено регрессионное моделирование на основе метода наименьших квадратов, произведен синтез полученных данных. В результате был сделан вывод о том, что в российских энергетических компаниях и в целом по отрасли не прослеживается значительного влияния дивидендов на капитализацию. Результаты проведенного исследования могут применяться российскими компаниями для разработки дивидендной политики, а также использоваться для составления экономических прогнозов и принятия грамотных управленческих решений.

Ключевые слова: корреляционно-регрессионный анализ, дивидендная политика, рыночная капитализация, дивиденды, компания, сектор энергетики, выплаты.

A QUANTITATIVE ASSESSMENT BASED ON CORRELATION- REGRESSIVE ANALYSIS OF THE IMPACT OF DIVIDEND PAYMENTS ON THE MARKET CAPITALIZATION OF RUSSIAN COMPANIES AS A CONDITION OF THEIR INVESTMENT ATTRACTIVENESS

V. S. Pavlenko, A. D. Badrieva, S. O. Musienko

Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

The purpose of this research is to test by conducting a correlation-regression analysis of dividends paid by companies and their market capitalization the hypothesis that with an increase in dividend payments there is an increase in the capitalization of companies. The subject of the study is dividend payments by Russian energy companies and their market capitalization. The study was conducted using methods of statistical analysis of the data presented, a sample method based on data from six Russian PAOs in the energy sector, methods of correlation analysis, regression modeling based on the method of least squares and synthesis of the obtained data. Thus, the research has revealed that Russian energy companies in many cases have a direct linear relationship between dividend payments and market capitalization, but in some places the opposite or non-linear relationship can

be seen. The results of this research can be used by Russian companies to develop dividend policy and to make economic forecasts and competent managerial decisions.

Keywords: correlation-regression analysis, dividend policy, market capitalization, dividends, company, energy sector, payments.

Введение. В настоящее время специалисты по инвестициям придают большое значение проблеме разработки компаниями грамотной дивидендной политики, а также влияния размера дивидендов на рыночную стоимость компаний.

Условно выделяют три группы специалистов с разными точками зрения по данному вопросу. Первая группа против выплаты дивидендов, так как отрицает какое-либо влияние величины дивидендов на рыночную цену акций. Другие уверены, что вследствие выплаты высоких дивидендов повышается спрос на акции и увеличивается их рыночная стоимость, что ведет к росту капитализации компании. Третьи настаивают на принятии решения о выплате дивидендов с учетом уровня налогообложения. Речь идет о необходимости минимизации размера дивидендов в случае большего налогообложения дивидендов по сравнению с притоком капитала и направлением чистой прибыли в таких случаях в перспективные инвестиционные проекты. Это обеспечит рост рыночной стоимости компании, а также благосостояния ее акционеров.

Рассмотрим на примере энергетической отрасли, оказывает ли влияние на рыночную капитализацию компаний размер выплачиваемых ими дивидендов, и в случае положительного ответа проанализируем, какой характер носит эта зависимость.

Дивидендная политика регулирует передачу акционерам части саккумулированных предприятием денежных средств, оказывая существенное влияние на структуру капитала и инвестиционную привлекательность компании. Дивидендная политика российских АО пока изучена слабо из-за небольшого срока их деятельности. В России коэффициент дивидендных выплат составляет в среднем 7–20%, в то время как в других странах — от 30 до 60% [1, с. 91].

Тем не менее в настоящее время крупные компании стали все чаще использовать дивидендную политику в качестве инструмента привлечения инвесторов. Например, по данным Национального рейтингового агентства, за первое полугодие 2018 г. российскими компаниями было выплачено за отчетный период более 650 млрд рублей.

Особое внимание следует уделить сектору энергетики, где наблюдается стабильный рост

объема выплачиваемых дивидендов. Акции электроэнергетических компаний являются лидерами роста на Московской бирже. В сентябре 2019 г. вследствие повышения интереса инвесторов к выплате высоких дивидендов, а также падения бумаг экспортеров средний рост акций таких предприятий составил 5%. Поэтому энергетический сектор представляет особый интерес для анализа влияния дивидендной политики компаний на их рыночную капитализацию в современных российских экономических условиях.

Вопрос влияния дивидендных выплат на рыночную капитализацию компании. Несмотря на проведенные в середине XX века М. Миллером и Ф. Модельяни исследования, показавшие отсутствие в условиях совершенного рынка капитала влияния финансовых решений на цену акций, на практике складывается другая ситуация [2, с. 3]. Например, исследования в США, Великобритании, Германии показали, что цена акций растет в случае принятия решения об увеличении выплаты дивидендов [3, с. 4].

В настоящее время нет единой позиции по данной проблеме. Выделяют три основных точки зрения.

1. Высокие дивиденды стимулируют менеджмент компании к наиболее эффективному управлению, что повышает стоимость предприятия.

2. Вследствие реализации дивидендной политики происходит снижение стоимости предприятия. Рекомендуется сохранение имеющихся денежных средств в виде нераспределенной прибыли либо использование их на выкуп акций.

3. Отсутствует какая-либо зависимость между дивидендной политикой и стоимостью предприятия. Выплата дивидендов является лишь желанием инвесторов получать выплаты.

Российские экономисты используют перечисленные выше теории с учетом специфики работы российских публичных компаний.

Например, Л. В. Юдкина и Ю. И. Берлин настаивают на отсутствии устойчивого однозначного влияния политики выплаты дивидендов на капитализацию и рыночную стоимость предприятия [4, с. 29]. При оценке Т. В. Тепловой влияния новостей о решении компании выплатить дивиденды на реакцию рынка была установлена отрицательная зависимость этих показателей, то есть цена акций

в итоге снижалась [5, с. 10]. Е. О. Савченко, используя доходный, сравнительный и затратный подход, указал на наличие положительной связи между дивидендными выплатами и стоимостью предприятия [6, с. 145]. Результаты исследований Т. И. Окраинца и А. Н. Салпагарова, использовавших модель Гордона, подтвердили наличие взаимосвязи между стоимостью акций ПАО «Норильский никель» и размером выплачиваемых дивидендов [7, с. 96].

Таким образом, ни исследования зарубежных специалистов, ни работы отечественных исследователей не дают однозначного ответа на вопрос о влиянии реализуемой компаниями дивидендной политики на их положение на рынке капитала, в том числе на динамику цены и доходности их акций. Попробуем разобраться с этой проблемой самостоятельно на примере демонстрирующих стабильный рост дивидендных выплат энергетических компаний.

Анализ влияния дивидендной политики на рыночную капитализацию энергетических компаний. На основании исследований в области дивидендной политики и капитализации выдвинута гипотеза о прямой и сильной взаимосвязи дивидендных выплат и рыночной капитализации ком-

пании, то есть капитализация компании напрямую зависит от размера дивидендов и их общей выплаченной суммы. Для исследования были взяты 6 ПАО в секторе энергетики, расчеты проводились на основе данных за 2010–2018 годы. Для анализа использовались данные рыночной капитализации, суммы выплаченных дивидендов и чистой прибыли компаний, которые получены из годовых отчетов и финансовых отчетностей.

На рисунке 1 представлены данные по рыночной капитализации (стоимости всех акций компании на бирже) российских компаний. Анализ этих данных говорит о том, что в последние 3 года рыночная капитализация российских энергетических компаний несколько снижается, за исключением Интер Рао ЕЭС.

Кроме того, особенностью российских энергетических компаний является их сравнительно небольшая стоимость на фондовом рынке вследствие наличия у них в течение долгого времени слабых финансовых показателей из-за инвестиционных программ, которые начали окупаться и приносить отдачу не так давно. Весь сектор характеризуется также высокой долговой нагрузкой из-за тех же инвестиционных программ.

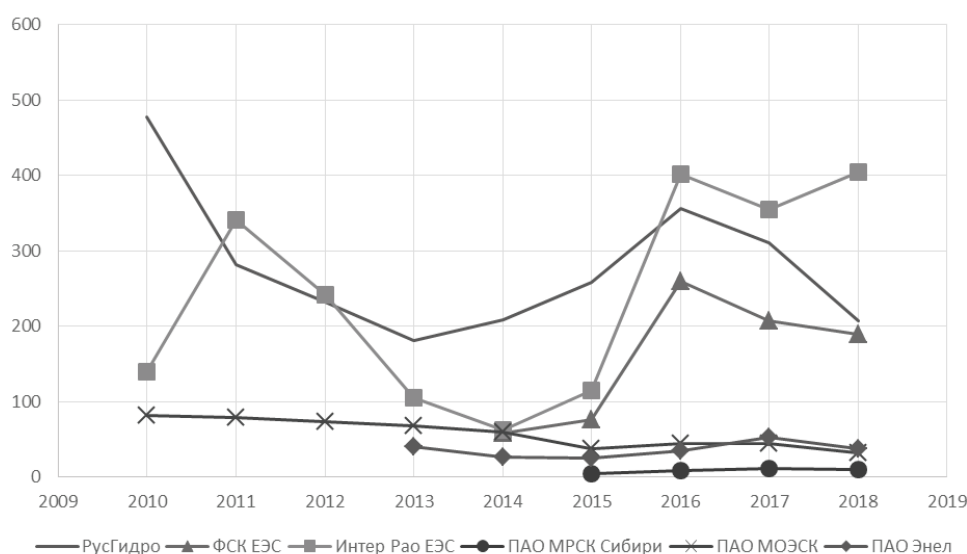

Рис. 1. Рыночная капитализация российских энергетических компаний в 2010–2018 гг.
Источник: составлено авторами на основе данных годовых отчетов

Динамика дивидендных выплат в данных компаниях представлена на рисунке 2. Можно сделать вывод, что в целом по отрасли существует тренд на повышение дивидендных выплат, а также дивидендов в расчете на одну акцию. Дивидендная политика в целом не только определяет отношения компании с акционерами, но и влияет на стоимость акций. Поэтому предприятию необходимо

балансировать между текущими доходами акционеров и финансовыми потребностями бизнеса, интересами его развития. Таким образом, компаниям необходимо знать о степени влияния их дивидендной политики на рыночную капитализацию, чтобы грамотно распорядиться полученной прибылью, разделив ее между дивидендами и средствами для дальнейшего роста и инвестиций.

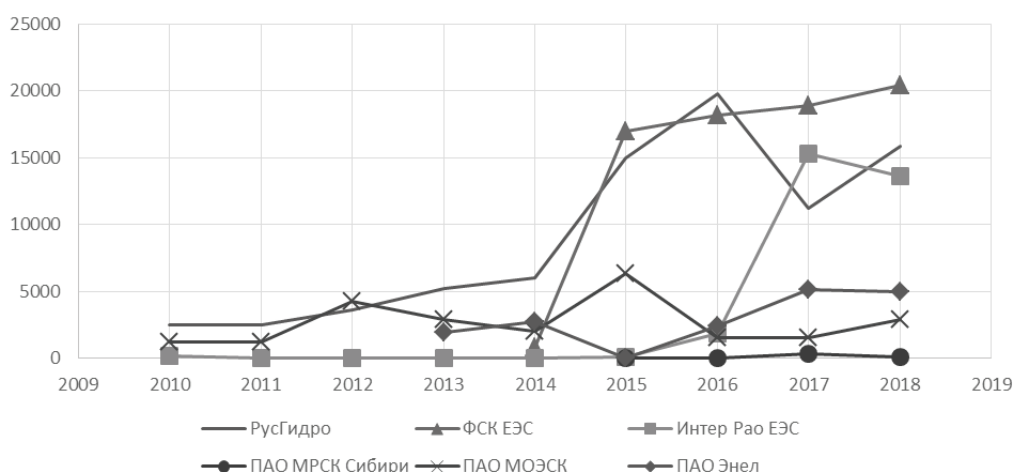

Рис. 2. Размер выплаченных дивидендов в российских энергетических компаниях в 2010–2018 гг.
Источник: составлено авторами на основе данных финансовых отчетностей

Теперь проанализируем дивидендную политику российских энергетических компаний. Существует точка зрения, согласно которой дивидендную политику рассматривают как компромисс между выплатой дивидендов и направлением прибыли на инвестиции. Это соотношение хорошо отражает коэффициент выплаты дивидендов [8], рассчитываемый по формуле:

$$K_{вд} = \frac{Div_t}{NP_{t-1}}, \quad (1)$$

где Div_t — сумма выплаченных дивидендов в год t , млн руб.; NP_{t-1} — чистая прибыль за $t-1$ год, млн руб.

Соотношение выплаченных дивидендов и прибыли, направленной на реинвестирование, зависит от многих факторов: этапа жизненного цикла организации, ее потребности в финансировании инве-

стиционных проектов, умения компании стабильно выдавать положительные показатели прибыли, взаимоотношений с акционерами и инвесторами, существующих задолженностей компании. На основе анализа отрасли можно утверждать, что ранее дивиденды в российских энергетических компаниях выплачивались в меньшем объеме, что было связано с перенаправлением прибыли на финансирование инвестиционных программ. Кроме того, компании имели большую задолженность из-за этих программ, на погашение которой направлялась часть прибыли. Из-за молодости компаний ими еще не были установлены стабильные отношения с акционерами. В последние годы инвестиционные проекты начали приносить дополнительный доход, что увеличило чистую прибыль компаний и, как следствие, повлияло на размер выплачиваемых дивидендов.

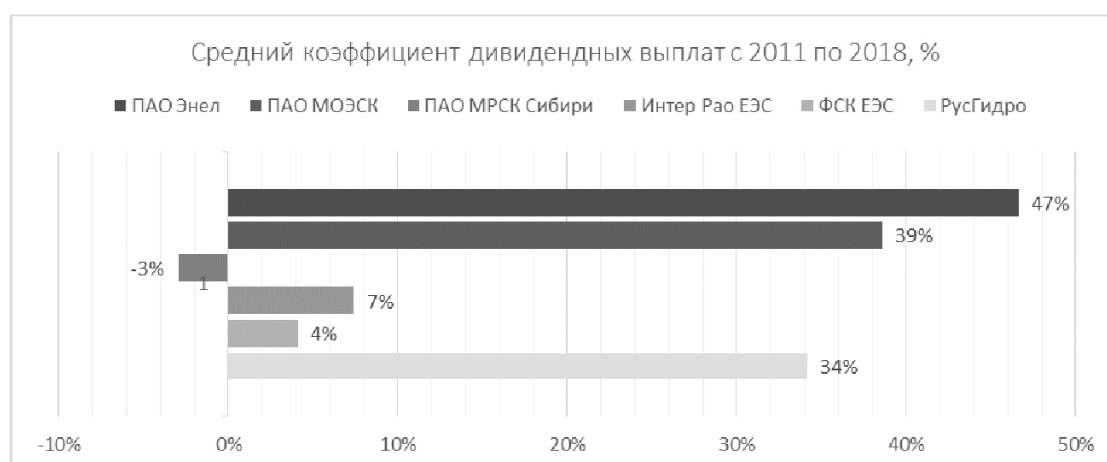

Рис. 3. Средний коэффициент дивидендных выплат российских энергетических компаний в 2011–2018 гг.
Источник: рассчитано авторами на основе данных годовых и финансовых отчетов

Для оценки дивидендной политики российских энергетических компаний были взяты данные по сумме выплаченных дивидендов и чистой прибыли компаний за 2011–2018 гг., был рассчитан средний коэффициент дивидендных выплат. Результаты представлены на рисунке 3.

На основе полученных данных можно определить, что все компании относятся к «недивидендным» [9, с. 191], то есть их коэффициент дивидендных выплат меньше 50%. Это значит, что размер дивидендных выплат не является основной инвестиционной привлекательности этих АО. Дело в том, что данные компании являются

растущими и развивающимися, поэтому большую часть прибыли направляют на свой рост. Кроме того, компании продолжают выплачивать задолженности по инвестиционным программам, что также снижает долю прибыли на выплату дивидендов.

Теперь выясним влияние дивидендной политики компаний и размера их дивидендных выплат на рыночную капитализацию путем вычисления линейного коэффициента корреляции Пирсона, где x — сумма дивидендных выплат, y — рыночная капитализация компании [4, с. 24]. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа рыночной капитализации и суммы выплаченных дивидендов

Наименование показателя	Годы								
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
n	3	3	3	4	5	6	6	6	6
r	0,822	-0,203	-0,656	0,571	0,797	0,576	0,575	0,819	0,719

Источник: рассчитано авторами на основе данных годовых и финансовых отчетов.

Как следует из таблицы 1, нельзя сделать однозначные выводы по поводу влияния дивидендов на капитализацию компании. Например, в 2010, 2014, 2017–2018 гг. наблюдается значительная прямая линейная взаимосвязь между показателями дивидендов и рыночной капитализации, однако в 2013, 2015, 2016 гг. эта взаимосвязь не такая сильная, а в 2012 г. принимает значительный обратный характер. Более того, на основе данных 2011 г. вообще не удалось выявить взаимосвязи показателей (коэффициент корреляции по модулю меньше 0,33). В основном взаимосвязь исходных показателей можно охарактеризовать как прямую среднюю — прямую сильную (коэффициент корреляции от 0,5 до 0,82), так как обратная зависимость прослеживается только в 2012 г., что, однако, заставляет усомниться в существовании исключительно прямой зависимости между исходными показателями.

Для анализа также была выведена модель простой линейной регрессии между дивидендами и капитализацией на основе метода наименьших квадратов, где x — сумма дивидендных выплат, y — рыночная капитализация компании. Результаты представлены в таблице 2 (расчеты проведены в млн руб.). Кроме того, необходимо обращать внимание на показатель R^2 — коэффициент детерминации, по которому можно оценить уровень «доверия» к модели. R^2 показывает, насколько расчетные параметры модели объясняют зависимость между изучаемыми параметрами. Чем выше коэффициент детерминации, тем качественнее модель. Если коэффициент детерминации ниже 0,5, модель неточно отражает существующую взаимосвязь показателей и прогнозировать по ней нельзя.

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа рыночной капитализации и суммы дивидендных выплат

Наименование показателя	Годы								
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
R^2	0,677	0,041	0,4298	0,3265	0,636	0,3323	0,3303	0,670	0,517
a1	151	-22	-27	16	25	7	11	16	14
a0	40425	261520	253420	57867	25290	42161	102790	23310	16476

Источник: рассчитано авторами на основе данных годовых и финансовых отчетов.

На основе таблицы 2 можно оценить лишь данные за 2010, 2014, 2017, 2018 гг. (коэффициент детерминации больше 0,5). Наиболее сильное влияние на изменение капитализации дивиденды оказывают в 2010 г. ($a_1 = 151$). По данным таблицы можно наблюдать прямую зависимость, однако она является несильной, то есть изменение дивидендов незначительно влияет на изменение капитализации компании.

На основе полученных данных о дивидендах и рыночной капитализации по всем компаниям за период 2010–2018 гг. можно также составить следующее уравнение регрессии:

$$y = 10,8x + 93605,$$

где y — рыночная капитализация компании, x — размер дивидендов. Знак перед коэффициентом при x показывает связь между x и y (если плюс — прямая, если минус — обратная) [10]. В нашем случае связь прямая. По данному уравнению компания может спрогнозировать влияние изменения размера дивидендных выплат на капитализацию компании. Однако в данной модели коэффициент детерминации $R^2 = 0,264$, что говорит о слабой точности модели, соответственно, не дивиденды имеют большое влияние на капитализацию и следует учитывать иные факторы.

Выводы. Исходя из полученных данных корреляционного и регрессионного анализа, можно утверждать о незначительном влиянии размера выплаченных дивидендов на рыночную капитализацию компании.

Корреляция между данными параметрами прослеживается, однако не всегда она сильная и прямая. Кроме того, результаты регрессионного анализа показали, что не во всех случаях между параметрами можно установить прямую линейную взаимосвязь, что опровергает гипотезу о существовании прямой линейной сильной взаимосвязи между дивидендами и капитализацией в российских энергетических компаниях. В ходе анализа их дивидендной политики выявлено, что дивидендные выплаты не являются главным фактором инвестиционной привлекательности компаний, что также ставит под сомнение влияние дивидендов на капитализацию. В итоге можно заключить, что в энергетическом секторе в большинстве случаев прямая линейная взаимосвязь прослеживается, однако она недостаточно сильная, что позволяет найти баланс между двумя позициями научного сообщества по данному вопросу, а именно: «в случае увеличения дивидендных выплат происходит рост стоимости предприятия» и «отсутствует влияние дивидендной политики на стоимость компании».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Новак А. Е., Силкина О. С., Хвостова И. Е. Эмпирический анализ дивидендной политики государственных и частных компаний в России // *Финансы: теория и практика*. 2018. № 5. С. 90–101.
2. Абалакина Т. В., Абалакин А. А. Дивидендная политика и ее влияние на стоимость компании // *Науковедение*. 2013. № 5. С. 1–6.
3. Рогова Е. М., Бердникова Г. О. Ценовая реакция российского фондового рынка на объявления компаний о дивидендных выплатах // *Российский журнал менеджмента*. 2014. № 4. С. 3–28.
4. Юджина Л. В., Берлин Ю. И. Статистический анализ взаимосвязей показателей управления капиталом и рыночной стоимости публичных компаний России // *Финансы и кредит*. 2010. № 4. С. 22–29.
5. Теплова Т. В. Влияние дивидендных выплат на рыночную оценку российских компаний: эмпирическое исследование методом событийного анализа на российских и зарубежных торговых площадках // *Аудит и финансовый анализ*. 2008. № 2. С. 1–15.
6. Савченко Е. О. Влияние дивидендной политики на оценку стоимости компании (на примере индекса промышленных и высокотехнологичных компаний Nasdaq 100) // *Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова*. 2018. № 5. С. 139–146.
7. Крайнец Т. И. Исследование взаимосвязи дивидендных выплат и рыночной стоимости предприятия // *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2014. № 1. С. 91–97.
8. Ульянов А. И. Статистическое исследование роли дивидендов в российской экономике: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2008. 22 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003169178> (дата обращения: 27.06.2020)
9. Рыбка А. О. Дивидендная политика и ее влияние на капитализацию российских публичных акционерных обществ // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2019. № 2. С. 186–204.
10. Бадокина Е. А. Дивидендная политика и рыночная стоимость компании // *Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. 2010. № 3. С. 19–33.

REFERENCES

1. Novak A. E., Silkina O. S., Khvostova I. E. Empirical analysis of the dividend policy of the state and private companies in Russia // Finance: theory and practice. 2018. No. 5. Pp. 90–101.
2. Abalakina T. V., Abalakin A. A. Dividend policy and its influence on the company value // Science studies. 2013. No. 5. Pp. 1–6.
3. Rogova E. M., Berdnikova G. O. Price reaction of the Russian stock market to the companies announcements about the dividend payments // Russian magazine of management. 2014. No. 4. Pp. 3–28.
4. Yudkina L. V., Berlin Y. I. Statistical analysis of interrelation between the capital management indicators and the market value of the Russian public companies // Finance and credit. 2010. No. 4. Pp. 22–29.
5. Teplova T. V. Influence of the dividend payments on the market estimation of the Russian companies: empirical research by a method of the event analysis on the Russian and foreign trading platforms // Audit and financial analysis. 2008. No. 2. Pp. 1–15.
6. Savchenko E. O. Dividend policy influence on company valuation (on the example of index of the industrial and hi-tech companies Nasdaq 100) // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. 2018. No. 5. Pp. 139–146.
7. Suburb T. I. Study of Relationship between Dividend Payments and Market Payments company values // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. 2014. No. 1. Pp. 91–97.
8. Ulyanov A. I. Statistical research of the role of dividends in Russian economy: author's abstract of Candidate of Economic Sciences, 2008, 22 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003169178> (date of access: 27.06.2020).
9. Rybka A. O. Dividend policy and its influence on capitalization of the Russian public joint stock companies // Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal researches. 2019. No. 2. Pp. 186–204.
10. Badokina E. A. Dividend policy and market value of the company // Bulletin of the Research center of corporate law, management and venture investments of Syktyvkar State University. 2010. No. 3. Pp. 19–33.

Поступила в редакцию: 09.12.2020.

Принята к печати: 14.01.2021.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОТОКА ЦЕННОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРОВЕРКИ ЗНАНИЙ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ ТРУДА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА ПАО «РТК»)

В. А. Сенченко¹, Т. Т. Каверзнева², И. Л. Скрипник³, С. В. Воронин³

¹ ПАО «Ростелеком» Волгоградский филиал (Волгоград, Россия)

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)

³ Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России (Санкт-Петербург, Россия)

Эксплуатационные организации по структуре обслуживаемых объектов имеют территориально удаленные друг от друга рабочие места. К ним традиционно относятся организации в телекоммуникационной отрасли, электроэнергетике, газовой промышленности, нефтяной промышленности и другие. С развитием телекоммуникационных каналов связи и электронных технологий передачи данных все больше предприятий в мире используют труд работников, которые работают в удаленном режиме. В мире наблюдается тенденция к увеличению рабочих мест, которые функционируют удаленно друг от друга. Это связано с мировой кооперацией, территориальной неравномерностью распределения квалифицированного кадрового потенциала, а также с различными издержками в зависимости от региона на организацию рабочих мест. В условиях распространения COVID-19 и других инфекций производственные коммуникации по телекоммуникационным каналам связи в некоторых случаях становятся единственно возможным и безопасным способом. Несмотря на территориальную удаленность рабочих мест друг от друга требования трудового законодательства по обучению и проверке знаний требований по охране труда для работников сохраняются. В статье приведена карта создания потока ценности в процессе проверки знаний требований охраны труда в Волгоградском филиале ПАО «РТК». В карте визуализирован процесс и показаны операции, которые создают ценность для компании при проверке знаний требований охраны труда у работника. Приведен анализ транспортной составляющей в ходе проведения проверки знаний требований охраны труда. В статье приведены необходимые и достаточные виды, способы передачи информации в процессе проверки знаний требований охраны труда. Сделан вывод о целесообразности для удаленных друг от друга рабочих мест перехода от очной формы проверки знаний требований охраны труда к дистанционной.

Ключевые слова: проверка знаний, охрана труда, анализ операций, карта потока ценности, визуализация ценности операции, транспортная составляющая, дистанционное обучение, удаленные рабочие места, бережливое производство, муда.

DETERMINING THE VALUE STREAM IN THE PROCESS OF TESTING KNOWLEDGE OF LABOR PROTECTION REQUIREMENTS (ON THE EXAMPLE OF THE VOLGOGRAD BRANCH OF PJSC "RTK")

V. A. Senchenko¹, T. T. Kaverzneva², I. L. Skripnik³, S. V. Voronin³

¹ PJSC Rostelecom Volgograd branch (Volgograd, Russia)

² Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia)

³ Saint-Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia (St. Petersburg, Russia)

According to the structure of the objects served, operating organizations have geographically remote workplaces. These traditionally include organizations in the telecommunications industry, electric power, gas industry, oil industry, and others. With the development of telecommunication channels and electronic data

transmission technologies, more and more enterprises in the world use the labor of workers who work remotely. There is a trend in the world to increase the number of jobs that operate remotely from each other. This is due to global cooperation, territorial unevenness in the distribution of qualified human resources, as well as different costs depending on the region for the organization of jobs. In the context of the spread of COVID-19 and other infections, industrial communications via telecommunications channels in some cases become the only possible and safe way. Despite the territorial remoteness of workplaces from each other, the requirements of labor legislation for training and testing the knowledge of labor protection requirements for employees remain. The article presents a map of creating a value stream in the process of testing knowledge of labor protection requirements in the Volgograd branch of PJSC «РТК». The map visualizes the process and shows operations that create value for the company when checking the employee's knowledge of occupational safety requirements. The analysis of the transport component during the verification of knowledge of labor protection requirements is given. The article presents the necessary and sufficient types and methods of transmitting information in the process of checking knowledge of labor protection requirements. It is concluded that it is expedient for remote workplaces to switch from face-to-face testing of knowledge of labor protection requirements to remote testing.

Keywords: knowledge testing, labor protection, operations analysis, value flow map, operation value visualization, transport component, distance learning, remote jobs, lean manufacturing, muda.

Актуальность проблемы. В соответствии с Постановлением Минтруда РФ и Минобразования РФ от 13 января 2003 г. № 1/29 «Об утверждении Порядка обучения по охране труда и проверки знаний требований охраны труда работников организаций» (далее Постановление 1/29) обучение и проверку знаний требований охраны труда проходят все работники предприятия, как при приеме на работу (в течение 1 месяца), так и во время работы с периодичностью 1 раз в год или 1 раз в 3 года. Причем проверка знаний подразумевает в соответствии с Постановлением 1/29 сдачу экзамена комиссии.

На примере Волгоградского филиала ПАО «РТК» проиллюстрируем суть проблемы. Организационная структура компании является типовой для многих компаний в отрасли «Связь». Компания ПАО «РТК» занимается предоставлением услуг связи и имеет удаленные рабочие места на всей территории Волгоградской области. Ее площадь — 112 877 км². Компания предоставляет услуги связи на всей территории региона.

В рамках административно-территориального устройства Волгоградская область состоит из следующих административно-территориальных единиц: 6 городских округов и 32 муниципальных района.

Для оказания услуг связи, а также эксплуатации линий связи в каждом городском округе и муниципальном районе имеются технические работники компании. Дирекция, руководители отделов и служб (главные специалисты) предприятия территориально размещены в г. Волгограде. В муниципальных районах находятся руководители подразделений.

В соответствии с пунктом 3.4. Постановления 1/29 для проведения проверки знаний требований охраны труда работников в организациях создается комиссия в составе не менее трех человек, прошедших обучение и проверку знаний требований охраны труда в специализированной организации. В состав комиссий по проверке знаний включаются руководители организаций и их структурных подразделений, специалисты служб охраны труда, главные специалисты (технолог, механик, энергетик и другие лица), а также представители профсоюзного органа, представляющего интересы работников.

Так как круг должностных лиц, указанных в пункте 3.4. Постановления 1/29, достаточно широк и люди территориально не находятся в одном месте, комиссии по проверке знаний требований охраны труда формируются с учетом удаленности тех или иных рабочих мест. Тем не менее практика показывает, что работнику (или членам комиссии) иногда приходится проделывать путь в 200–300 км, чтобы процедура проверки знаний требований охраны труда состоялась в соответствии с действующим законодательством.

Чтобы преодолеть расстояние в 200–300 км, требуются финансовые (оплата командировочных расходов, затраты на эксплуатацию транспортных средств или проездной билет) и временные затраты (трудовые затраты в качестве затрат на оплату труда).

В связи с распространением в мире коронавирусной инфекции многие компании начали вводить карантин в своих подразделениях, разделяют рабочие потоки, отправляют работников трудиться в условиях удаленного доступа, чтобы остановить пандемию. Но жизнь на этом не останавлива-

ется. Требования охраны труда нужно соблюдать: обучение и проверку знаний требований охраны труда никто не отменял.

Транспортные расходы, трудовые затраты, связанные с перемещением сотрудников на проверку знаний требований охраны труда, можно избежать, если проводить проверку дистанционно, используя телекоммуникационные каналы связи, при этом соблюсти режим изоляции.

Изученность проблемы. Дистанционное обучение широко используется в настоящее время в образовательной среде во всех университетах, этот вид обучения не требует физического одновременного присутствия в одном месте преподавателя и студента, организуется преимущественно в сети Интернет и использует современные способы коммуникации: аудиотехнику, видеотехнику и спутниковые каналы связи [1–5]. Роль технических средств обучения в современных условиях развития общества высока [6], происходит постоянное развитие информационной среды в условиях реализации сетевой формы [7]. Любая инновационная деятельность в той или иной степени предполагает использование современных способов коммуникации [8–10].

Целесообразность разработки темы. Современные компании осуществляют свою деятельность в условиях рыночных отношений, которые обусловлены особенностями функционирования рынка. Для укрепления своих рыночных позиций и выживания в конкурентной борьбе предприятия вынуждены повышать эффективность своих внутренних процессов, сокращать издержки компании, в том числе и на проверку знаний требований охраны труда. В связи с ограничительными мерами, связанными с распространением в мире коронавирусной инфекции дистанционная проверка знаний требований охраны труда приобретает актуальность еще и с отсутствием личного контакта экзаменуемого и членов комиссии.

Цель и задачи исследования. Целью данной работы является определение потока ценности в процессе проверки знаний требований охраны труда в компании ПАО «РТК», а также анализ полученной муды и пути по сокращению издержек компании.

Для достижения цели в работе были решены следующие задачи:

- проведен анализ операций в ходе проведения проверки знаний требований охраны труда;
- проанализированы и распределены операции по ценности для компании;
- проанализирована транспортная составляющая в ходе проверки знаний требований охраны труда;

- определен путь по повышению экономической эффективности данного внутреннего бизнес-процесса компании.

Научная новизна. В данной статье визуализированы издержки при выполнении внутреннего обязательного процесса в компании, а также обоснован путь по сокращению расходов на исполнения данного процесса.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость работы заключается в визуализации потока ценности в ходе проверки знаний требований охраны труда, а ее практическая — в выявлении процессов, не приносящих ценность для компании, а также выявления в ходе исследования путей по повышению эффективности данного внутреннего бизнес-процесса.

Методология. Теоретической и методологической основой проведенного исследования являются статьи и монографии российских и зарубежных ученых. Для оценки ценности процесса проверки знаний требований охраны труда для компании была использована концепция бережливого производства и карта потока ценности. В ходе исследования авторами использованы общенаучные и специальные методы, такие как наблюдение, анализ и синтез, системный подход, сравнительный метод.

Результаты исследования. Обратимся к философии бережливого производства (БП), которая основана на представлении бизнеса как потока создания ценности для [11–13] потребителя. Построим для внутреннего процесса компании по проверке знаний требований охраны труда карту потока создания ценности (VSM). Карта позволит нам визуализировать процесс и увидеть операции, которые создают ценность для компании при проведении проверки знаний требований охраны труда (табл. 1).

При создании карты потока ценности сделаем примечания, которые обозначим звездочками.

*Создаваемая ценность: 1) контрольная функция. Проверка усвоенных знаний требований охраны труда у работника компании. Возможность допустить работника к выполнению работы; 2) соблюдение компанией действующего законодательства в области охраны труда (Постановление № 1/29), отсутствие рисков при проведении контрольных мероприятий со стороны органов государственного надзора; 3) обеспечение в компании здоровых и безопасных условий труда.

** Начальник участка является внутренним клиентом, так как он отвечает за соблюдение требований охраны труда в подразделении. Он не может допустить работника до выполнения работ без обучения и проверки знаний требований охраны труда. Если же смотреть шире, то заинтересованных сторон больше: работодатель, так как он

заинтересован в соблюдении требований законодательства в компании; работник, так как он заинтересован работать; специалист по охране труда, так как на него возложены функции по контролю за соблюдением требований охраны труда в подразделениях компании.

*** Оповещение работника за две недели до сдачи экзаменов предусмотрено действующим законодательством (Постановление № 1/29).

**** Членов комиссии по проверке знаний требований охраны труда должно быть не менее 3 человек. В Компании ПАО «РГК» характерно, что многие рабочие места удаленно находятся друг от друга. Собрать 3 членов комиссии из инженерно-технических работников или руководителей в одном месте невозможно. Поэтому члены комиссии, как правило, находятся на рабочих местах удаленно друг от друга.

Таблица 1

Карта создания потока ценности

№	Описание действия	Исполнитель	Символ операции					Время		Комментарий
			Обработка	Транспорт	Контроль	Задержка	Упаковка	Создание ценности, час	Бесплатное, час	
1	Требуется проверка знаний требований охраны труда у работника компании в соответствии с действующим законодательством	Начальник участка	○	⇒	□	□	△	0		Начальнику и конечному получателю приписывается нулевое значение времени
2	Занимался другими делами	Начальник участка	○	⇒	□	□	△	1		
3	Сообщил члену комиссии №1 по проверке знаний требований охраны труда - ведущему специалисту по охране труда Службы охраны труда Семенову В.А. о готовности подчиненного работника к сдаче экзамена по охране труда.	Начальник участка	○	⇒	□	□	△	0,15		В процессе передачи сообщения выметили примерную дату проверки знаний.
4	Занимался другими делами	Специалист по охране труда	○	⇒	□	□	△	0,5		
5	Создал в системе электронного документооборота (ЕСЭД) служебную записку о дате проверки знаний требований охраны труда - определил дату проверки знаний требований охраны труда через 2 недели***.	Специалист по охране труда	○	⇒	□	□	△	0,25		Председатель комиссии подписывает данный документ. Начальник участка (экзаменуемый работник), члены комиссии получают этого сообщения.
6	Отправил в ЕСЭД документ о назначении даты и времени экзамена по охране труда	Специалист по охране труда	○	⇒	□	□	△	0,05		
7	Занимался своим делом	Председатель комиссии	○	⇒	□	□	△	0,5		
8	Рассмотрел документ в ЕСЭД. Принял положительное решение о подписании документа.	Председатель комиссии	○	⇒	□	□	△	0,1		
9	Отправил документ в ЕСЭД на ознакомление заинтересованным лицам	Председатель комиссии	○	⇒	□	□	△	0,05		
10	Занимался своим делом	Член комиссии по проверке знаний требований охраны труда №1; Член комиссии №2; Начальник участка; Экзаменуемый работник	○	⇒	□	□	△	1		
11	Получил уведомлением о дате и времени экзамена. Никто не высказал предложений об изменении даты и времени. Дата и время экзамена согласована.	Член комиссии по проверке знаний требований охраны труда №1; Член комиссии №2; Начальник участка; Экзаменуемый работник	○	⇒	□	□	△	0,1		
12	Занимался своими делами	Член комиссии №2; Начальник участка; Экзаменуемый работник	○	⇒	□	□	△	1		
13	Создание заявки на автомобиль в электронной системе подачи заявок (ИФРМ).	Член комиссии №2; Начальник участка; Экзаменуемый работник	○	⇒	□	□	△	0,25		Член комиссии №2 и Экзаменуемый работник находятся удаленно от места приема экзамена. Поэтому им необходим транспорт для приезда на экзамен. ****
14	Занимался своими делами	Член комиссии по проверке знаний требований охраны труда №1; Член комиссии №2; Председатель комиссии; Начальник участка; Экзаменуемый работник	○	⇒	□	□	△	100		В соответствии с действующим законодательством оповещение работника должно быть за две недели до сдачи экзамена. Поэтому данный процесс не могу расширить как задержка. Это соблюдение требований, которое не добавляет ценность, но и этот срок нельзя изменить. ***
15	В день проверки знаний напомнил и уточнил у начальника участка, экзаменуемого и члена комиссии №2 и Председателя комиссии о подтверждении данного мероприятия. Все участники подтвердили.	Члены комиссии №1, №2; Председатель комиссии; Экзаменуемый работник	○	⇒	□	□	△	0,1		
16	Занимался своими делами	Председатель комиссии; Член комиссии №1	○	⇒	□	□	△	1		
17	Едет на экзамен по охране труда в назначенное место (р.п. Горюхино)	Член комиссии №2	○	⇒	□	□	△	1		Служебный автомобиль с водителем
18	Едет на экзамен по охране труда в назначенное место (р.п. Горюхино)	Экзаменуемый работник	○	⇒	□	□	△	1		Служебный автомобиль с водителем
19	Все члены комиссии собрались. Экзаменуемый работник прибыл.	Члены комиссии №1, №2; Председатель комиссии; Экзаменуемый работник	○	⇒	□	□	△	0,1		
20	Проверка знаний требований охраны труда	Члены комиссии №1, №2; Председатель комиссии; Экзаменуемый работник	○	⇒	□	□	△	1		Устный опрос, не требует тактильного контакта
21	Члены комиссии приняли положительное решение по итогам экзамена по охране труда	Члены комиссии №1, №2; Председатель комиссии	○	⇒	□	□	△	0,1		
22	Оформил протокол проверки знаний	Члены комиссии №1	○	⇒	□	□	△	0,1		В бумажной форме
23	Подписали протокол проверки знаний	Члены комиссии №1, №2; Председатель комиссии	○	⇒	□	□	△	0,1		
24	Ознакомился с результатами проверки знаний; поставил свою подпись в протоколе проверки знаний	Экзаменуемый работник	○	⇒	□	□	△	0,05		
25	Оформил удостоверение по охране труда	Член комиссии №1	○	⇒	□	□	△	0,1		В бумажной форме
26	Председатель комиссии подписал удостоверение по охране труда	Председатель комиссии	○	⇒	□	□	△	0,05		
27	Выдал удостоверение по охране труда экзаменуемому работнику	Экзаменуемый работник	○	⇒	□	□	△	0,05		
28	Возвращается с экзамена по охране труда на свое рабочее место	Член комиссии №2	○	⇒	□	□	△	1		Служебный автомобиль с водителем
29	Возвращается с экзамена по охране труда на свое рабочее место	Экзаменуемый работник	○	⇒	□	□	△	1		Служебный автомобиль с водителем
Итого:							2,7 часа	109 часа		
							2%	98%		

Проведем анализ карты потока ценности:

1) суммарное время создания ценности в процессе составило 2% от общего времени выполнения процесса;

2) основными причинами потерь в ходе выполнения процесса явились: 1) потеря времени на доставку члена комиссии и работника к месту приема экзамена по охране труда (2 часа туда и 2 часа обратно = 4 человека час); 2) транспортные расходы: расходы на автомобиль и фонд оплаты труда

водителя автомобиля (2 часа работы автомобиля с водителем туда и 2 часа работы автомобиля с водителем обратно = 4 часа человека * автомобиль * час); 3) задержка начала выполнения операций после передачи в другие подразделения (в сумме 5 часов). Вместе с процентами данные приводятся в часах, так как в общем процессе есть 100-часовое ожидание, которое не является задержкой и не создает ценность. Показано муда — использование транспорта.

Таблица 2

Количество работников, прошедших проверку знаний требований охраны труда, и количество поездок, совершенных членами комиссии для приема экзаменов по проверке знаний, в 2018 и 2019 гг. по районам Волгоградской области в ПАО «РТК»

Наименование районов Волгоградской области	Расстояние от Волгограда, км	Проверка знаний требований охраны труда в 2018 г., чел.			Кол-во поездок в 2018 г., шт.	Проверка знаний требований охраны труда в 2019 г., чел.			Кол-во поездок в 2019 г., шт.
		Перв.	Повт.	Внепл.		Перв.	Повт.	Внепл.	
Алексеевский	295	2	15	15	4	2	15	0	3
Быковский	147	1	19	19	3	1	19	0	2
Городищенский	14	1	31	32	3	1	31	0	2
Даниловский	235	1	15	15	3	1	15	0	2
Дубовский	50,1	2	17	17	4	2	17	0	2
Еланский	314	1	16	16	3	1	16	0	2
Жирновский	308	2	13	15	4	2	13	0	3
Иловлинский	85,9	1	12	12	3	1	12	4	3
Калачевский	78,7	4	36	36	6	4	36	0	4
Камышинский	195	5	83	89	6	5	83	0	4
Киквидзенский	291	1	12	12	3	1	12	1	3
Клетский	177	0	14	14	2	0	14	0	1
Котельниковский	205	0	18	18	2	0	18	0	1
Котовский	227	2	23	23	3	2	23	0	2
Кумылженский	215	1	13	13	3	1	13	0	2
Ленинский	60,3	1	17	17	3	1	17	1	3
Михайловский	189	4	54	56	5	4	54	0	3
Нехаевский	364	0	14	14	2	0	14	2	2
Николаевский	178	0	16	16	2	0	16	0	1
Новоаннинский	254	1	19	19	3	1	19	0	2
Новониколаевский	310	1	18	18	3	1	18	0	2
Октябрьский	153	1	15	15	3	1	15	0	2
Ольховский	163	1	16	16	3	1	16	0	2
Палласовский	283	1	19	19	3	1	19	0	2
Руднянский	306	2	19	20	4	2	19	1	3
Светлоярский	53,7	0	8	8	2	0	8	0	1
Серафимовичский	249	1	15	16	3	1	15	0	2
Среднеахтубинский	29	1	18	18	3	1	18	0	2
Старополтавский	286	2	19	19	4	2	19	4	2
Суровикинский	136	1	24	24	3	1	24	2	2
Урюпинский	333	3	41	41	4	3	41	0	2
Фроловский	144	2	26	26	4	2	26	0	2
Чернышковский	190	1	18	18	3	1	18	0	2
ИТОГО:		47	713	726	109	47	713	15	73

Так как основное муда у нас было выявлено — это использование транспорта, то проведем анализ использования автотранспорта компании при проведении проверки знаний требований охраны труда. В таблице 2 приведены данные ПАО «РТК» Волгоградского филиала о количестве проверке знаний требований охраны труда в 2018 и 2019 гг.

В 2018 г. была проведена проверка знаний требований охраны труда у 1486 работников предприятия, в 2019 г. — у 775. Стоит отметить, что в ходе проверки первичная, повторная и внеплановая проверка знаний требований охраны труда совмещалась. При планировании маршрута поездок за одну поездку (командировку) охватывалось два и более районов области. Поэтому математически складывать количество проверок, умноженное на расстояние, некорректно. Таким образом, для оценки затрат на автотранспорт при проведении проверки знаний требований охраны труда мы использовали экспертный способ оценки. В целях проверки знаний требований охраны труда автотранспорт проделал путь: 12800,0 км — за 2018 г. и 8800,0 км — за 2019 г.

В соответствии с Постановлением 1/29 пункты / 2.3.5., 4.6, 14.1, 14.4 позволяют проводить дистанционное обучение. Однако дистанционную проверку знаний Постановление 1/29 никак не регулирует. Но п. 2.2.3 Постановления 1/29, с одной стороны, предлагает, а с другой — обязывает работодателя установить порядок, форму, периодич-

ность и продолжительность обучения и проверки знаний требований охраны труда работников рабочих профессий в соответствии с нормативными правовыми актами, регуливающими безопасность конкретных видов работ. Поэтому работодатель вправе установить самостоятельно порядок обучения и проверки знаний с учетом применения дистанционных технологий.

В результате обучения и проверки знаний происходит следующий обмен информацией: визуальное восприятие информации, голосовое восприятие информации, передача текстовой информации.

С развитием сети Интернет в последнее время получило широкое распространение программное обеспечение, поддерживающее текстовую, голосовую и видеосвязь через Интернет между компьютерами. К примеру, Skype, Zoom. Эти программные продукты обеспечивают текстовую, голосовую и видеосвязь через Интернет между компьютерами. Существуют и другие аналогичные программные обеспечения. С помощью этих видеоприложений можно осуществить вербальное и невербальное общение, не нужно тратить время и денежные средства на командировку для обучения и проверки знаний требований охраны труда в удаленных подразделениях.

В таблице 3 приведены необходимые и достаточные виды и способы передачи информации в процессе обучения и проверки знаний требований охраны труда.

Таблица 3

Виды восприятия и способы передачи информации при очном и дистанционном обучении

Виды восприятия и способы передачи информации	Обучение и проверка знаний при личном присутствии работника и членов комиссии	Дистанционное обучение и проверка знаний с использованием программного обеспечения, обеспечивающее текстовую, голосовую и видеосвязь через Интернет между компьютерами (IP-телефония)
Визуальное восприятие работника и членов комиссии	да	да
Голосовое общение	да	да
Передача текстовых сообщений	да	да
Тактильное общение	Не требуется	Не требуется

Виды восприятия и способы передачи информации при обучении и проверке знаний требований охраны труда при очной и дистанционной форме с использованием программного обеспечения для текстовой, голосовой и видеосвязи через Интернет между компьютерами одни и те же. Однако затратная часть, связанная с транспортными расходами и трудовыми затратами на транспортировку работников, отсутствует при дистанционной форме.

Таким образом, дистанционное обучение и проверка знаний правил охраны труда с использованием программного обеспечения дает следующие преимущества по сравнению с очной формой [14–19]:

- экономятся время, транспортные и трудовые затраты на сбор участников;
- экзаменуемый, находясь в привычных условиях (у себя в подразделении), чувствует себя психологически увереннее;
- реализуется безболезненная возможность мобильного переноса процедуры проверки знаний в форс-мажорных случаях без транспортных затрат (внезапного ухудшения состояния здоровья одного из участников, неподготовленности экзаменуемого и т. д.).

Выводы. При проведении анализа операций по проведению проверки знаний требований охраны труда была составлена карта потока ценности.

Выявлено основное муда — это использование транспорта. Анализ восприятия и способов передачи информации при очном и дистанционном обучении и проверки знаний требований охраны труда качественных отличий не выявил.

На основании полученных результатов делаем вывод, что переход обучения и проверки знаний требований охраны труда в дистанционном режиме концептуально обоснован.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Куценко С. М., Косулин В. В. Электронные образовательные ресурсы как инструмент обучения и повышения качества образования // Актуальные вопросы инженерного образования: содержание, технологии, качество: материалы VII межвузовской конференции, посвященной 70-летию Ю. Г. Назмеева (г. Казань, 21–22 апреля 2016 г.). В 3 томах. Том 2. Казань, 2016. С. 194–198.
2. Скрипник И. Л., Воронин С. В. Современные альтернативные подходы обучения в сравнении с традиционными // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2017. № 4 (37). С. 46–50.
3. Куклев В. А., Егорова Т. А. Электронное обучение на основе СДО Moodle: проблемы, поиски и решения // Электронное обучение в непрерывном образовании. 2015. Т. 1, № 1 (2). С. 552–558.
4. Акользина Е. А. Использование электронных образовательных ресурсов в процессе обучения: достоинства, недостатки // Гаудеамус. 2013. № 2 (22). С. 95–97.
5. Каверзнева Т. Т., Леонова Н. А. Проблемы перевода учебного процесса в on-line формат в высшей школе // Безопасность жизнедеятельности. 2018. № 4 (208). С. 61–64.
6. Грузкова С. Ю., Камалеева А. Р. Роль технических средств обучения в современном педагогическом процессе // Информация и образование: границы коммуникаций. 2014. № 6 (14). С. 346–348.
7. Шорина Т. В., Кирилова Г. И., Липатова И. А. Развитие информационной среды высшей школы в условиях реализации сетевой формы // Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2017. № 3 (35). С. 146–152.
8. Naumkin N. I., Kondratieva G. A., Grosheva E. P., Kupryashkin V. F. Training Higher School Students in Rapid Prototyping Technology as a Final Stage of Their Preparation for Innovative Activities // Integration of Education. 2018. 22 (3). Pp. 519–534. DOI: 10.15507/1991–9468.092.022.201803.519–534.
9. Исупова Н. И., Суворова Т. Н. Использование электронных образовательных ресурсов для реализации активных и интерактивных форм и методов обучения // Концепт. 2014. Т. 26. С. 136–140. URL: <http://e-koncept.ru/2014/64328.htm>.
10. Гаюбова К. А. Использование современных педагогических интерактивных методов обучения и информационных технологий в совершенствовании учебного процесса // Молодой ученый. 2015. № 23.
11. Вумек Дж., Джонс Д. Бережливое производство: Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании. М., 2018. 472 с.
12. Ротер М., Шук Д. Учитесь видеть бизнес-процессы. Практика построения карт потока создания ценности. М., 2017. 144 с.
13. Молдавская Е. Э., Трещев А. М. Пути адаптации концепции бережливого производства в самообучающейся организации // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 1. С. 199–202.
14. Сенченко В. А., Пушенко С. Л., Стасева Е. В., Каверзнева Т. Т., Румянцева Н. В. Научно-методические основы проведения дистанционного обучения и проверки знаний по безопасности труда в строительстве // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. 2020. Вып. 2 (79). С. 126–137.
15. Сенченко В. А., Каверзнева Т. Т., Салкуцан В. И., Скрипник И. Л., Воронин С. В. Оптимизация обучения и проверки знаний требований охраны труда с помощью интернет-технологий // Безопасность жизнедеятельности. 2020. № 8 (236). С. 49–55.
16. Сенченко В. А. Документы, оформляемые по результатам проведения инструктажей по охране труда и пожарной безопасности // Приложение к журналу «Охрана труда и пожарная безопасность». М., 2017. 52 с.
17. Карауш С. А., Герасимова О. О. Повышение эффективности обучения работников строительной отрасли охране труда за счет мотивации работодателей // Интернет-вестник ВолгГАСУ. Сер.: Политематическая. 2015. Вып. 1 (37). URL: <http://www.vestnik.vgasu.ru>.
18. Савельев Д. В., Иванов А. В., Каверзнева Т. Т. Организация и проведение объектовых занятий // Подготовка кадров в системе предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций: материалы Международной научно-практической конференции. 2019. С. 188–192.

19. Южакова Н. А. Использование современных информационных технологий в педагогическом процессе в образовательных организациях высшего образования системы МЧС России // *Безопасность жизнедеятельности*. 2016. № 1 (181). С. 60–64.

REFERENCES

1. Kutsenko S. M., Kosulin V. V. Electronic educational resources as a tool for teaching and improving the quality of education // *Actual issues of engineering education: content, technology, quality: materials of the VII inter-university conference dedicated to the 70th anniversary of Yu. G. Nazmeeva (Kazan, April 21–22, 2016)* In 3 volumes. Vol. 2. Kazan, 2016. Pp. 194–198.
2. Skripnik I. L., Voronin S. V. Modern alternative teaching approaches in comparison with traditional ones // *Psychological and pedagogical problems of human and society safety*. 2017. No. 4 (37). Pp. 46–50.
3. Kuklev V. A., Egorova T. A. E-learning based on LMS Moodle: problems, searches and solutions // *E-learning in continuing education*. 2015. Vol. 1, No. 1 (2). Pp. 552–558.
4. Akolzina E. A. Use of electronic educational resources in the learning process: advantages, disadvantages // *Gaudeamus*. 2013. No. 2 (22). Pp. 95–97.
5. Kaverzneva T. T., Leonova N. A. Problems of transferring the educational process to the ON-LINE format in higher education // *Safety of life*. 2018. No. 4 (208). Pp. 61–64.
6. Gruzskova S. Yu., Kamaleeva A. R. The role of technical teaching aids in the modern pedagogical process // *Information and education: the boundaries of communications*. 2014. No. 6 (14). Pp. 346–348.
7. Shorina T. V., Kirilova G. I., Lipatova I. A. Development of the information environment of higher education in the context of the implementation of the network form // *Bulletin of the Kazan State Energy University*. 2017. No. 3 (35). Pp. 146–152.
8. Naumkin N. I., Kondratieva G. A., Grosheva E. P., Kupryashkin V. F. Training Higher School Students in Rapid Prototyping Technology as a Final Stage of Their Preparation for Innovative Activities // *Integration of Education*. 2018. 22 (3). Pp. 519–534. DOI: 10.15507/1991–9468.092.022.201803.519–534.
9. Isupova N. I., Suvorova T. N. Use of electronic educational resources for the implementation of active and interactive forms and methods of teaching // *Concept*. 2014. Vol. 26. Pp. 136–140. URL: <http://e-koncept.ru/2014/64328.htm>.
10. Gayubova K. A. The use of modern pedagogical interactive teaching methods and information technologies in improving the educational process // *Young scientist*. 2015. No. 23.
11. Wumek J., Jones D. *Lean Manufacturing: How to Root Out Waste and Pursue Perfection*. M., 2018. 472 p.
12. Rother M., Shook J. *Learn to see business processes. The Practice of Building Value Stream Mapping*. M., 2017. 144 p.
13. Moldavskaya E. E., Treshchev A. M. Ways of adapting the concept of lean manufacturing in a self-learning organization // *Business. Education. Right*. Bulletin of the Volgograd Institute of Business. 2012. No. 1. Pp. 199–202.
14. Senchenko V. A., Pushhenko S. L., Staseva E. V., Kaverzneva T. T., Rumyantseva N. V. Scientific and methodological foundations of distance learning and knowledge testing on labor safety in construction // *Bulletin of the Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Building and Architecture*. 2020. Iss. 2 (79). Pp. 126–137.
15. Senchenko V. A., Kaverzneva T. T., Salkutsan V. I., Skripnik I. L., Voronin S. V. Optimization of training and knowledge testing of labor protection requirements using Internet technologies // *Life safety*. 2020. No. 8 (236). Pp. 49–55.
16. Senchenko V. A. Documents drawn up based on the results of briefings on labor protection and fire safety // *Appendix to the journal «Labor protection and fire safety»*. M., 2017. 52 p.
17. Karaush S. A., Gerasimova O. O. Improving the efficiency of training workers in the construction industry in labor protection due to the motivation of employers // *Internet Bulletin VolgGASU. Ser.: Polythematic*. 2015. Iss. 1 (37). URL: <http://www.vestnik.vgasu.ru>.
18. Saveliev D. V., Ivanov A. V., Kaverzneva T. T. Organization and conduct of object training // *Personnel training in the system of prevention and elimination of the consequences of emergency situations: materials of the International scientific-practical conference*. 2019. Pp. 188–192.
19. Yuzhakova N. A. The use of modern information technologies in the pedagogical process in educational institutions of higher education of the EMERCOM system of Russia // *Safety of life*. 2016. No. 1 (181). Pp. 60–64.

Поступила в редакцию: 10.12.2020.

Принята к печати: 19.01.2021.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА НА ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО И МЕСТНОГО БЮДЖЕТА (НА МАТЕРИАЛАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ И Г. БАРНАУЛА)

И. В. Стрижкина, В. Н. Стрижкина, Л. А. Капустян

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В новых условиях кризиса, вызванного коронавирусной инфекцией, предприятия крайне нуждаются в поддержке со стороны государства. Старая система налогообложения привела к невозможности ее использования. Государство предложило новые подходы к налогообложению малого и среднего предпринимательства. Определены основные причины изменения в законодательстве, связанные с отменой ЕНВД и применением новых налоговых режимов. Рассмотрены преимущества и недостатки применения единого налога на вмененный налог, замена данного налога на патентную систему налогообложения и систему самообложения. Проанализирована и проведена ретроспектива применения ЕНВД, рассмотрены результаты его применения.

На примере конкретного региона, Алтайского края, проанализировано количество налогоплательщиков, использовавших единый налог на вмененный доход (ЕНВД), и перспектива уплаты налога по новой системе. В статье рассмотрены итоги налоговой реформы и особенности ее реализации в период коронавирусной инфекции.

Изучена специфика применения патентной системы в различных отраслях, так как Алтайский край имеет сельскохозяйственную направленность, в отличие от других регионов. Также предпринята попытка рассчитать доходы бюджета г. Барнаула при условии перехода на новую систему налогообложения, сделаны оптимистические выводы и предположения о положительной тенденции роста доходов.

Ключевые слова: налоги, бюджет, доходы, реформа, малый и средний бизнес, Алтайский край.

ON THE IMPACT OF THE TAXATION SYSTEM OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES ON THE FORMATION OF REGIONAL AND LOCAL BUDGETS (BASED ON THE MATERIALS OF THE ALTAI TERRITORY AND BARNAUŁ)

I. V. Strizshkina, V. N. Strizshkina, L. A. Kapustyan

Altai State University (Barnaul, Russia)

In the new conditions of the crisis caused by the coronavirus infection, enterprises are in dire need of support from the state. The old taxation system made it impossible to use. The state has proposed new approaches to taxation of small and medium-sized businesses. The main reasons for changes in legislation related to the abolition of UTII and the application of new tax regimes have been identified. The article discusses the advantages and disadvantages of using a single tax on imputed tax, replacing this tax with a patent taxation system and a self-taxation system. The retrospective of the application of UTII is analyzed and carried out, the results of its application are considered.

On the example of a specific region, the Altai Territory, the number of taxpayers who used the unified imputed income tax (UTII) and the prospect of paying tax under the new patent system were analyzed. The article discusses the results of the tax reform and the features of its implementation during the period of coronavirus infection.

The article discusses the specifics of the application of the patent system in various industries, since the Altai Territory has an agricultural focus, in contrast to other regions. An attempt was also made to calculate the budget revenues of the city of Barnaul, subject to the transition to a new taxation system, optimistic conclusions and assumptions about a positive trend in income growth were made.

Keywords: taxes, budget, income, reform, small and medium business, Altai Territory.

Введение. Основной финансовый документ города Барнаула на 2021–2023 гг., невзирая на распространение коронавирусной инфекции, сверстан жизнеспособным благодаря дополнительным средствам, выделенным из вышестоящих бюджетов Российской Федерации и Алтайского края.

В финансовом 2021 г. доходы спланированы в размере 15 млрд 517,8 млн рублей, где более 7 млрд рублей составляют собственные доходы [1]. Следует отметить, что город Барнаул находится в тройке лидеров по собственным доходам. За прошедший 2020 г. они были чуть больше половины (51%), в Белокурихе — 48,5%, в Благовещенском районе — 43,5%.

Доходы формируются в основном из четырех источников: налога на доходы физических лиц, принесшего в бюджет почти 3 млрд руб., налога на совокупный доход, давшего около 2 млрд руб., налога на имущество в размере 1 млрд 223 млн рублей и отданных на приватизацию земель и имущества (707,9 млн рублей) [2].

До 2021 г. значительный доход в местные бюджеты, и особенно в бюджеты городов, приносила система налогообложения в виде единого налога на вмененный доход (ЕНВД), которая была введена в российскую фискальную систему в конце прошлого века. Режим ЕНВД вводился, в первую очередь, для того чтобы осуществлять контроль за его уплатой и к тому же облегчал процесс сбора данного налога. В результате ожидалось увеличение доходов в бюджет за счет привлечения к обязательной уплате ЕНВД субъектов хозяйствования, осуществляющих деятельность в сфере услуг, торговли, общественного питания. Именно эти услуговые сферы наиболее часто уклоняются от налогообложения, скрывая неучтенные доходы [3].

Единый налог на вмененный доход с 2013 года уплачивался добровольно, государство отменило жесткий контроль за сбором данного налога, чем был ослаблен сам смысл появления ЕНВД [4].

Несмотря на облегчение контроля со стороны государства, у данного налога сохранилась функция налоговой поддержки и легализации доходов

бизнеса при использовании льготных налоговых условий.

Основной причиной отмены использования ЕНВД явилось одновременное применение в том же 2013 г. системы налогообложения на основе патента, именно эта система, по сути, — такой же временный налоговый режим, должна была заменить собой означенный налог.

Реализация налоговой реформы была хорошо просчитана и оправдала себя. На основании результатов 2013 г. был сделан вывод о наибольшем уменьшении количества лиц, уплачивающих ЕНВД. От уплаты «устаревшего» налога сразу отказались почти 300 тыс. налогоплательщиков, большая часть из которых являлись индивидуальными предпринимателями.

На практике, несмотря на явные преимущества новой системы выдачи патентов и на сокращение количества предпринимателей, использующих ЕНВД, режим остался востребованным для многих налогоплательщиков, которые продолжали его применение [5].

Оплата налога осуществлялась добровольно, даже после внедрения альтернативной патентной системы. В результате отмена режима в этот период не реализовалась, но план отмены данного налога остался в силе, хотя его сроки отмены были определены только в текущем году.

ЕНВД, который внедрялся государством как временный, для того чтобы помочь выполнять представителям малого бизнеса свой конституционный долг по уплате налогов, за последние 20 лет в регулировании налогообложения субъектов малого и среднего бизнеса (МСБ) сделал очень многое.

Результаты исследования. В Алтайском крае сейчас проводится тонкая настройка системы для предпринимателей с различными объемами деятельности. Некоторым категориям придется менять занятые ниши, что для них болезненно.

Около 60% предпринимателей края считают факторами, затрудняющими их деятельность, высокую налоговую нагрузку и обязательные платежи. Сейчас на ЕНВД работает более 37 тысяч пред-

принимателей региона. До конца 2020 г. всем им было необходимо определиться, на какую систему перейти после его отмены (упрощенную систему налогообложения, систему патента или налог на профессиональный доход).

Специальные налоговые режимы дают реальную возможность малому бизнесу получать государственную поддержку, поэтому данным вопросам уделяется большое внимание со стороны государственных органов власти [6].

Большие надежды возлагаются на упрощенную систему налогообложения (УСН), которая должна занять нишу, ранее принадлежавшую единому налогу на вмененный доход, но, к сожалению, и тот и другой налог утратили возложенную на них концептуальность [7].

Сегодня формируются особые условия для налогообложения индивидуальных предпринимателей. Это связано с появлением патентного налога. Помимо прочего, образовалась особая категория самозанятых физических лиц в рамках налога на профессиональный доход.

Нужно учитывать, конечно, что при применении УСН необходимо верно планировать финансовые пределы, так как они дают возможность не только качественного налогового планирования, но и «ухода» от уплаты налогов.

В Алтайском крае введение с 2021 г. переходного режима для «упрощенцев», доходы которых временно превышают установленный максимум на определенную сумму, позволит им не переходить на общую систему налогообложения, платить повышенную ставку по УСН. Предполагается увеличить со 150 млн руб. до 200 млн руб. годовой доход, до которого можно работать на упрощенной системе налогообложения. Налогоплательщики, доходы которых превысили 150 млн рублей, но не выше 200 млн рублей, или численность наемных работников у которых составляет от 100 до 130 работников включительно, с 2021 г. имеют возможность использовать упрощенную систему налогообложения, но начинают платить налог поставкам (8 и 20%) [2].

Выводы и рекомендации. С нашей точки зрения, значение для экономики такого способа воздействия на малый бизнес, как увеличение финансовых пределов УСН, слишком преувеличено и не показывает ожидаемого эффекта в виде роста объема малого бизнеса [3].

Кроме того, до прохождения точки безубыточности малый бизнес не имеет возможности получать огромные доходы.

Немаловажным является и тот факт, что при условии упрощенной системы налогообложения достаточно высокие предельные финансовые ограничения приводят к использованию мошенниче-

ского механизма разделения предприятий на мелкие структурные подразделения или формальное разделение субъекта хозяйствования. Это делается для того, чтобы использовать льготы в уплате налогов для предприятий малого бизнеса. Таким образом, предприниматель показывает самостоятельное ведение бизнеса несколькими лицами. В реальности же таким образом скрывается деятельность одного крупного предпринимателя, который желает сохранить или получить право применения льготного налогообложения.

В странах с переходной экономикой, к которым по классификации ООН относится Россия, необходимо проводить данное внедрение и использование налога очень демократичным способом, при таких условиях его внедрения он будет рационален и реально применен. Это вариант, который предполагает отказ от увеличения предельных значений выручки УСН; а также закрепление нормативных значений на уровне 112,5–150 млн руб. Данные пределы, или пороги, определены на основе того, что уровень нормативных ограничений под действием инфляции будет снижаться, при этом государство не вмешивается в этот процесс.

Именно такая концепция соответствует принципу стабильности фискальной системы и одновременно помогает безболезненно исключить из сферы действия УСН лиц, которые заинтересованы в минимизации уплаты налогов или явного ухода от них.

В Алтайском крае если выручка у предпринимателя не превышает 150 млн рублей, то он может выбрать «упрощенку». Если доход не превышает 60 млн в год, то для 63 категорий деятельности, в числе которых мелкая торговля и услуги, можно купить патент. Покупка патента объединяет оплату большинства налогов. Сумма платы за патент зависит от планово-возможного годового дохода с учетом различных видов предпринимательской деятельности. Перечень видов деятельности и стоимость патента определяются краевым законом.

При оптимизации законодательства о патентной системе, по мнению депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания, до половины предпринимателей, которые находились на ЕНВД, должны воспользоваться новшеством.

Они предлагают ввести дополнительную дифференциацию размера патента для разных городов и сел края. В настоящее время муниципалитеты разделены на четыре группы, по городам и районам. Причем в одном районе может быть одинаковый размер патента и у тех, кто работает в крупном районном центре, и у тех, кто в маленьком селе на 100 человек.

Нам представляется, что в предложениях депутатов есть рациональное зерно. Дифференциация размера патента на шесть групп в зависимости от численности жителей населенного пункта, в последней сделать размер минимальным, что в будущем расширит возможность безболезненного перехода на такой налоговый режим [8].

Вдобавок к этому нововведению необходимо расширить и виды деятельности для патента. Сейчас в этом списке, например, парикмахерские и косметические услуги, ремонт и пошив одежды, ремонт мебели, перевозка автотранспортом, ремонт ювелирных изделий и другие. Всего их 68. Важно отметить, что в регионе со значительной сельскохозяйственной направленностью список видов деятельности, имеющих право использовать патентную систему налогообложения, дополняется новым видом — «Животноводство, услуги в области животноводства», в связи с чем уточняется размер планового, возможного годового дохода в отношении видов деятельности, относящихся к сфере сельского хозяйства.

В дальнейшем целесообразно увеличить площадь предприятий общественного питания и розничной торговли, которые могут применять новую систему налогообложения. Это явится потенциальной позицией для кафе, ресторанов.

Важное изменение видится и в уменьшении суммы налога по патенту на сумму уплаченных взносов в социальные фонды.

Для устранения главного недостатка патента по сравнению с ЕНВД необходимо в будущем уменьшить сумму исчисленного налога на величину уплаченных страховых взносов.

Пока можно констатировать, что патентная система в крае не пользовалась спросом, поскольку подходила для «местечковых» видов деятельности. Сейчас она фактически заменит ЕНВД. Платить можно один-два раза в год. Но патент не могут взять те, кто торгует подакцизной или маркированной продукцией [9].

На 2021 г. сложно посчитать объем доходов в бюджет от предпринимателей, так как неизвестно, сколько человек выберут «упрощенку». Принятые на сегодня ставки по патенту временные, отско-

да и сложность в определении реальной выручки от деятельности мелкого бизнеса, например, в малых селах края, поэтому доход, как и по ЕНВД, предпринимателям вменяется.

В конце года есть возможность подсчитать, сколько зарабатывает конкретная точка на том или ином виде бизнеса, и через год-два провести инвентаризацию ставок.

Однозначно сказать, что предприниматели при переходе с ЕНВД потеряют, нельзя. Для того чтобы понять, какую систему лучше выбрать, на сайте ФНС создан калькулятор «Выбор подходящего режима налогообложения». Подать заявление о переходе на патентную систему можно до 17 декабря, а на «упрощенку» — до конца года.

Государство дало предпринимателям сферы услуг, не имеющим наемных работников и реализующим собственную продукцию, выбор: платить налог на профессиональный доход, если их годовая выручка не превышает 2,4 млн рублей и формировать право на пенсию, либо перейти на другие формы налогообложения [10].

На территории Алтайского края этот новый налоговый режим начал действовать с 1 июля 2020 г. Он предназначен для физических лиц и индивидуальных предпринимателей, имеющих доход от ведения самостоятельной деятельности или использования имущества без привлечения наемных работников по трудовым договорам. На начало 2021 г. более 5 тысяч человек зарегистрировали себя в этом качестве.

Анализ планируемого бюджета города Барнаула на 2021 г. показал, что выпадающие доходы бюджета в связи с отменой ЕНВД и переходом на другие режимы налогообложения составят чуть более 300 млн рублей. В целях компенсации доходов с муниципального на краевой уровень передана часть полномочий по дошкольному образованию (содержание заведующих, нянь), высвобождаемые расходы бюджета города составят 595,1 млн рублей.

По всей видимости, отмена с 1 января 2021 г. единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности предпринимателей против ожидания не несет серьезного ущерба городскому бюджету.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Решение Барнаульской городской Думы от 06.02.2019 № 411 «О бюджете города на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов». URL: <http://docs.cntd.ru/document/561644571/> (дата обращения: 26.01.2021).
2. Федеральный закон от 23.11.2020 № 374-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368441/ (дата обращения: 26.01.2021)

3. Громов В. В., Милоголов Н. С. Упрощенная система налогообложения и единый налог на вмененный доход: цели, проблемы, перспективы // Финансовый журнал. 2019. № 2 (48). С. 9–21.
4. Елисеева О. В. Оптимизация налогообложения предприятий малого бизнеса и ее влияние на финансовый результат // Фундаментальные исследования. 2018. № 11. С. 222–226.
5. Какие налоги заменяет ЕНВД // Финансовая газета. 2018. 14 сентября. URL: <https://zen.yandex.ru/media/fingazeta/kakie-nalogi-zameniaet-envd-5b9bb9794f203f00ad2873a65> (дата обращения: 26.01.2021)
6. Гринкевич А. М. «Новая» патентная система налогообложения: причины и последствия введения // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 1. С. 89–95.
7. Смородина Е. А. Влияние методов налогового регулирования на развитие среднего и малого бизнеса в России // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2018. Том 17. № 2. С. 329–355.
8. Нелюбина М. С. Влияние уровня развития малого предпринимательства на доходную составляющую местных бюджетов // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 5. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/05/24434> (дата обращения: 12.01.2021).
9. Иневатова О. А., Галушко М. В., Огородникова Д. А. Влияние малого бизнеса на формирование налоговых доходов местного бюджета // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Том 10. № 4. С. 1217–1230.
10. Потапкина Л. М. Факторы, влияющие на формирование налоговой составляющей местного бюджета // Молодой ученый. 2019. № 49 (287). С. 117–122. URL: <https://moluch.ru/archive/287/65004/> (дата обращения: 15.01.2021).
11. Пинская М. Р. Анализ и оценка вклада субъектов малого и среднего предпринимательства в формирование бюджетов территорий // Вестник ВолГУ. Серия 3: Экономика Экология. 2015. № 2. С. 88–95.

REFERENCES

1. Decision of the Barnaul City Duma of 06.02.2019 No. 411 «On the city budget for 2020 and for the planning period of 2021 and 2022». URL: <http://docs.cntd.ru/document/561644571/> (date of access: 26.01.2021)
2. Federal Law of 23.11.2020 N 374-FZ «On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368441/ (date of access: 26.01.2021)
3. Gromov V. V., Milogolov N. S. Simplified taxation system and unified tax on imputed income: goals, problems, prospects // Financial Journal. 2019. No. 2 (48). Pp. 9–21.
4. Eliseeva O. V. Optimization of taxation of small businesses and its impact on financial results // Fundamental research. 2018. No. 11. Pp. 222–226.
5. What taxes are replaced by UTII // Financial newspaper. 2018. September 14. URL: <https://zen.yandex.ru/media/fingazeta/kakie-nalogi-zameniaet-envd-5b9bb9794f203f00ad2873a6> (date of access: 26.01.2021)
6. Grinkevich A. M. «New» patent taxation system: reasons and consequences of introduction // Bulletin of Tomsk State University. 2013. No. 1. Pp. 89–95.
7. Smorodina E. A. The influence of tax regulation methods on the development of medium and small business in Russia // Vestnik UrFU. Economics and Management Series. 2018. Vol. 17. No. 2. Pp. 329–355.
8. Nelyubina M. S. Influence of the level of development of small business on the income component of local budgets // Modern research and innovation. 2013. No. 5. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/05/24434> (date of access: 01/12/2021).
9. Inevatova O. A., Galushko M. V., Ogorodnikova D. A. Influence of small business on the formation of tax revenues of the local budget // Economics, entrepreneurship and law. 2020. Vol. 10. No. 4. Pp. 1217–1230.
10. Potapkina L. M. Factors influencing the formation of the tax component of the local budget // Young scientist. 2019. No. 49 (287). Pp. 117–122. URL: <https://moluch.ru/archive/287/65004/> (date of access: 15.01.2021).
11. Pinskaya M. R. Analysis and assessment of the contribution of small and medium-sized businesses to the formation of territorial budgets // Bulletin of VolSU. Series 3: Economics Ecology. 2015. No. 2. Pp. 88–95.

Поступила в редакцию: 29.01.2020.

Принята к печати: 16.02.2021.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ИНТЕГРАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ И ПАРТНЕРСТВА В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

А. А. Титков¹, С. Ж. Ибраимова², О. В. Кожевина³, А. Ю. Юдинцев³

¹Торайгыров университет (Павлодар, Казахстан)

²Казахский университет технологии и бизнеса (Нур-Султан, Казахстан)

³Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Цель исследования сосредоточена на поиске оптимальных и эффективных организационных и экономических механизмов интеграции интеллектуального потенциала Республики Казахстан и Российской Федерации. Внедрение инструментов устойчивого развития и перехода на модели достижения ЦУР в области образования, науки и технологий рассматривается авторами как стратегический приоритет интеграции Республики Казахстан и Российской Федерации. Интеллектуальный потенциал является фундаментальной основой инновационного развития бизнес-предпринимательства. Предметом исследования выступает интеллектуальный потенциал экономических систем и его взаимосвязь с инновационным развитием. Объектом исследования — страны с развивающейся экономикой — Казахстан, Россия.

Методология основывалась на применении следующих общенаучных и специальных методов исследования: анализа и синтеза, диалектического подхода, статистического метода анализа данных, метода установления закономерностей и гипотез, метода укрупненно-аналитического счета.

В рамках результатов научного исследования предложены направления интенсификации развития интеллектуального потенциала: создание и развитие университетов корпоративного типа; создание и развитие региональных и межрегиональных центров компетенций; создание и развитие центров бизнес-инициатив; научно-образовательных консорциумов.

Ключевые слова: интеллектуальный потенциал, человеческий капитал, конкурентоспособность, научная деятельность, экономическая активность населения, подготовка кадров, научно-образовательный консорциум, компетенции, инновационная экономика.

STRATEGIC PRIORITIES FOR INTEGRATION OF THE INTELLECTUAL POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF BUILDING AN INNOVATIVE ECONOMY AND PARTNERSHIP FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT

A. A. Titkov¹, S. Zh. Ibraimova², O. V. Kozhevina³, A. Yu. Yudinste³

¹Toraighyrov University (Pavlodar, Kazakhstan)

²Kazakh University of Technology and Business (Nur-Sultan, Kazakhstan)

³Altai State University (Barnaul, Russia)

The purpose of the study is focused on finding optimal and effective organizational and economic mechanisms for integrating the intellectual potential of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation.

The introduction of sustainable development tools and the transition to models for achieving the SDGs in the field of education, science and technology is considered by the authors as a strategic priority for the integration of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation. Intellectual potential is the fundamental basis for the innovative development of business entrepreneurship. The subject of the research is the intellectual potential of economic systems and its relationship with innovative development. The object of the research is the countries with developing economies — Kazakhstan, Russia.

The methodology was based on the use of the following general scientific and special research methods: analysis and synthesis, the dialectical approach, the statistical method of data analysis, the method for establishing patterns and hypotheses, the method of aggregated analytical calculation.

Within the framework of the results of the research: the creation and development of corporate-type universities; creation and development of regional and interregional centers of competence; creation and development of centers of business initiatives; scientific and educational consortia.

Keywords: intellectual potential, human capital, competitiveness, scientific activity, economic activity of the population, personnel training, scientific and educational consortium, competencies, innovative economy.

Введение. В современной науке и практике, в мировом сообществе развитие интеллектуального потенциала и инновационное развитие остаются актуальными задачами для большинства как развивающихся, так и развитых стран мира. При этом не существует единого выработанного четкого определения понятия, термина «интеллектуальный потенциал», четко выработанных организационных и экономических механизмов его взаимосвязи с тенденциями инновационного развития экономической системы в целом, отраслей экономики, а также отдельно взятых предприятий, фирм, компаний.

Интеллектуальный потенциал исследуется и анализируется современными учеными-экономистами с точки зрения систематизации его терминологии. При этом акцент делается на такие его составные элементы, как понятие и сущность «интеллекта», понятие и сущность «потенциала».

Интеллект рассматривается как способность к познанию окружающей среды, накоплению знаний и их применению для решения проблем, задач и достижения поставленных целей.

Согласно фундаментальной теории интеллект, присущий человеку и социуму, систематизируется на два укрупненных вида: статический и динамический. Статический представляет собой совокупность знаний, навыков и компетенций, четко ориентированных на достижение конкретных целей и задач. Динамический интеллект подразумевает поиск логических путей решения задач и достижения целей, которые в совокупности выходят за пределы существующего багажа знаний. Ключевая роль при этом отводится логике [1].

В условиях четвертого этапа промышленной революции интеллект стал присущ не только человеку и обществу, но и искусственным, небиологическим системам.

Искусственный интеллект — это свойство небиологических систем, как правило, машин, компьютеров выполнять творческие функции, которые в традиционной практике считались только прерогативой человека. В системе искусственного интеллекта фундаментальной основой выступают компьютерные программы. В тенденциях современной науки отмечается, что развитие искусственного интеллекта сопряжено с репликацией результатов, а сам искусственный интеллект не вышел еще на тот уровень развития, который мог бы быть сопоставлен с развитием человека и общества [2].

Потенциал — совокупность всех имеющихся возможностей, средств для достижения целей и решения задач в какой-либо сфере, отрасли [3].

Как следствие, под интеллектуальным потенциалом следует понимать совокупность всех ресурсных возможностей для познания окружающей среды, накоплению знаний и их применению для решения проблем, задач и достижения поставленных целей.

Интеллектуальный потенциал рассматривается и анализируется с позиции следующих составных элементов:

- демографический (социальный, человеческий) потенциал;
- человеческий капитал;
- совокупность организационных и экономических условий (ресурсов), ориентированных на развитие человеческого капитала.

Демографический (социальный, человеческий) потенциал аккумулирует количество и качество человеческих ресурсов.

Человеческий капитал — совокупность знаний, умений, навыков, использующихся для удовлетворения многообразных потребностей человека и общества в целом [4].

В современных экономических системах человеческий капитал рассматривается как важнейший фактор экономического и инновационного развития. При этом инновационная экономика трактуется как экономика, основанная на новых знаниях и интеллектуальном потенциале.

Некоторые исследователи, такие как Э. Тоффлер, Д. Белл, Дж. Нейсбитт, считают, что для развитых стран именно построение инновационной экономики обеспечивает мировое экономическое превосходство одной страны, над рядом других стран [5–7].

Динамичное развитие интеллектуального потенциала требует необходимости создания соответствующих организационно-экономических условий (ресурсов).

Опыт ведущих стран с инновационной экономикой (США, Германия, Япония, Австралия, Канада, Швеция, Финляндия, Сингапур, Израиль и др.) показывает, что в качестве организационно-экономических основ выступают следующие элементы:

- функционирование университетов научно-исследовательского и предпринимательского типа;
- функционирование бизнес-инкубаторов и научно-технологических парков;
- кадровая политика на предприятиях, нацеленная на развитие качества человеческих ресурсов;
- эффективная миграционная политика, ориентированная на привлечение качественных человеческих ресурсов.

Во многих технологически развитых странах одна из ключевых ролей в части формирования и интеллектуального потенциала принадлежит исследовательским и предпринимательским высшим учебным заведениям, где сконцентрирована часть фундаментальных и прикладных исследований, предпринимательских разработок для коммерциализации. При этом имеют место разнообразные модели управления системой высшего образования с вариативной степенью централизации в их управлении [8]. В странах ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) активно развиваются для наращивания интеллектуального потенциала Центры передового опыта (*Centres of Excellence, CoE*), которые, в свою очередь, опираются на стратегические ориентации (приоритеты) Совета Европы в части интеллектуального потенциала включающие: а) фундаментальные и стратегические исследования; б) инновации и передовое технологическое развитие; в) социально-экономическое развитие (разработка механизмов реализации стратегических приоритетов и их синхронизации с институциональными операционными условиями: подходы к финан-

сированию и оценке; управленческие решения) организационные решения. Особо отмечается, что Центры компетенций должны наращивать потенциал в приоритетных областях конкретных регионов (территорий). Большинство схем центров компетенций типичны по ряду академических и социально-экономических целей, причем общее разделение происходит между схемами, которые в основном предназначены для достижения научного превосходства, то есть теми, целью которых является стимулирование технологических инноваций в конкретном или нескольких смежных секторах, а также теми, которые имеют более общие социальные цели, включая политическую поддержку или устойчивое развитие территорий. Некоторые центры компетенций ориентированы на образовательные или учебные цели. Независимо от стратегического приоритета, все центры компетенций (передового опыта) совершенство рассматривают через призму определенных категорий. Для оценки прогресса и успешности функционирования центра используют параметры качества, такие как высокое качество и продуктивность исследований, привлечение и концентрация ресурсов, международная привлекательность (включая набор персонала), внешняя международная узнаваемость и известность, а также устойчивость организации (хорошо управляемая система). Это критерии высшего порядка, которые способствуют достижению стратегических приоритетов, в том числе целей устойчивого развития (например, ЦУР 4 «Качественное образование», Цель 9 «Индустриализация, инновации и инфраструктура», ЦУР 17 «Партнерство в интересах устойчивого развития»).

В качестве важного инструмента развития интеллектуального потенциала в мировой практике выступают технопарки, в рамках которых для бизнеса и предпринимательства создаются комплексные условия проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Ярким примером выступает Силиконовая долина (США) [9].

Наравне с развитием системы образования и научной инфраструктуры в мировой практике сформированы эффективные подходы к развитию интеллектуального потенциала на микроуровнях — предприятия, фирмы, компании. При этом сформированы инновационные подходы к HR-менеджменту, например концепция «Human being management» [10].

На макроэкономическом уровне большинство развитых стран с интеллектуальной и инновационной экономикой вырабатывают специальную миграционную политику, ориентированную на привлечение в национальные экономические системы качественные человеческие ресурсы [11].

Несмотря на широкий спектр разработанных механизмов развития интеллектуального потенциала в теории и мировой практике, в большинстве развивающихся стран мира, в частности Республики Казахстан, Российской Федерации, данные механизмы также находят применение, но не дают ожидаемого положительного эффекта.

В Республике Казахстан в течение последних 15 лет был реализован широкий спектр государственных программ, ориентированных на форсированное индустриально-инновационное развитие и развитие инновационно-исследовательского образования [12]. Аналогичные программы реализованы в Российской Федерации [13].

Как в Казахстане, так и в России в области развития интеллектуального потенциала сохраняются системные многогранные проблемы, которые требуют поиска более точечных оптимальных и эффективных организационных и экономических механизмов развития интеллектуального потенциала.

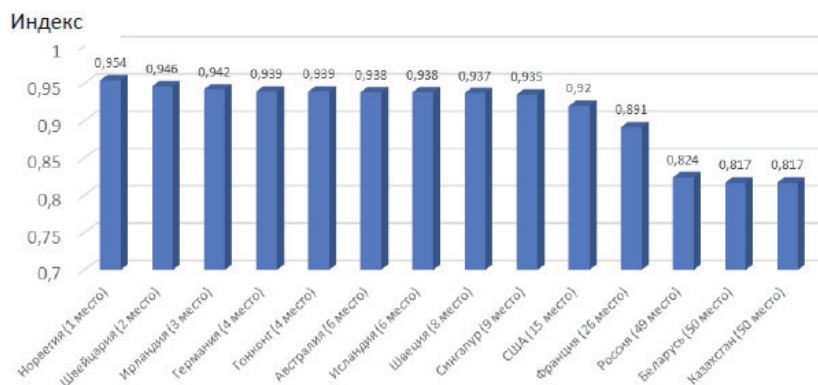
Результаты исследования. На современном этапе в системе функционирования стран с развивающейся экономикой, в качестве укрупненных

результативных показателей, характеризующих уровень развития интеллектуального потенциала, следует обозначить:

- индекс человеческого развития;
- индекс глобальной конкурентоспособности;
- уровень вовлеченности предприятий в научно-исследовательский процесс;
- уровень инновационной активности предприятий и инновационности производимой продукции.

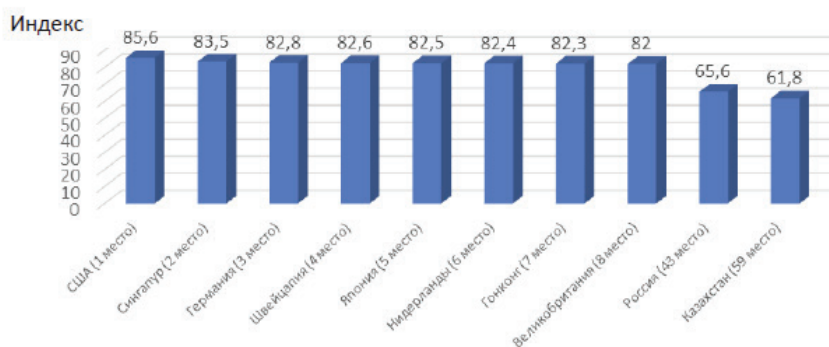
Республика Казахстан и Российская Федерация на глобальном пространстве по индексу человеческого развития находятся в соответствии с рисунком 1 на 49-м и 50-м месте соответственно. При этом Казахстан и Россия по уровню человеческого развития уступают место ведущим экономически развитым странам, таким как Норвегия, Швейцария, Ирландия, Германия, Гонконг, США и др.

По индексу глобальной конкурентоспособности, в соответствии с рисунком 2, Республика Казахстан и Россия занимают 59-е и 43-е место соответственно.

Примечание. Составлено по источнику [14].

Рис. 1. Индекс человеческого развития в отдельных странах мира по состоянию на 2019 г.

Примечание. Составлено по источнику [15].

Рис. 2. Индекс глобальной конкурентоспособности отдельных стран мира по состоянию на 2018 г.

Сопоставляя индексы человеческого развития с индексами глобальной конкурентоспособности Казахстана, России, а также других стран, следует отметить, что высокий индекс человеческого развития не обуславливает идентичный индекс конкурентоспособности. Так, Казахстан занимает 50-е место в мире по человеческому развитию и 59-е место в мире по конкурентоспособности. В ряде стран, например в России, складывается противоположная ситуация.

Данная тенденция объясняется тем, что уровень человеческого развития не всегда обуславливается прямым ростом человеческого капитала и, как следствие, ростом конкурентоспособности.

Конкурентоспособность Республики Казахстан, как государства с развивающейся экономикой, сдерживается следующими факторами: уровень вовлеченности предприятий в научно-исследовательский процесс; уровень инновационной активности предприятий и инновационности производимой продукции.

В соответствии с таблицей 1 за последний стратегический период, с 2014 по 2018 г., удельный вес внутренних затрат на НИОКР в структуре ВВП в Республике Казахстан не превышал 0,17%, а уровень активности предприятий по выполнению НИОКР не превышал 1,63%.

Таблица 1

Динамика научной активности в Республике Казахстан

Наименование показателя	Годы				
	2014	2015	2016	2017	2018
Финансирование внутренних затрат на НИОКР, млн долл. США	364,39	369,71	188,30	205,50	206,54
Удельный вес внутренних затрат на НИОКР в ВВП, %	0,17	0,17	0,14	0,13	0,12
Количество организаций осуществляющих НИОКР, кол-во	392	390	383	386	384
Уровень активности предприятий по выполнению НИОКР, %	1,63	1,23	1,23	1,25	1,26

Примечание. Составлено по источнику [16].

При данной динамике научной активности уровень инновационной активности предприятий в стратегическом периоде составил не более 10,6%, а уровень инновационности произведенной продукции в структуре ВВП не превысил 1,91%, что отображено в таблице 2.

Аналогично невысокие показатели развития науки и инноваций характерны для Российской Федерации. Например, удельный вес затрат на НИОКР в структуре ВВП в России за последние пять лет не превышал 0,55%, а уровень инновационной активности предприятий, аналогично Республике Казахстан, не превышал 10,6% [17].

Таблица 2

Динамика результатов научной деятельности (тенденции инновационной активности)

Наименование показателя	Годы				
	2014	2015	2016	2017	2018
Количество предприятий, имеющих инновации, кол-во единиц	1940	2585	2879	2974	3230
Уровень инновационной активности предприятий, %	8,1	8,1	9,3	9,6	10,6
Доля инновационной продукции в структуре ВВП, %	1,46	0,92	0,95	1,55	1,91

Примечание. Составлено по источнику [16].

Исследуя укрупненные составные индикативные показатели динамики интеллектуального потенциала стран Республики Казахстан и Российской Федерации, можно сделать вывод, что интеллектуальный потенциал имеет значительные резервы в области улучшения и развития, прежде всего, в области человеческого капитала.

Для выявления причинно-следственных факторов состояния невысокого интеллектуального потенциала рассматриваемых стран, актуаль-

но исследовать тенденции в области демографии и экономической активности населения, уровня образования населения, системы подготовки кадров и ее финансирования, инфраструктурной поддержки инновационного бизнес-предпринимательства.

В Республике Казахстан при сравнительно малой численности населения, 18,4 млн чел., наблюдаются тенденции отрицательного сальдо миграционных процессов, при которых в рамках стра-

тегического периода с 2014 по 2018 г. из страны выбыло 98 тыс. человек, что отображено в таблице 3. Также страна, при всех прочих равных условиях, располагает сравнительно малой численностью трудовых ресурсов, при этом наблюдаются тенденции снижения численности и удельного веса экономически активного населения. С 2014 по 2018 г. в соответствии с таблицей 3 удельный вес экономически активного населения в общем составе

населения снизился с 36,1 до 34,2%, при этом наблюдается стабильно высокий уровень реальной безработицы, которая варьирует в диапазоне 27,6–29,2%.

При низком уровне экономической активности населения и высоком уровне реальной безработицы наблюдается невысокие тенденции роста удельного веса трудовых ресурсов с высшим образованием, что отображено в таблице 4.

Таблица 3

Динамика демографической ситуации и экономической активности населения Республики Казахстан

Наименование показателя	Годы				
	2014	2015	2016	2017	2018
Общая численность населения, тыс. чел.	17415,7	17669,9	17918,2	18157,3	18395,6
Сальдо миграционных процессов, тыс. чел.	-12,2	-13,5	-21,1	-22,1	-29,1
Трудовые ресурсы, тыс. чел.	8887,6	8998,8	9027,4	9138,6	8887,6
Экономически активное (занятое) население, тыс. чел.	6294,9	6342,9	6485,9	6612,5	6294,9
Удельный вес экономически активного населения в общем составе населения, %	36,1	35,9	36,2	36,4	34,2
Уровень реальной безработицы населения, %	29,2	29,5	28,2	27,6	29,2

Примечание. Составлено по источникам [18, 19].

Таблица 4

Динамика трудовых ресурсов и экономической активности населения Республики Казахстан

Наименование показателя	Годы				
	2014	2015	2016	2017	2018
Трудовые ресурсы, тыс. чел.	8887,6	8998,8	9027,4	9138,6	8887,6
Трудовые ресурсы с высшим образованием, тыс. чел.	3093,3	3169,3	3205,1	3362,2	3487,8
Удельный вес трудовых ресурсов с высшим образованием, %	34,8	35,2	35,5	36,8	39,2

Примечание. Составлено по источнику [19].

В Российской Федерации, несмотря на превышение общей численности населения Республики Казахстан в 8,1 раза, в области экономической активности и уровня образования трудовых ресурсов, складывается аналогичная ситуация [20].

На интеллектуальный потенциал, качество человеческого капитала в Республике Казахстан и Российской Федерации, оказывают прямое влияние институциональные основы — система высшего образования, инфраструктура поддержки инновационного бизнес-предпринимательства.

В Республике Казахстан на современном этапе функционирует 130 вузов, в том числе 10 национальных, 32 государственных, 17 акционерных, 55 частных [21].

По состоянию на 2018–2019 учебный год в вузах Казахстана обучалось 496,2 тыс. чел., при этом

максимальный удельный вес обучающихся в соответствии с рисунком 3 обучается за счет собственных средств [22].

В Российской Федерации по состоянию на 2018–2019 учебный год функционировало 724 вуза, в том числе 441 бюджетных, 51 автономных. При этом обучение учащихся вузов осуществлялось: 46,5% — за счет средств государства; 53,5% — за счет собственных средств [23].

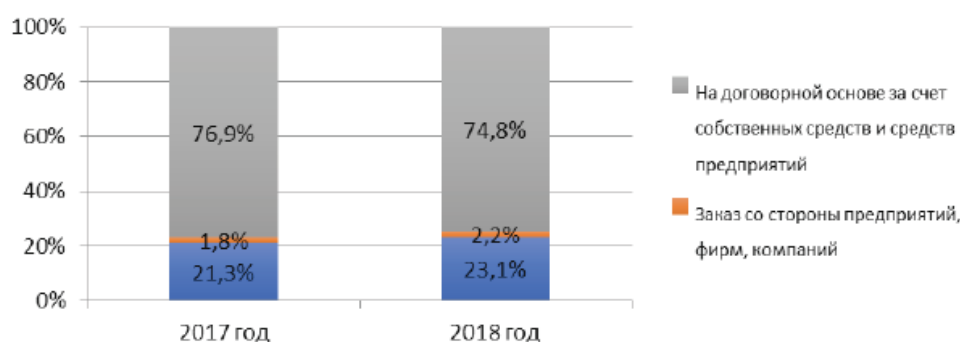
Наравне с вузами поддержку развития интеллектуального потенциала осуществляют научно-технологические парки, бизнес-инкубаторы.

В соответствии с рисунком 4 в Казахстане функционирует 5 национальных технопарков и 7 региональных [24].

Основной целевой ориентир технопарков, как в России, так и в Казахстане, — создание техно-

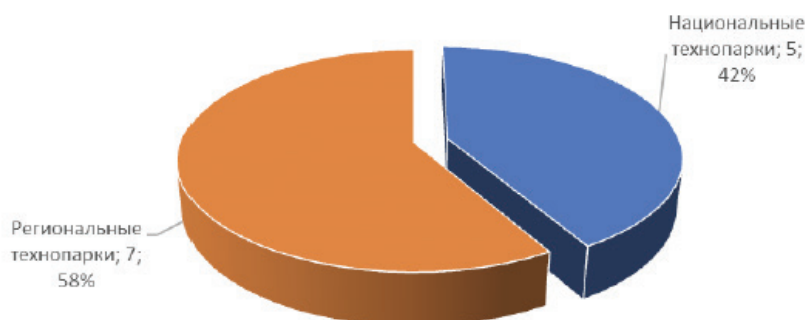
логических условий для проведения научных исследований и опытно-конструкторских работ в системе

функционирования современных инновационно-ориентированных предприятий, фирм, компаний.

Примечание. Составлено автором по источникам [21, 22]

Рис. 3. Динамика структуры обучающихся студентов в системе высшего образования Республики Казахстан в разрезе источников финансирования образования

Примечание. Составлено авторами по источникам [24, 25, 26]

Рис. 4. Структура технопарков в Республике Казахстан

Бизнес-инкубаторы в практике Казахстана и России функционируют отдельно или дополняют системы менеджмента технопарков. В данном аспекте в качестве примера целесообразно отметить бизнес-инкубатор «Astana Business Campus», функционирующий при технопарке Назарбаев Университета в столице Казахстана городе Нур-Султане [25, 26].

Отметим, что в Российской Федерации функционирует 41 технопарк, которые входят в рейтинг лучших технопарков страны и охватывают 22 региона [27]. Наиболее известные и крупные технопарки России — «Томский научно-технологический парк», Технопарк МГУ, «Строгино», «Нагатино», «Физтехпарк», «Технопарк Мордовия», «ИТ-парк» в Казани и др. В них сосредоточен инновационный потенциал. Эффективность функционирования технопарков в России обусловлена тремя ключевыми факторами: во-первых, близость к крупным научным центрам и академической среде; во-вторых, наличием частных инвесторов; в-третьих, заинтересованность ре-

гиональных органов управления в диверсификации экономики.

Исследование и анализ основных составляющих элементов и индикативных данных интеллектуального потенциала развивающихся стран мира (Республика Казахстан и Российская Федерация) позволяет обозначить системные проблемы в данной области, которые представлены на рисунке 5.

Системные проблемы развития интеллектуального потенциала в странах с развивающейся экономикой, в частности в Республике Казахстан и Российской Федерации, требуют более новых, нестандартных, диверсифицированных форм их разрешения.

Приоритеты развития интеллектуального потенциала. По нашему мнению, в качестве оптимальных и эффективных организационных и экономических приоритетов развития интеллектуального потенциала стран с развивающейся экономикой могут послужить:

- создание и развитие университетов корпоративного типа;

- создание и развитие региональных и межрегиональных центров компетенций;
- создание и развитие центров бизнес-инициатив.

Приоритеты развития интеллектуального потенциала стран с развивающейся экономикой представлены на рисунке 6.

Примечание. Составлено авторами.

Рис. 5. Системные проблемы развития интеллектуального потенциала в странах с развивающейся экономикой (на примере Республики Казахстан и Российской Федерации)

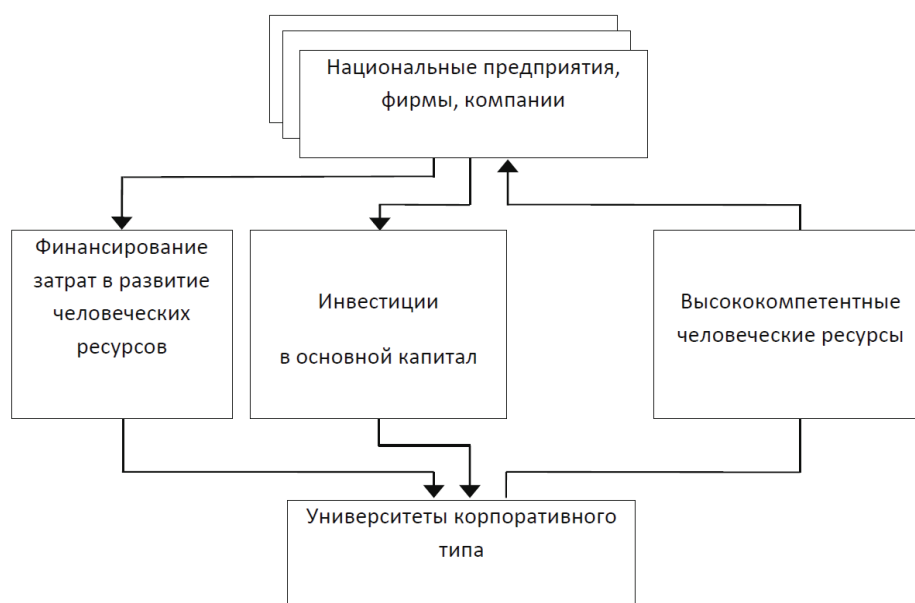
Примечание. Составлено авторами.

Рис. 6. Оптимальные и эффективные организационные и экономические приоритеты развития интеллектуального потенциала стран с развивающейся экономикой

Первым приоритетом развития интеллектуального потенциала выступает создание и развитие университетов корпоративного типа. Организационными основами университетов данного типа выступают предприятия, фирмы, компании, выступающими с одной стороны заказчиками подготовки кадров (человеческих ресурсов), а с другой стороны — учредителями (инвесторами) ву-

зов. Как следствие, экономическими основами функционирования университетов корпоративного типа выступают: инвестиции в основной капитал; финансирование затрат в развитие человеческих ресурсов (подготовка и переподготовка).

Организационные и экономические основы университетов корпоративного типа представлены на рисунке 7.

Примечание. Составлено авторами.

Рис. 7. Организационные и экономические основы университетов корпоративного типа

Основными преимуществами университетов корпоративного типа выступают: прямое участие реального сектора экономики в финансировании системы подготовки и переподготовки кадров; участие предприятий, фирм, компании в формировании образовательных программ; точечная подготовка высококвалифицированных кадров для нужд реального сектора экономики.

Вторым приоритетом развития интеллектуального потенциала выступает создание и развитие региональных и межрегиональных центров компетенций.

Центр компетенций — это многопрофильная образовательная «площадка», расположенная на одной территории, объединяющая множество образовательных независимых между собой организаций, ведущих отдельную или совместную подготовку высококвалифицированных кадров в соответствии с международными стандартами и по запросам реального сектора экономики.

В центрах компетенций централизуется максимально возможный как организационный образовательный потенциал, так и потенциал будущих качественных высококвалифицированных человеческих ресурсов.

Главным преимуществом центров компетенций выступает интеграция существующих

образовательных организаций в одну систему на принципах прямого взаимодействия, открытой конкуренции и открытого пространства.

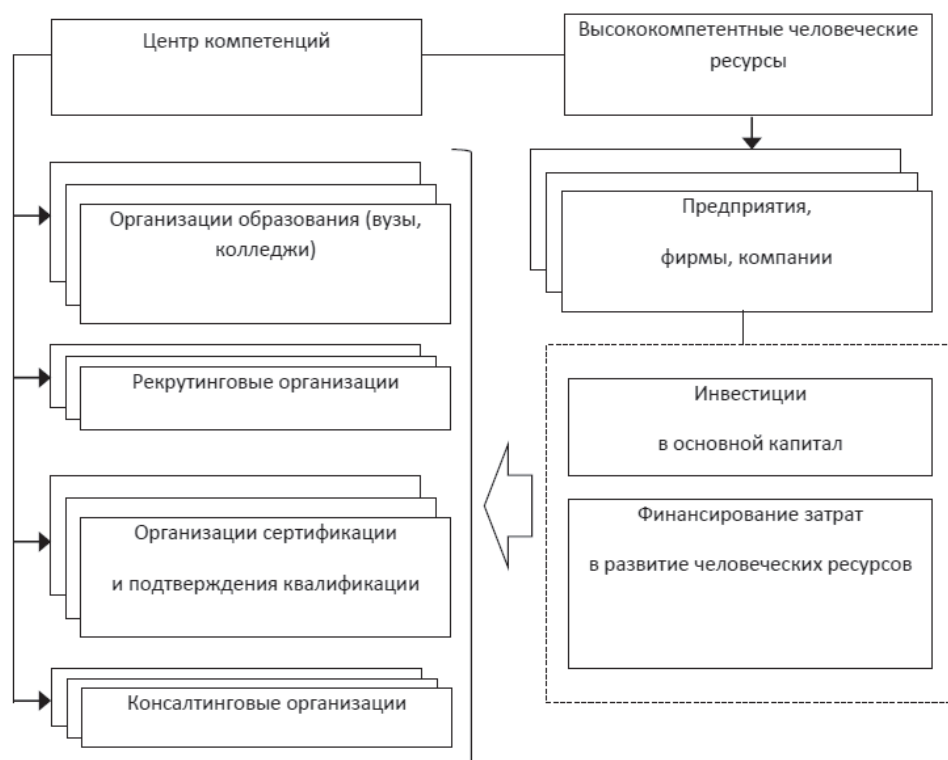
В прогнозируемом долгосрочном периоде центры компетенций, как в Казахстане, так и в России, заменят принципы и методология функционирования обычных вузов, колледжей, а также станут системным дополнением других центров: бизнес-центры, научно-технологические центры.

В центрах компетенций могут иметь место сервисно-технологические элементы, такие как рекрутинговые организации, организации, подтверждающие квалификацию; организации, сертифицирующие компетенции человеческих ресурсов; консалтинговые организации.

В общем виде организационные и экономические основы центров компетенций представлены на рисунке 8.

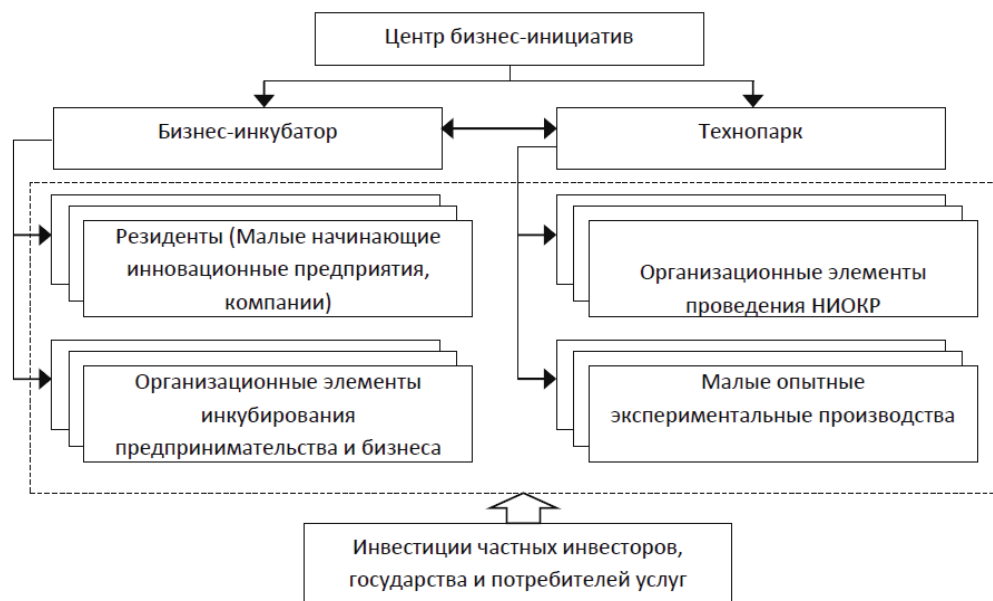
Третьим приоритетом развития интеллектуального потенциала выступает создание и развитие центров бизнес-инициатив. Данные центры, по нашему мнению, должны рассматриваться как интегрированные структуры в системе «бизнес-инкубатор — технопарк».

В общем виде организационные и экономические основы центров бизнес-инициатив представлены на рисунке 9.

Примечание. Составлено авторами.

Рис. 8. Организационные и экономические основы центров компетенций

Примечание. Составлено авторами.

Рис. 9. Организационные и экономические основы центров компетенций

Организационными элементами бизнес-инкубаторов должны выступать малые начинающие инновационные предприятия, компании, а также организационные элементы инкубирования предпринимательства и бизнеса.

Организационными элементами технопарка выступают организационные основы проведения НИОКР и малые опытные экспериментальные производства.

Источниками инвестиций в создание и функционирование центров бизнес-инициатив выступают государство, частные инвесторы, потребители услуг.

В качестве результирующих аспектов выше представленных организационных и экономических основ развития интеллектуального потенциала будут являться следующие:

- динамичный поэтапный рост инвестиций в образование и НИОКР, со стороны реального сектора экономики (предприятия, фирмы, компании);
- динамичный рост инновационных малых, средних и крупных предприятий;
- увеличение удельного веса инновационной продукции в структуре ВВП;
- ожидаемое улучшение индексов человеческого потенциала и конкурентоспособности в глобальных рейтингах.

В современных условиях в качестве пилотного проекта в Республике Казахстан на базе моногорода Экибастуза будет создан Центр развития компетенций в сотрудничестве с государством и ведущими крупными промышленными предприятиями ERG, KazMinerals, KazMunaiGaz и прочие.

Заключение. Полученные результаты исследования в комплексе не противоречат и интегрируются, дополняют научные результаты других авторских исследований. Так, ученые Уральского государственного университета России Л. Д. Гительман и М. В. Кожевников в своих научных трудах одним из вариантов развития интеллектуального потенциала рассматривают концепцию создания региональных центров компетенций

на принципах партнерства университетов, науки и бизнеса [28].

Ряд других ученых, таких как А. В. Шраер, Е. В. Латыпова, в качестве ориентиров развития интеллектуального потенциала рассматривают пути построения инновационных кластеров и кластеров компетенций, центров «превосходства» [29].

В настоящее время в мире сформировалась весьма обширная теоретическая база знаний по вопросам развития корпоративных университетов и корпоративного образования. Анализ публикаций в зарубежных научных изданиях демонстрирует, что корпоративные университеты уже на протяжении более 30 лет являются объектом интереса американских и европейских специалистов по корпоративному обучению [30].

Применение организационных и экономических механизмов развития интеллектуального потенциала стран с развивающейся экономикой рассчитано на стратегический период не менее четырех-пяти лет и требует поэтапной системной апробации на практике. И в Республике Казахстан, и Российской Федерации предложенные авторские пути развития интеллектуального потенциала на ближайшую перспективу должны стать важнейшим инструментарием повышения уровня интеллектуальности и инновационности экономических систем.

Развитие интеллектуального потенциала не может рассматриваться как одномоментный этап решения проблем. Для каждого варианта подсистемы развития интеллектуального потенциала необходимо проводить дополнительные исследования с выходом на технико-экономические, инвестиционные обоснования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Cattell R. B. Abilities: Their structure, growth, and action. N. Y., 1971.
2. Hutson M. Missing data hinder replication of artificial intelligence studies // Science. 2018–02–15. DOI:10.1126/science.aat3298
3. Potential. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Potential> (дата обращения: 11.01.2021)
4. Goldin C. Human Capital // Handbook of Cliometrics. Heidelberg, 2016. Pp. 56–86.
5. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2010. 784 с.
6. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N. Y., 1973.
7. Naisbitt J. Megatrends: Ten New Directions Transforming Our Lives. N. Y., 1982. 178 p.
8. Ушакова С. Е., Жарова Е. Н., Фетисов Ю. В. Анализ зарубежного и отечественного опыта государственного регулирования использования национального интеллектуального капитала страны // Управление наукой и наукометрия. 2016. №3 (21). С. 78–103.
9. McCarthy I. P., Silvestre B. S., von Nordenflycht A., Breznitz Sh. M. A typology of university research park strategies: What parks do and why it matters // Journal of Engineering and Technology Management. 2018. Vol. 47. Pp. 110–122.
10. What is Human Being Management. URL: <https://www.kegcoach.nl/en/home-eng/human-being-management-eng/> (дата обращения: 11.01.2021)
11. Кадышева О. В., Сафронова М. И. Мировой опыт привлечения высококвалифицированных специалистов и особенности его применения в России // Муниципальная академия. 2016. №3. С. 120–127.

12. The strategy for development of the Republic of Kazakhstan. URL: https://www.akorda.kz/en/official_documents/strategies_and_programs (дата обращения: 11.01.2021)
13. Государственные программы. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2649/> (дата обращения: 11.01.2021)
14. Human Development Report 2019 — Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century. URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf> (дата обращения: 11.01.2021)
15. The Global Competitiveness Report 2018. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2018> (дата обращения: 11.01.2021)
16. Наука и инновационная деятельность Казахстана // Статистический сборник. Нур-Султан. 2019. С. 44.
17. Наука, инновации и информационное общество. Наука и инновации // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://www.gks.ru/folder/14477> (дата обращения: 11.01.2021)
18. Демографический ежегодник Казахстана // Статистический сборник. Нур-Султан. 2019. С. 280.
19. Занятость в Казахстане // Статистический сборник. Нур-Султан. 2019. С. 248.
20. Население. Рынок труда, занятость и заработная плата // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://www.gks.ru/folder/10705> (дата обращения: 11.01.2021)
21. Национальный сборник «Статистика системы образования Республики Казахстан» // АО «Информационно-аналитический центр». Астана, 2018. 336 с.
22. Аналитический отчет по реализации принципов Болонского процесса в Республике Казахстан, 2018 год. Астана, 2018. 64 с.
23. Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/ru/activity/stat/highed/> (дата обращения: 11.01.2021)
24. Национальные научно-технологические парки Казахстана. URL: https://kazakh-tv.kz/ru/view/column/page_70323_national-science-and-technology-parks-of-kazakhstan (дата обращения: 11.01.2021)
25. Технопарк Назарбаев Университета. URL: http://nuris.nu.edu.kz/technopark_coworking (дата обращения: 11.01.2021)
26. Региональные технопарки. URL: <http://medscience.kz/research-environment/innovation-support-infrastructure/технопарки/> (дата обращения: 11.01.2021)
27. Названы самые эффективные технопарки России 2019 года. URL: <http://akitrf.ru/news/nazvany-samy-e-effektivnye-tekhnoparki-rossii-2019-goda/> (дата обращения: 11.01.2021)
28. Гительман, Л. Д., Кожевников, М. В. Центры компетенций — прогрессивная форма организации инновационной деятельности // Журнал Инновации. 2013. № 10. С. 92–98.
29. Шраер А. В., Латыпова Е. В. Инновационные кластеры и кластеры компетенций: взаимосвязь понятий // Управление экономическими системами. 2015. № 8 (80). URL: <http://www.uecs.ru/uecs-80-802015/item/3662-2015-08-22-06-20-16> (дата обращения: 11.01.2021)
30. Hearn D. R. Education in the Workplace: An Examination of Corporate University Models. URL: <https://www.newfoundations.com/OrgTheory/Hearn721.html> (дата обращения: 11.01.2021)

REFERENCES

1. Cattell R. B. Abilities: Their structure, growth, and action. N. Y., 1971.
2. Hutson M. Missing data hinder replication of artificial intelligence studies // Science. 2018–02–15. DOI: 10.1126/science.aat3298
3. Potential. Electronic resource: <https://en.wikipedia.org/wiki/Potential> (date of access: 11.01.2021)
4. Goldin C. Human Capital // Handbook of Cliometrics. Heidelberg, 2016. Pp. 56–86.
5. Toffler A. The Third Wave. M., 2010. 784 p.
6. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N. Y., 1973.
7. Naisbitt J. Megatrends: Ten New Directions Transforming Our Lives. N. Y., 1982. 178 p.
8. Ushakova S. E., ZHarova E. N., Fetisov Yu. V. Analysis of foreign and domestic experience of state regulation of the use of national intellectual capital of the country // Management of Science and Scientometrics. 2016. No. 3 (21). Pp. 78–103.

9. McCarthy I. P., Silvestre B. S., von Nordenflycht A., Breznitz Sh. M. A typology of university research park strategies: What parks do and why it matters // *Journal of Engineering and Technology Management*. 2018. Vol. 47. Pp. 110–122.
10. What is Human Being Management. URL: <https://www.kegcoach.nl/en/home-eng/human-being-management-eng/> (date of access: 11.01.2021)
11. Kadysheva, O. V., Safronova, M. I. World experience in attracting high skilled specialists and its application to the specific features of Russia // *Municipal Academy*. 2016. No. 3. Pp. 120–127.
12. The strategy for development of the Republic of Kazakhstan. URL: https://www.akorda.kz/en/official_documents/strategies_and_programs (date of access: 11.01.2021)
13. State programs. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2649/> (date of access: 11.01.2021)
14. Human Development Report 2019 — Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century. URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf> (date of access: 11.01.2021)
15. The Global Competitiveness Report 2018. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2018> (date of access: 11.01.2021)
16. Science and innovation activity of Kazakhstan // Statistical collection. Nur-Sultan. 2019. P. 44.
17. Science, innovation and the information society. Science and innovation // Federal State Statistics Service of the Russian Federation. URL: <https://www.gks.ru/folder/14477> (date of access: 11.01.2021)
18. Demographic Yearbook of Kazakhstan // Statistical collection. Nur-Sultan. 2019. P. 280.
19. Employment in Kazakhstan // Statistical collection. Nur-Sultan. 2019. P. 248.
20. Population. Labor market, employment and wages // Federal State Statistics Service of the Russian Federation. URL: <https://www.gks.ru/folder/10705> (date of access: 11.01.2021)
21. National collection «Statistics of the education system of the Republic of Kazakhstan» // JSC «Information and Analytical Center». Astana, 2018. 336 p.
22. Analytical report on the implementation of the principles of the Bologna Process in the Republic of Kazakhstan, 2018. Astana, 2018. 64 p.
23. Information about the organization carrying out educational activities on educational programs of higher education — bachelor's programs, specialist programs, master's programs // Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/ru/activity/stat/highed/> (date of access: 11.01.2021)
24. National Science and Technology Parks of Kazakhstan. URL: https://kazakh-tv.kz/ru/view/column/page_70323_national-science-and-technology-parks-of-kazakhstan (date of access: 11.01.2021)
25. Nazarbayev University Technopark. URL: http://nuris.nu.edu.kz/technopark_coworking (date of access: 11.01.2021)
26. Regional Technoparks. URL: <http://medscience.kz/research-environment/innovation-support-infrastructure/технопарки/> (date of access: 11.01.2021)
27. The most efficient technoparks in Russia in 2019 are named. URL: <http://akitrf.ru/news/nazvany-samyeffektivnye-tekhnoparki-rossii-2019-goda/> (date of access: 11.01.2021)
28. Gitel'man L. D., Kozhevnikov M. V. Competence centers — a progressive form of organizing innovative activities // *Journal of Innovations*. 2013. No. 10. Pp. 92–98
29. Shraer A. V., Latypova E. V. Innovative and Competence Clusters: Conceptual Intersection // *Economic systems management*. 2015. No. 8 (80). URL: <http://www.uecs.ru/uecs-80-802015/item/3662-2015-08-22-06-20-16> (date of access: 11.01.2021)
30. Hearn D. R. Education in the Workplace: An Examination of Corporate University Models. 2009. URL: <https://www.newfoundations.com/OrgTheory/Hearn721.html> (date of access: 11.01.2021)

Поступила в редакцию: 11.01.2021.

Принята к печати: 01.02.2021.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ¹

А. Я. Троцкий^{1,2}, А. М. Сергиенко¹, Л. В. Родионова¹, Ю. А. Перекаренкова¹, М. А. Сундеева¹

¹ Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)

² Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье проведен детальный обзор работ зарубежных и российских ученых, посвященных различным аспектам изучения территориально-отраслевой структуры экономики.

Авторы, учитывая имеющиеся наработки, раскрывают научную актуальность темы, заключающуюся в верификации имеющихся концепций движущих сил регионального роста применительно к регионам с индустриальной или индустриально-аграрной экономикой.

Охарактеризована практическая актуальность исследования, которая, по мысли авторов, заключается в выявлении присущих в целом агропромышленным регионам причин их отставания в социально-экономическом развитии.

Впервые поставлен вопрос об изучении территориально-отраслевой структуры и, в частности, одного из ее ключевых элементов — агропромышленных регионов в контексте формирования и развития интеграционных и кооперационных процессов.

В статье рассмотрен важнейший аспект проблемы — влияние интеграции на развитие агропромышленных регионов, возможность последних на равных партнерских основаниях войти в интеграционный союз. Авторы аргументированно раскрывают свою позицию по этому вопросу.

Предложена классификация агропромышленных регионов России по величине интеграционного потенциала. В основу классификации положены два критерия: уровень социально-экономического развития и степень периферийности региона.

В завершении статьи перечислены основные первоочередные направления и задачи перспективного развития рассматриваемой темы.

Ключевые слова: агропромышленные регионы, специализация хозяйства, территориально-отраслевая структура, социально-экономическое развитие, экономическое пространство, интеграционные и кооперационные процессы.

THE STUDY OF THE TERRITORIAL AND SECTORAL STRUCTURE OF THE RUSSIAN ECONOMY IN THE CONTEXT OF INTERREGIONAL INTEGRATION: TO THE FORMULATION OF THE PROBLEM

A. Ya. Trotskovsky^{1,2}, A. M. Sergienko¹, L. V. Rodionova¹, Yu. A. Perekarenkova¹, M. A. Sundeeva¹

¹ Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS (Novosibirsk, Russia)

² Altai State University (Barnaul, Russia)

The article provides a detailed review of the foreign and Russian scientists works devoted to various aspects of the study of the territorial and sectoral structure of the economy.

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири» (0260–2021–0005).

The authors, taking into account the existing developments, reveal the scientific relevance of the topic, which consists in verifying the existing concepts of regional growth driving forces in relation to regions with an industrial or industrial-agrarian economy.

The authors describe the practical relevance of the study, which, according to the authors, consists in identifying the reasons inherent in the agro-industrial regions as a whole for their lag in socio-economic development.

For the first time, the question of studying the territorial and industrial structure and, in particular, one of its key elements-agro — industrial regions in the context of the formation and development of integration and cooperation processes is raised.

The article considers the most important aspect of the problem — the impact of integration on the development of agro-industrial regions, the possibility of the latter to enter the integration union on an equal partnership basis. The authors explain their position on this issue in a reasoned manner.

The article proposes a classification of agro-industrial regions of Russia by the size of the integration potential. The classification is based on two criteria: the level of socio-economic development and the degree of the region periphery.

At the end of the article, the main priority directions and tasks of the long-term development of the topic under consideration are listed.

Keywords: agro-industrial regions, specialization of the economy, territorial and sectoral structure, socio-economic development, economic space, integration and cooperation processes.

Степень изученности проблемы и актуальность исследования. Исследование территориально-отраслевой структуры экономики России и агропромышленных регионов как одного из ключевых ее элементов, бесспорно, может быть отнесено к числу одного из сложившихся направлений научной мысли в регионалистике. В рамках этого направления опубликованы десятки монографий и статей отечественных и зарубежных ученых-регионоведов, накоплен обширный эмпирический материал.

Сформированы основные подходы к типологизации регионов по специализации хозяйства, уровню социально-экономического развития и другим ключевым их характеристикам. Охарактеризованы основные этапы и ключевые процедуры типологизации (формирование признакового пространства, оценка его структуры, построение типологии); определены требования как к системе показателей в целом, так и к каждому отдельному показателю [1].

В «багаже» российской регионалистики имеются десятки типологий по специализации и структуре хозяйства регионов, базирующихся на различ-

ных показателей и использовании разнообразных приемов типологизации².

Достаточно детально российскими географами и экономистами охарактеризованы наиболее типичные черты и признаки периферийного региона, а также основные критерии периферийности — отдаленность³ и слаборазвитость территории [7].

Что же касается зарубежной регионалистики, то наиболее близкими по замыслу исследования являются работы по изучению социально-экономиче-

² В целях систематизации накопленного материала нами был проведен обзор подходов к типологизации регионов по специализации и структуре региональной экономики. Проведенный анализ позволил сделать два вывода. Во-первых, отмечено, что большинство российских типологий по экономической специализации хозяйства носят познавательный, демонстрационный характер и слабо ориентированы на достижение целей региональной политики, предполагающие диагностику проблем развития региона. Во-вторых, установлено, что рассмотренные типологии опираются, как правило, на формализованный анализ статистических данных, с использованием агрегированных показателей, по преимуществу без экспертной оценки (взвешивания) их значимости и учета требований к системе показателей в целом и каждому показателю в отдельности [2].

³ Заметим, что в современных зарубежных исследованиях понимание периферии переосмыслено. Если ранее периферийность территории определялась расстоянием от центра, то современная трактовка этого понятия включает в себя учет экономических, социальных, политических факторов, влияющих на изменение уровня развития территории, и обозначается термином «периферизация» [3]. В их числе: оказание высококвалифицированных услуг [4], информационно-коммуникационные технологии и полицентрическое развитие [5], развитие человеческого капитала [6].

ского положения сельских регионов в бывших социалистических странах.

Развитие сельских регионов, по мнению исследователей, находится под влиянием процессов, характерных для периферии. В связи со сменой плановой системы хозяйствования в странах бывшего социалистического лагеря произошедшие процессы деиндустриализации и реструктуризации сельского хозяйства привели к масштабным потерям рабочих мест. Поскольку предпринимательская активность низка, а инвестиции в основном сосредоточены в городах, многие постсоциалистические сельские регионы характеризуются высоким уровнем безработицы и низким уровнем участия в рабочей силе. Проживающие на этих территориях люди зависят от трансфертов и наличия низкооплачиваемых рабочих мест как одного из основных источников средств к существованию [8–9].

Почему же, учитывая вышесказанное, авторы посчитали целесообразным вновь обратиться к этой теме? Ответ на этот вопрос требует раскрытия, с одной стороны, научной, а с другой, — практической актуальности исследования.

Прежде всего, раскроем вкратце научную актуальность исследования. Мировая и вслед за ней отечественная регионалистика последних двух десятилетий характеризуется заметным сдвигом во взглядах исследователей на движущие силы регионального экономического роста. Обусловлены эти сдвиги, как известно, получившей большое распространение теорией эндогенного роста, поставившей во главу угла не внешние по отношению к региону (экзогенные), а внутренние (эндогенные) детерминанты регионального экономического развития.

Ключевое место среди них занимает формирование экономики знаний, развитие человеческого капитала [6, 10]. Традиционные же факторы развития территорий: транспортная доступность, исторически сложившийся уровень их развития [11], преимущества агломерации [12, с. 188], ресурсная база, расположение, отраслевая специфика экономики и другие признаны несущественными и отошли в качестве детерминант регионального экономического роста на второй план.

В какой мере такой подход применим для объяснения движущих сил развития подавляющего большинства регионов России? На наш взгляд, влияние эндогенных либо экзогенных факторов (не умаляя значимости ни тех, ни других) зависит от конкретной стадии развития общества. Можно предположить, что в постиндустриальном обществе на первый план выходят эндогенные факторы; в обществе, где доминирующей является индустриальная либо аграрно-индустриальная экономика, экзогенные факторы (специализация региональ-

ной экономики, инфраструктура, производственные факторы, центральное расположение, агломерационные эффекты и т. п.) продолжают играть роль ключевых движущих сил регионального роста.

Высказанная гипотеза о зависимости доминирующих факторов роста от стадии общественного развития, конечно, требует верификации. Проверка ее применительно по преимуществу к индустриальной либо индустриально-аграрной экономике регионов России составляет суть научной актуальности исследования.

С другой стороны, исследование имеет четко выраженную практическую направленность. Авторы исследования в течение многих лет занимались изучением основных тенденций социально-экономического развития Алтайского края. Базой для сравнения при этом был условный «среднероссийский» регион, на фоне которого Алтайский край оценивался как среднеразвитый регион России. При этом оставался открытым вопрос — в какой мере особенности социально-экономического развития края детерминированы «местными» факторами, или эти особенности присущи в основном всему типу агропромышленных регионов России. Вопрос имел принципиальный с точки зрения диагностики и поиска путей решения проблем характер: в случае если причины сравнительно низкого социально-экономического развития присущи всему типу агропромышленных регионов, то и решение ключевых проблем их развития должно осуществляться на федеральном уровне.

Получить же четкое и научно обоснованное представление о составе агропромышленных регионов России на основе имеющихся исследований в силу ряда причин нам не представлялось возможным. Прежде всего, в ряде статей, посвященных анализу экономической специализации регионов России, методика исследования не раскрывается, что не дает возможности оценить надежность полученных результатов. Использование результатов ряда других статей по рассматриваемой тематике оказалось также невозможным в силу специфики методических подходов, сформулированных под частные задачи других исследований. Неудивительно, что при сравнении состава агропромышленных регионов России, предполагаемых в различных исследованиях, нами были выявлены существенные различия.

Суть второго направления исследования состоит в анализе сдвигов, происходящих в составе агропромышленных регионов, под влиянием изменений, происходящих в отраслевой структуре экономики России и ее регионов. В отличие от первого направления исследования — выявление круга агропромышленных регионов, динамика их состава изучена, на наш взгляд, гораздо сла-

бее, что свидетельствует об актуальности и этой стороны работы.

Названные обстоятельства побудили авторов к разработке теоретико-методологических подходов к выявлению и оценке сдвигов в составе агропромышленных регионов России, основанных на анализе динамики ее территориально-отраслевой структуре.

Наконец, — и это главное с точки зрения направленности статьи, — актуальность исследования, как научная, так и практическая, продиктована становлением нового (с позиции сложившихся научных интересов авторов) направления исследований — анализе движущих сил и механизмов интеграционных и кооперационных процессов в агропромышленных регионах как особом типе территориальных социально-экономических систем с присущей им специализацией экономики, уровнем и спецификой развития социальной сферы, характером систем расселения и образом жизни населения, обусловленными «унаследованными» особенностями развития.

Агропромышленные регионы: включенность в экономическое пространство страны. Каким образом характеризуются агропромышленные регионы России с позиции связанности их внутрирегионального и возможностей интеграции в межрегиональное экономическое пространство?

Очевидно, что отличительная особенность агропромышленных регионов заключается в относительно высокой связанности внутрирегионального экономического пространства, детерминированной развитием интеграционных процессов в региональном агропромышленном комплексе. Этот аспект функционирования агропромышленных регионов достаточно хорошо изучен — от вопросов формирования интеграционных процессов и кооперативных структур в различных сферах АПК до эффективности их деятельности [13–17].

Значительно слабее изучены кооперационные и интеграционные процессы в агропромышленных регионах, имеющие межрегиональный характер. Центральный вопрос, на наш взгляд, — это влияние интеграции на развитие региона. Высказываемые точки зрения об исключительно позитивном влиянии на развитие агропромышленного региона (выравнивание и рост потенциала [18], обеспечение экономической безопасности [19–20] и др.) вызывают обоснованные сомнения.

Как известно, одним из условий успешной интеграции является примерно равный уровень социально-экономического развития интегрируемых региональных образований. Как обстоит дело в этом отношении с агропромышленными регионами? Для ответа на этот вопрос обратимся к резуль-

татам наших исследований территориально-отраслевой структуры России, позволяющим обрисовать социально-экономический портрет усредненного агропромышленного региона России по сравнению со среднероссийским регионом.

Если ориентироваться на ключевой показатель развития региональной экономики — душевой ВРП, то во всех без исключения агропромышленных регионах он меньше среднероссийского значения. Отмеченная ситуация не изменяется с течением времени: отставание агропромышленных регионов от среднероссийского имело место как в 1996–1998 гг. (в среднегодовом исчислении), так и в 2014–2016 гг.

Проигрывают агропромышленные регионы и в части инвестиционной привлекательности: в 1990 г. инвестиции в основной капитал на душу населения в среднем агропромышленном регионе составляли 80,7% среднероссийского уровня, в 2018 г. — лишь 60,3%.

По сравнению с Россией агропромышленные регионы в целом характеризуются более низкими доходами населения и более высоким уровнем бедности при менее значительных неравенствах [21]. В 2018 г. среднедушевые доходы жителей агропромышленных регионов составляли 74,5% (в 2017 г. — 72,4%) от среднероссийского уровня, ниже на 20% было соотношение с прожиточным минимумом. В 2019 г. бедность охватывала 15,1% жителей агропромышленных регионов против 12,3% в России; коэффициент фондов составлял 11,2 раза, тогда как в стране — 15,4 раза.

Наконец, в целом агропромышленные регионы России характеризуются долговременным сокращением населения, но темпы его сокращения здесь были выше среднероссийских (без учета населения Крыма) [22].

Таким образом, вышеприведенные цифры наглядно демонстрируют более низкий по сравнению с Россией социально-экономический потенциал агропромышленных регионов в целом, что может иметь своим следствием перераспределение в процессе интеграции регионов потоков добавленной стоимости в пользу более сильных в экономическом отношении участников интеграционного процесса¹.

Бесспорно, преодоление пространственной фрагментации, дезинтеграции экономического пространства является одним из центральных направлений повышения эффективности экономики страны и ее регионов [24]. Но «сделать

¹ Этот вывод, на наш взгляд, может быть распространен на интегрируемые территориальные образования любого уровня, вплоть до акторов международной интеграции, что, к сожалению, подтверждает и печальный опыт России [23, с. 64].

пространство фактором функционирования и развития экономики» (по образному выражению акад. В. А. Крюкова) для каждого из регионов России, в частности, агропромышленных в условиях действия закона поляризованного развития, межрегиональной конкуренции, большого числа производителей сельхозпродукции, неэквивалентного обмена продукцией промышленности и сельского хозяйства и т. д., и т. п. — задача, на наш взгляд, со многими неизвестными.

Вторым важнейшим критерием, косвенно отражающим интеграционный потенциал региона, по нашему мнению, является его периферийность. В научной литературе отмечается, что развитие периферийных территорий не имеет больших перспектив в силу «узости» внутреннего рынка, отсутствия достаточного притока капитала, преимущественного использования устаревших технологий и замедленной модернизации. В территориальном разделении труда периферийным территориям с учетом опоры их экономики на природные ресурсы отводится роль поставщика ресурсов для Центра, с одной стороны, и рынка сбыта производимых этим Центром товаров — с другой. Экспорт незначителен и возможности его наращивания невысоки. Рынок труда периферийных территорий характеризуется наличием избыточной и нередко неквалифицированной рабочей силы, низким уровнем заработной платы.

Из сказанного следует, что чем выше периферийность региона, тем меньше уровень его развития, а значит, и возможность на равных партнерских основаниях войти в интеграционный союз. Учитывая это обстоятельство, а также заметную дифференциацию агропромышленных регионов по уровню социально-экономического развития, мы предлагаем на обсуждение их классификацию по интеграционному потенциалу, в основу которого положены два взаимосвязанных критерия — периферийность и уровень социально-экономического развития.

Классификация агропромышленных регионов по величине интеграционного потенциала. Первая подгруппа агропромышленных регионов с наиболее высоким интеграционным потенциалом — полупериферийные регионы с наименьшей степенью периферийности (Воронежская, Орловская, Ростовская, Тамбовская области). Выделенная подгруппа отличается высокой концентрацией населения, значительной внутригрупповой дифференциацией по численности, долговременной убылью населения. Здесь проживает около 40% населения агропромышленных регионов, коэффициент асимметрии (соотношение между максимальным и минимальным значением численности населения регионов, входящих в данную группу) равен 5,7

раза, коэффициент прироста населения за 1990–2018 гг. составил –80,7‰.

Регионы этой группы характеризуются сравнительно высоким (относительно среднегрупповых значений) уровнем экономического развития в сочетании с географически близким положением относительно центра страны. Для них характерен самый высокий уровень среднегруппового ВРП среди всех регионов агропромышленного типа в сочетании с самыми большими темпами его роста в 1996–2017 гг. (104,7% при 103,9 в среднем по агропромышленным регионам). Относительно высокий уровень развития экономики и концентрация населения в этих регионах определяют их лидирующее положение. На долю рассматриваемых регионов приходится 46,6% совокупного ВРП агропромышленных регионов, 48,6% — объема промышленной и 46,1% — сельскохозяйственной продукции; 42,5% — основных фондов; 43,1% — всех инвестиций и 40,3% — объема работ, выполненных по договорам строительного подряда. Регионы с относительно высоким интеграционным потенциалом отличаются сравнительно высокой включенностью в мировые связи: по показателям объемов экспорта/импорта они находятся на первом месте среди регионов агропромышленной ориентации.

Вторая подгруппа по величине интеграционного потенциала — агропромышленные регионы ближней периферии. К ней отнесены территории с относительно низкой степенью периферийности (с учетом установленного экспертами примата критерия экономического развития региона) — Республика Мордовия, Ставропольский край, Брянская и Пензенская области. Их отличительные черты заключаются в следующем: меньший по сравнению с предыдущей подгруппой уровень экономического развития в сочетании с относительно близким и средним расположением к центру страны.

В рассматриваемой подгруппе сосредоточено примерно 30% населения агропромышленных регионов. По сравнению с первой подгруппой эти регионы отличаются большей однородностью по численности населения (коэффициент асимметрии здесь составляет 2,3 раза) и меньшей интенсивностью его убыли (коэффициент прироста за весь период равен –48,1‰).

ВРП выше среднегрупповых значений, но по сравнению с подгруппой регионов с относительно высоким интеграционным потенциалом — ниже в 1,8 раза. Ниже и среднегодовые темпы роста ВРП в 1996–2017 гг., соответственно, 104,7 и 104,0%. По показателям вклада в экономику России анализируемая подгруппа регионов уступает только агропромышленным регионам с относительно высоким интеграционным потенциалом:

доля в ВРП агропромышленных регионов — 26,5%, сельского хозяйства — 29,2%, инвестиций в основной капитал — 28,1%, основных фондах в экономике — 29,6%, объемах работ, выполненных по договорам строительного подряда, — 22,3%. По включенности в мировую экономику регионы этой группы находятся также на втором месте после регионов с относительно высоким интеграционным потенциалом.

Третья подгруппа агропромышленных регионов по интеграционному потенциалу — регионы, интеграционный потенциал которых может быть условно охарактеризован как «средний» (Республики Адыгея, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чувашия и Псковская область). Характерные черты этих регионов: сравнительно низкий уровень экономического развития в сочетании с относительно близким и средним расстоянием до центра страны.

По основным демографическим характеристикам эта подгруппа близка к предыдущей (коэффициент асимметрии равен 2,7 раза, коэффициент прироста населения в рассматриваемые годы составил -44,3‰). Ее специфика заключается в меньшей численности и доле в населении агропромышленных регионов (16%), а также во вхождении в состав данной группы трех Северо-Кавказских республик с приростом населения. Однако на общегрупповых показателях динамики численности это отразилось слабо.

Средний по подгруппе объем ВРП значительно меньше аналогичного показателя в двух предыдущих подгруппах: в 4,6 и 2,6 раза соответственно. Несколько ниже среднегрупповых и темпы роста ВРП в 1996–2017 гг. — 103,3% при 103,9% среднегрупповых. Доля ВРП в совокупном ВРП агропромышленных регионов составляет 12,6%, основных фондах в экономике — 13,0, объеме промышленной и сельскохозяйственной продукции — 12,1 и 12,0 соответственно, инвестициях в основной капитал — 11,1, объемах работ, выполненных по договорам строительного подряда — 15,4%. Регионы со средним интеграционным потенциалом характеризуются самым низким объемом экспорта в расчете на один регион и средним по размеру объема импорта.

Четвертая подгруппа — с наименьшим интеграционным потенциалом. Это территории с высокой степенью периферийности. Относительно низкий уровень развития их экономик усугубляется высокой удаленностью от центра страны (Республика Тыва, Алтайский край). Основные характеристики социально-экономического развития подгруппы предопределены в главном показателями развития Алтайского края. В подгруппе проживает в три раза меньше населения, чем в регионах с от-

носительно высоким интеграционным потенциалом. Эта подгруппа самая неоднородная по численности населения (коэффициент асимметрии — 7,2 раза) и отличается более высокой скоростью его сокращения (коэффициент прироста за анализируемый период равен -103,9‰).

Демографические характеристики группы определяются, главным образом, состоянием и движением населения Алтайского края — его доля в общегрупповом показателе численности превышает 87%. В рассматриваемых регионах в сравнении с регионами со сравнительно высоким интеграционным потенциалом доходы населения меньше почти на четверть (23,2% в 2017 г.), их отношение с прожиточным минимумом — более чем на треть (36,5%).

Средние значения ВРП в регионах с наименьшим интеграционным потенциалом выше, чем в регионах третьей подгруппы, благодаря вкладу Алтайского края, однако темпы роста ВРП в 1996–2017 гг. заметно ниже среднегрупповых (102,5 и 103,9% соответственно). В силу малочисленности анализируемых регионов их вклад в экономику страны незначителен: доля подгруппы в совокупном ВРП агропромышленных регионов составляет 12,6%, в объеме промышленной продукции — 12,1%, сельскохозяйственной продукции — 12,0%, в основных фондах агропромышленных регионов — 13%. Регионы отличает сравнительно низкая инвестиционная привлекательность и невысокий душевой объем совокупных работ, выполненных по договорам строительного подряда. Для регионов, входящих в эту группу, характерен сравнительно большой объем экспорта и самый низкий (по совокупности анализируемых подгрупп) объем импортируемых товаров в расчете на один регион.

Выводы. В настоящей статье была сделана попытка в постановочной форме раскрыть проблемы, обусловленные возможным негативным влиянием интеграции и кооперации хозяйствующих субъектов на региональный экономический рост агропромышленных регионов, а также охарактеризовать особенности их социально-экономического развития как детерминанту интеграционных процессов.

Начальный этап исследования движущих сил и механизмов развития интеграционных и кооперационных процессов, на котором находятся сегодня авторы статьи, предопределил дискуссионность изложенных в ней проблем. Общая ситуация, характерная для сегодняшнего этапа исследования, оценивается нами как «вопросов больше, чем ответов».

Прежде всего, необходимо до конца отработать понятийный аппарат исследования, определиться с его теоретико-методологической базой, в качестве которой возможно использование теории межрегиональных экономических взаимодействий.

Среди первоочередных задач постановки темы необходимо также:

- определиться, что будет рассматриваться в качестве объекта исследования — институциональная либо частнокорпоративная интеграция;
- установить пространственно-временные рамки исследования;

— раскрыть виды межрегионального сотрудничества (инвестиционное, подрядное и др.), а также его формы (концессионная, на компенсационной основе, вывоз капитала) и т. д.
По мере накопления и осмысления теоретического и эмпирического материала авторы будут знакомить читателей журнала с результатами исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Троцковский А. Я., Перекаренко Ю. А. Типологический анализ многомерных социально-экономических объектов: основные этапы и характеристика ключевых процедур // I Ростовские чтения «Современные вызовы региональному социуму: конфликтность и потенциал стабильности»: сборник материалов Международной научно-практической конференции. г. Барнаул, 18–19 мая 2018 г. / под ред. В. В. Нагайцева. Барнаул, 2018. С. 25–29.
2. Троцковский А. Я., Родионова Л. В. Региональные типологии по специализации и структуре хозяйства: обзор подходов // Управление современной организацией: опыт, проблемы и перспективы. 2018. № 9. С. 25–31.
3. Kuhn M. Peripheralization: Theoretical Concepts Explaining Socio-Spatial Inequalities // *European Planning Studies*. 2015. Vol. 23, issue 2. Pp. 367–378. DOI: 10.1080/09654313.2013.862518.
4. Crone M. Re-thinking «peripherality» in the context of a knowledge-intensive, service-dominated economy // *Regional Development in Northern Europe: Peripherality, Marginality and Border Issues*; edited by M. Danson & P. De Souza. London and New York, 2012. Pp. 49–64. DOI: 10.4324/9780203127247.
5. Copus A. K. From core-periphery to polycentric development: Concepts of spatial and aspatial peripherality // *European Planning Studies*. 2001. Vol. 9, issue 4. Pp. 539–552. DOI: 10.1080/09654310123647.
6. Herrschel T. Regionalisation and marginalisation. Briding old and new divisions in regional governance // *Regional Development in Northern Europe: Peripherality, Marginality and Border Issues*; edited by M. Danson & P. De Souza. London and New York, 2012. Pp. 30–48. DOI: 10.4324/9780203127247.
7. Троцковский А. Я. Периферийные регионы как элементы центропериферийной структуры экономики России: понятие, критерии выделения, классификация // *Финансовая экономика*. 2018. № 7. С. 2249–2251.
8. Leibert T. The Peripheralization of Rural Areas in Post-Socialist Central Europe: A Case of Fragmenting Development? Lessons from Rural Hungary // *Peripherality. The Making of Spatial Dependences and Social Injustice*; edited by A. Fischer-Tahir, M. Naumann. Wiesbaden, 2013. Pp. 101–120. DOI: 10.1007/978-3-531-19018-1.
9. Smith A., Timar J. Uneven Transformations: Space, Economy and Society 20 Years After the Collapse of State Socialism // *European Urban and Regional Studies*. 2010. Vol. 17, issue 2. Pp. 115–125. DOI: 10.1177/0969776409358245.
10. Lang T. Shrinkage, metropolization and peripheralization in East Germany // *European Planning Studies*. 2012. Vol. 20, issue 10. Pp. 1747–1754. DOI: 10.1080/09654313.2012.713336.
11. Krugman P. *Geography and Trade*. Cambridge, 1991.
12. Lasuén J. R. Urbanisation and development. The temporal interaction between geographical and sectoral clusters // *Urban Studies*. 1973. No. 10 (2). Pp. 163–188.
13. Сердобинцев Д. В., Лысова Т. А., Алешина Е. А. Формирование механизма кооперационных процессов в агропромышленном комплексе регионов // *Фундаментальные исследования*. 2016. № 10. С. 201–206.
14. Развитие интеграционных процессов в агропромышленном комплексе региона: монография. Саратов, 2017. 184 с.
15. Кочеткова С. А. Теоретические аспекты формирования интегрированных структур в агропромышленном комплексе // *Фундаментальные исследования*. 2018. № 2. С. 123–127.
16. Советов П. М. Агропромышленная интеграция: концепции, механизмы, эффективность. Апатиты, 2007. 117 с.
17. Воробьев С. П., Троцковский А. Я., Воробьева В. В. Интегрированные агропромышленные формирования как опора аграрной экономики Алтайского края: сформированы ли предпосылки? // *Экономика Профессия Бизнес*. 2019. № 2. С. 21–26. DOI: 10.14258/epb201915.

18. Бородин В., Гагарина Г. Экономическая интеграция регионов как механизм выравнивания и роста их потенциалов // *Федерализм*. 2020. №2. С. 76–91. DOI: 10.21686/2073-1051-2020-2-76-91.
19. Санникова И. Н., Рудакова Т. А., Кожевина О. В., Бутакова М. М., Соколова О. Н., Юдинцев А. Ю., Трошкина Г. Н., Межов С. И., Дубина И. Н., Махотина А. Р. Условия расширения и оценка уровня региональной интеграции в целях обеспечения экономической безопасности (на материалах Сибирского федерального округа): монография / под ред. И. Н. Санниковой. Барнаул, 2020. 246 с.
20. Мищенко В. В., Ютяева О. Н. Экономическая безопасность агропромышленных регионов Сибири в условиях интеграции в мировое хозяйство (Алтайский край, Новосибирская, Омская области) // *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. 2008. №5 (43). С. 63–68.
21. Сергиенко А. М. Агропромышленные регионы: динамика доходов населения, неравенства и бедности // *Экономика Профессия Бизнес*. 2020. №4. С. 108–117. DOI: 10.14258/epb2019107.
22. Родионова Л. В. Демографические ограничения устойчивого развития агропромышленных регионов // *Экономика Профессия Бизнес*. 2020. №1. С. 89–94. DOI: 10.14258/epb201964.
23. Бочаров С. Н. и др. Цепочки создания добавленной стоимости в экономике Алтайского края: теоретические и прикладные аспекты: препринт / под ред. С. Н. Бочарова, В. И. Беляева, Р. А. Самсонова и др. Барнаул, 2018. 136 с.
24. Крюков В. А. Дороги / пути реинтеграции // *ЭКО*. 2018. №6. С. 4–6. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-6-4-6.

REFERENCES

1. Trotskovsky A. Ya., Perekarenkova Yu. A. Typological analysis of multidimensional socio-economic objects: the main stages and characteristics of key procedures // *I Rastovsky readings «Modern challenges to regional society: conflict and the potential for stability»*: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Barnaul, May 18–19, 2018 / ed. by V. V. Nagaytsev. Barnaul, 2018. Pp. 25–29.
2. Trotskovsky A. Ya., Rodionova L. V. Regional typologies on specialization and structure of the economy: a review of approaches // *Management of a modern organization: experience, problems and prospects*. 2018. №9. Pp. 25–31.
3. Kuhn M. Peripheralization: Theoretical Concepts Explaining Socio-Spatial Inequalities // *European Planning Studies*. 2015. Vol. 23, issue 2. Pp. 367–378. DOI: 10.1080/09654313.2013.862518.
4. Crone M. Re-thinking «peripherality» in the context of a knowledge-intensive, service-dominated economy // *Regional Development in Northern Europe: Peripherality, Marginality and Border Issues*; edited by M. Danson & P. De Souza. London and New York, 2012. Pp. 49–64. DOI: 10.4324/9780203127247.
5. Copus A. K. From core-periphery to polycentric development: Concepts of spatial and aspatial peripherality // *European Planning Studies*. 2001. Vol. 9, issue 4. Pp. 539–552. DOI: 10.1080/09654310123647.
6. Herrschel T. Regionalisation and marginalisation. Briding old and new divisions in regional governance // *Regional Development in Northern Europe: Peripherality, Marginality and Border Issues*; edited by M. Danson & P. De Souza. London and New York, 2012. Pp. 30–48. DOI: 10.4324/9780203127247.
7. Trotskovsky A. Ya. Peripheral regions as elements of the Central-peripheral structure of the Russian economy: concept, selection criteria, classification // *Financial Economics*. 2018. №7. Pp. 2249–2251.
8. Leibert T. The Peripheralization of Rural Areas in Post-Socialist Central Europe: A Case of Fragmenting Development? Lessons from Rural Hungary // *Peripherality. The Making of Spatial Dependences and Social Injustice*; edited by A. Fischer-Tahir, M. Naumann. Wiesbaden, 2013. Pp. 101–120. DOI: 10.1007/978-3-531-19018-1.
9. Smith A., Timar J. Uneven Transformations: Space, Economy and Society 20 Years After the Collapse of State Socialism // *European Urban and Regional Studies*. 2010. Vol. 17, issue 2. Pp. 115–125. DOI: 10.1177/0969776409358245.
10. Lang T. Shrinkage, metropolization and peripheralization in East Germany // *European Planning Studies*. 2012. Vol. 20, issue 10. Pp. 1747–1754. DOI: 10.1080/09654313.2012.713336.
11. Krugman P. *Geography and Trade*. Cambridge, 1991.
12. Lasuén J. R. Urbanisation and development. The temporal interaction between geographical and sectoral clusters // *Urban Studies*. 1973. №10 (2). Pp. 163–188.
13. Serdobintsev D. V., Lysova T. A., Aleshina E. A. Formation of the mechanism of cooperative processes in the agro-industrial complex of regions // *Fundamental Research*. 2016. №10. Pp. 201–206.

14. Development of integration processes in the agro-industrial complex of the region: monograph. Saratov, 2017. 184 p.
15. Kochetkova S. A. Theoretical aspects of the formation of integrated structures in the agro-industrial complex // *Fundamental Research*. 2018. № 2. Pp. 123–127.
16. Sovetov P. M. Agroindustrial integration: concepts, mechanisms, efficiency. Apatity, 2007. 117 p.
17. Vorobyov S. P., Trotskovsky A. Ya., Vorobyova V. V. Integrated agro-industrial formations as a support of the agrarian economy of the Altai Territory: are the prerequisites formed? // *Economics Profession Business*. 2019. № 2. Pp. 21–26. DOI: 10.14258/epb201915.
18. Borodin V., Gagarina G. Economic integration of regions as a mechanism of equalization and growth of their potentials // *Federalizm*. 2020. № 2. Pp. 76–91. DOI: 10.21686/2073–1051–2020–2–76–91.
19. Sannikova I. N., Rudakova T. A., Kozhevina O. V., Butakova M. M., Sokolova O. N., Yuditsev A. Yu., Troshkina G. N., Mezhev S. I., Dubina I. N., Makhotina A. R. Conditions for expansion and assessment of the level of regional integration in order to ensure economic security (based on the materials of the Siberian Federal District): monograph / edited by I. N. Sannikova. Barnaul, 2020. 246 p.
20. Mishchenko V. V., Yutyaeva O. N. Economic security of agro-industrial regions of Siberia in the conditions of integration into the world economy (Altai Krai, Novosibirsk, Omsk regions) // *Bulletin of the Altai State Agrarian University*. 2008. № 5 (43). Pp. 63–68.
21. Sergienko A. M. Agroindustrial regions: dynamics of population income, inequality and poverty // *Economics Profession Business*. 2020. № 4. Pp. 108–117. DOI: 10.14258/epb2019107.
22. Rodionova L. V. Demographic constraints of sustainable development of agro-industrial regions // *Economics Profession Business*. 2020. № 1. Pp. 89–94. DOI: 10.14258/epb201964.
23. Bocharov S. N. et al. Value-added chains in the economy of the Altai Territory: theoretical and applied aspects: preprint / edited by S. N. Bocharov, V. I. Belyaev, R. A. Samsonov et al. Barnaul, 2018. 136 p.
24. Kryukov V. A. The ways of reintegration // *ECO*. 2018. № 6. Pp. 4–6. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2018–6–4–6.

Поступила в редакцию: 08.02.2021.

Принята к печати: 24.02.2021.

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ ПРИМЕНЕНИЯ РЕСУРСНОГО ПОДХОДА К УПРАВЛЕНИЮ ТВЕРДЫМИ КОММУНАЛЬНЫМИ ОТХОДАМИ (НА МАТЕРИАЛАХ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

О. В. Усикова^{1,2}, Н. В. Петрова^{1,2}, А. В. Федорова¹

¹Сибирский государственный университет геосистем и технологий (Новосибирск, Россия)

²Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия)

Возрастающее с каждым годом ресурсопотребление, обусловленное ростом численности населения Земли и динамичным развитием промышленного производства, привело к увеличению объемов образующихся отходов, что в свою очередь обусловило сокращение площадей, пригодных для захоронения, и породило проблему эффективной утилизации и переработки отходов. В сложившейся ситуации обществу необходимо направить свое развитие в более безопасное русло с экологической точки зрения и пересмотреть существующие модели производства и потребления. Твердые коммунальные отходы в решении этой проблемы могут стать основным звеном в цепи взаимосвязанных факторов, которое нужно рассматривать совместно с другими глобальными проблемами, такими как рациональное использование природных ресурсов, так как они представляют собой богатый источник вторичных ресурсов, «бесплатный» энергоноситель, по причине того, что мусор — возобновляемое углеродосодержащее сырье. Однако такой ресурсный материал используют самым неэффективным способом — подвергают захоронению, что создает дополнительные затраты на очистку территорий, загрязненных отходами. В этой связи в статье предлагается апробация на конкретном хозяйствующем субъекте, а именно на примере Новосибирской области, ресурсного подхода в управлении отходами. В частности, авторами рассматриваются существующие объемы твердых коммунальных отходов в области, характерные проблемы и возможности решения их посредством использования ресурсного подхода.

Ключевые слова: твердые коммунальные отходы, ресурсный подход, Новосибирская область, ресурсный потенциал, рециклинг.

ASSESSMENT OF THE PROSPECTS FOR APPLYING THE RESOURCE APPROACH TO SOLID MUNICIPAL WASTE MANAGEMENT (ON THE MATERIALS OF THE NOVOSIBIRSK REGION)

O. V. Usikova^{1,2}, N. V. Petrova^{1,2}, A. V. Fedorova¹

¹Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russia)

²Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

The ever-growing consumption of resources due to global population growth and dynamic development of industrial production led to the increase in the volume of waste generated, which in turn led to the reduction of areas suitable for disposal, and gave rise to the problem of efficient disposal and recycling of waste. In this situation, society needs to direct its development in a more environmentally safe direction and review existing production and consumption models. Solid municipal waste can become the main link in the chain of interrelated factors that need to be considered together with other global problems, such as the rational use of natural resources, since it is a rich source of secondary resources, a “free” energy carrier, due to the fact that garbage is a renewable carbon-containing raw material. However, such resource material is used in the most inefficient way — it is buried, which creates additional costs for cleaning up areas contaminated with waste. In this regard, the article proposes to test the resource approach in waste Management on a specific economic entity, namely, on the example of the Novosibirsk region. In particular, the authors consider the existing volumes of solid household waste in the region, typical problems, and opportunities to solve them using the resource approach.

Keywords: municipal solid waste, the resource-based approach, the Novosibirsk region, resource potential, recycling.

Введение. Переход к рыночной экономике и все сопутствующие процессы глобализации привели к росту темпов образования отходов производства и потребления. Проблематика образования твердых коммунальных отходов (далее — ТКО) способствует дальнейшему отчуждению все большего количества земельных ресурсов. В настоящее время площадь земельных участков отведенных под складирование отходов составляет около 4 млн га, которая ежегодно увеличивается еще на 400 тыс. га земли. На этих территориях безвозвратно теряются тонны ценных видов сырья и материалов, ежегодно до 15 млн тонн, что составляет около 40% от общего объема ТКО [1, с. 13]. Отсутствие заинтересованности органов власти в создании отлаженной системы по переработке отходов, а также выборе наиболее эффективных подходов к управлению ТКО приводит к огромным экономическим потерям, которые по оценкам экспертов составляют более 60 млрд рублей упущенной выгоды. Кроме того, в некоторых видах экономической деятельности ТКО возможно использовать в качестве альтернативных источников энергии [1, с. 8].

Предпринимаемые попытки модернизации системы обращения ТКО практически не решают имеющиеся проблемы в силу отсутствия общих подходов к управлению отходами на уровне государства в целом, при этом существуют разрозненные подходы, разрабатываемые отдельными субъектами, поэтому можно сказать о наличии формальности при разработке программ по систематизации механизма обращения с отходами. При этом на мировом уровне отмечается потенциал России в создании новых подходов в управлении ТКО. Однако также существует проблема обширности территории, действующих подходов, возможностей их реализации и децентрализованной сферы разграничения полномочий органов власти. В этой связи в исследовании рассматривается отдельный субъект РФ (Новосибирская область) и его перспективы на пути модернизации сферы обращения ТКО.

Образование ТКО в Новосибирской области (далее-НСО) в 2010 г. составило около 2,071 млн тонн, из них 1,375 млн тонн было захоронено. А в 2018 г. уже было образовано 120,019 млн тонн, и захоронено 129,991 млн тонн. При этом общая доля обезвреживания отходов за рассматриваемый период не превышает 10% от всех образованных [2]. Согласно постановлению правительства Новосибирской области № 292-п, утвердившему терри-

ториальную схему обращения с отходами для нашего региона, влияние на действующую систему обращения с ТКО оказывают следующие факторы:

- неравномерность заселения территории;
- тенденция к сокращению сельского населения;
- неравномерность развитости инфраструктуры;
- различный уровень транспортной доступности [2].

Существующая система обращения с отходами ведет к нарушению ландшафтов, истощению и утрате земельных ресурсов, загрязнению окружающего воздуха и грунтовых вод, что негативно отражается на условиях жизни и деятельности населения, не согласуется с принципами устойчивого развития экономики и как следствие требует модернизации. В качестве решения вышеобозначенных проблем, связанных с эффективной утилизацией и переработкой ТКО предлагается переход на ресурсный подход в управлении ТКО, которой уже рассматривался авторами ранее [3].

Современное состояние объектов размещения отходов на территории Новосибирской области. Для совершенствования системы обращения с отходами производства и потребления в городских округах и муниципальных районах НСО, а также снижения их воздействия на окружающую среду в 2015 г. была принята государственная программа, утвержденная постановлением № 10-п [4], в соответствии с которой установлено несколько приоритетных задач на 2019–2021 гг., среди них:

— внедрение технологий глубокой обработки ТКО на территории Новосибирской области. Для этого к 2019 г. было запланировано строительство одного мусороперерабатывающего предприятия для города Новосибирска и Новосибирской агломерации с потенциально возможной мощностью 400 тыс. тонн отходов в год. Фактически завод не был построен по причине приостановки действия концессионного соглашения, в связи с которым планируется замена земельного участка под строительство;

— совершенствование системы управления в сфере обращения с отходами (сбор, накопление, транспортирование, обработка, утилизация, обезвреживание и размещение), образующимися в Новосибирской области. Для решения этой задачи к 2021 г. запланировано 100% обеспечения области услугами регионального оператора по обращению с ТКО;

— создание условий для легитимного размещения твердых коммунальных отходов на территории Новосибирской области. Для этого запланировано приведение 15 полигонов ТКО к установленным требованиям, из них: 2019 г. — 2 объекта: реконструкция полигонов в с. Северное и г. Карасуке; 2020 г. — 3 объекта: реконструкция ТКО в с. Завьялово, с. Северное и с. Баган; 2021 г. — 3 объекта: строительство полигонов в с. Баган, г. Болотное, Совхозный с/с (Маяк) [4].

Из-за сложностей, возникающих в работе с региональными операторами, в некоторых населенных пунктах возникают перебои со сбором и вывозом ТКО, в связи с чем образуются стихийные несанкционированные свалки [5, с. 177–179].

На территории НСО имеется 14 объектов размещения, включенных в государственный реестр объектов размещения отходов (далее — ГРОРО). Остальные места, которые используются для размещения отходов, требуют приведения их в соответствие с экологическими и санитарно-гигиеническими требованиями или рекультивации [6]. При этом по данным государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды Новосибирской области в 2019 году» ТКО размещались на 21 объекте.

Приоритетными направлениями для развития системы обращения с ТКО являются:

- максимальное использование отходов в качестве вторичных материальных ресурсов;
- сокращение объема образования ТКО;

— модернизация и дооснащение, строительство и реконструкция объектов по обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению отходов, обновление транспортного парка [6].

По данным федерального статистического учета, предоставляемыми хозяйствующими субъектами в отчете по форме 2-ТП (отходы) был рассмотрен баланс количественных характеристик образования, утилизации, обезвреживания и размещения отходов за период с 2015 по 2018 г., по которому можно сделать следующие выводы:

- количество образовавшихся отходов выросло в 4 раза;
- количество утилизированных (использованных) отходов снизилось с 2673,9 тыс. т. в 2015 г. до 2296,6 тыс. тонн в 2018 г.;
- сохраняется тенденция захоронения образующихся отходов [2].

Также отметим, что региональный оператор отчитался информацией о том, что в 2019 г. обработано 31,8 тыс. тонн отходов, размещено на полигонах 911,4 тыс. тонн отходов¹.

Поскольку система управления отходами на территории НСО базируется на захоронении, рассмотрим основные характеристики полигонов захоронения ТКО в г. Новосибирске, приведенные в таблице 1.

¹ О состоянии и об охране окружающей среды Новосибирской области в 2019 году. Новосибирск, 2020. 159 с.

Таблица 1

Характеристики полигонов, осуществляющих прием ТКО на территории г. Новосибирска

Характеристики	Наименование полигона ТКО			
	Гусинобродский	Левобережный	НовосибВторРесурс	ФГУП «ЖКХ Новосибирского научного центра СО РАН»
Включение в ГРОРО	Не включен	Не включен	Не включен	Включен в 2014 г. Номер ОРО: 54-00002-3-00479-010814
Наличие лицензии	Отсутствует. Имеется только лицензия на сбор и транспортировку 1 и 4 класса опасности отходов (Лицензия № 054 00173 от 10 мая 2016 года)	Отсутствует. Имеется только лицензия на сбор и транспортировку 1 и 4 класса опасности отходов (Лицензия № 054 00173 от 10 мая 2016 года).	Отсутствует. Имеется только лицензия на сбор и транспортировку 4 класса опасности отходов (Лицензия № (54) — 997-СТ от 08 августа 2016 г.)	Имеется лицензия по обработке, обезвреживанию, захоронению ТКО
Площадь земельного участка, га	48,8	9,3	3,22	4,2
Используемая площадь, га	40,0	4,96	3,19	4,2
Мощность, тыс. м ² в год	2000,0	483,8	240,0	140,0
Емкость, тыс. м ³	107776,1	9011,6	2800,0	3585,0
Объем принятых отходов, тыс. м ³	44296,0	5407,0	1685,0	3500,0

Согласно действующему экологическому законодательству, полигоны должны иметь лицензию, следовательно, большая часть полигонов города Новосибирска, представленных в таблице 1, являются свалками.

В 100 километрах от Новосибирска (в р. п. Коченево) расположен мусоросжигательный завод, предназначенный для утилизации особо опасных отходов, на котором ежедневно сжигается 8 тонн мусора без производства энергии. Для сжигания образуемых отходов в области необходимо как минимум 5 таких заводов. В 2006 г. в городе Новосибирске был открыт «Мусороперерабатывающий завод № 2». По факту это было не предприятие по переработке ТКО, а станция по сортировке и глубокому прессованию оставшихся «хвостов» и вторичного сырья. Планируемая производительность данного завода составляла 400 тыс. кубометров в год, но этот показатель ни разу не был достигнут. Из-за низкой рентабельности в 2012 г. начался процесс банкротства завода.

В 2018 г. в Новосибирске организацией ООО «Демеркуризация» был открыт цех утилизации отработанных батареек, являющийся единственным предприятием такого рода за Уралом¹.

Согласно представленной информации, на территории Новосибирской области отмечается ежегодный рост объемов ТКО. Образующие отходы подлежат захоронению на полигонах (отходы г. Новосибирска и ближайших к нему населенных пунктов), отходы в отдаленных от города административных единицах обычно размещаются на свалках. Большинство действующих полигонов не соответствуют установленным законодательным требованиям. Мусоропереработка и мусоросжигание не работает в полную мощность по причине отсутствия инвестиций и поддержки со стороны государства. Исходя из наличия таких особенностей, ресурсный подход к управлению ТКО в Новосибирской области должен базироваться на следующих принципах:

- снижение экологического ущерба от захоронения отходов;
- уменьшение площади отчуждаемых земель;
- постепенный уход от метода складирования отходов в регионе.

В конечном итоге предлагаемый ресурсный подход в сфере управления ТКО должен привести к достижению баланса между энергетическими и экономическими затратами на производство продукции, по сравнению с производством первичной продукции.

Возможности применения ресурсного подхода к управлению твердыми коммунальными отходами. Приказом департамента по тарифам Новосибирской области от 20.10.2017 № 342-ЖКХ утверждены нормативы накопления твердых коммунальных отходов, в том числе в отношении домовладений, на территории Новосибирской области, в соответствии с которым для многоквартирных и индивидуальных жилых домов на 1 проживающего объем отходов составляет 2,38 м³/год, а масса отходов — 392,95 кг/год [7]. Расчетный годовой объем твердых коммунальных отходов по всем группам потребителей в Новосибирской области составляет 9748,46 тыс. м³.

Оценим экономический эффект от мусоросжигания методом высокотемпературного пиролиза, к примеру, 2% твердых коммунальных отходов, которые поступили на захоронение в 2018 г. на полигон. Согласно нормативам образования, общий объем отходов в год составляет 3838542,5 м³ для населения 1,6 млн человек. Плотность мусора без прессовки примерно равна 100 кг/м³. Тогда масса 2% ТКО равна 7677 тонн. Теплота сгорания ТКО зависит от морфологического состава и, согласно подсчетам, составляет 6,5 МДж/кг³. Тогда 7677 тонн обладают потенциалом производства 5*10⁷ МДж тепла. По данным департамента энергетики, жилищного и коммунального хозяйства, в городе преобладает централизованное теплоснабжение от теплоэлектроцентралей (ТЭЦ) и крупных районных и промышленных котельных суммарной теплопроизводительностью около 19 млн Гкал в год, или 8*10¹⁰ МДж в год. Согласно оценочным подсчетам, образуемые ТКО в Новосибирске способны обеспечить около 10% всего потребляемого топлива в пересчете на среднюю теплоту сгорания ТКО и природных ресурсов [8, с. 77–78]. Исходя из тарифов, действовавших на конец 2018 г., стоимость 1 Гкал, или же 4,2 ГДж тепла, составила 1268,58 рублей [7].

Условно стоимость ТКО можно принять равной плате за услуги регионального оператора. Так, в 2018 г. их стоимость составляла 466 руб./м³, что с учетом норматива потребления составило 92,42 рубля с человека в месяц [7]. Это плата включает в себя расходы на транспортировку и захоронение отходов. Тогда сжигаемая масса отходов, исходя из условия, что каждый житель производит равное количество отходов, примерно стоит 2,9 млн рублей. Образованные золошлаковые остатки можно перерабатывать в инертный продукт и продавать для нужд дорожного строительства. Расчеты были бы более полными при условии наличия данных о количестве образуемых отходов и их стоимости. Таким образом, строительство мусоросжигательного завода будет являться финансо-

¹ О состоянии и об охране окружающей среды Новосибирской области в 2018 году. Новосибирск, 2019. 162 с.

во выгодным вложением, как достаточно дешевый производитель энергии, так и действенное решение проблемы утилизации отходов. В мусоросжигании предлагается технология высокотемпературного пиролиза. В случае ранее накопленных объектов негативного воздействия в виде несанкционированных свалок, которые априори являются несортируемыми, как говорилось авторами ранее [3,

с. 91], существует разработка в виде многоструйной горелки с различной подачей газа при диффузионном горении [9, с. 124].

Расходы и доходы от мусоросжигания будут варьироваться в зависимости от мощности установок, применяемых технологий, выделяемого субсидирования. Прогноз перспективы отражен на рисунке 1.

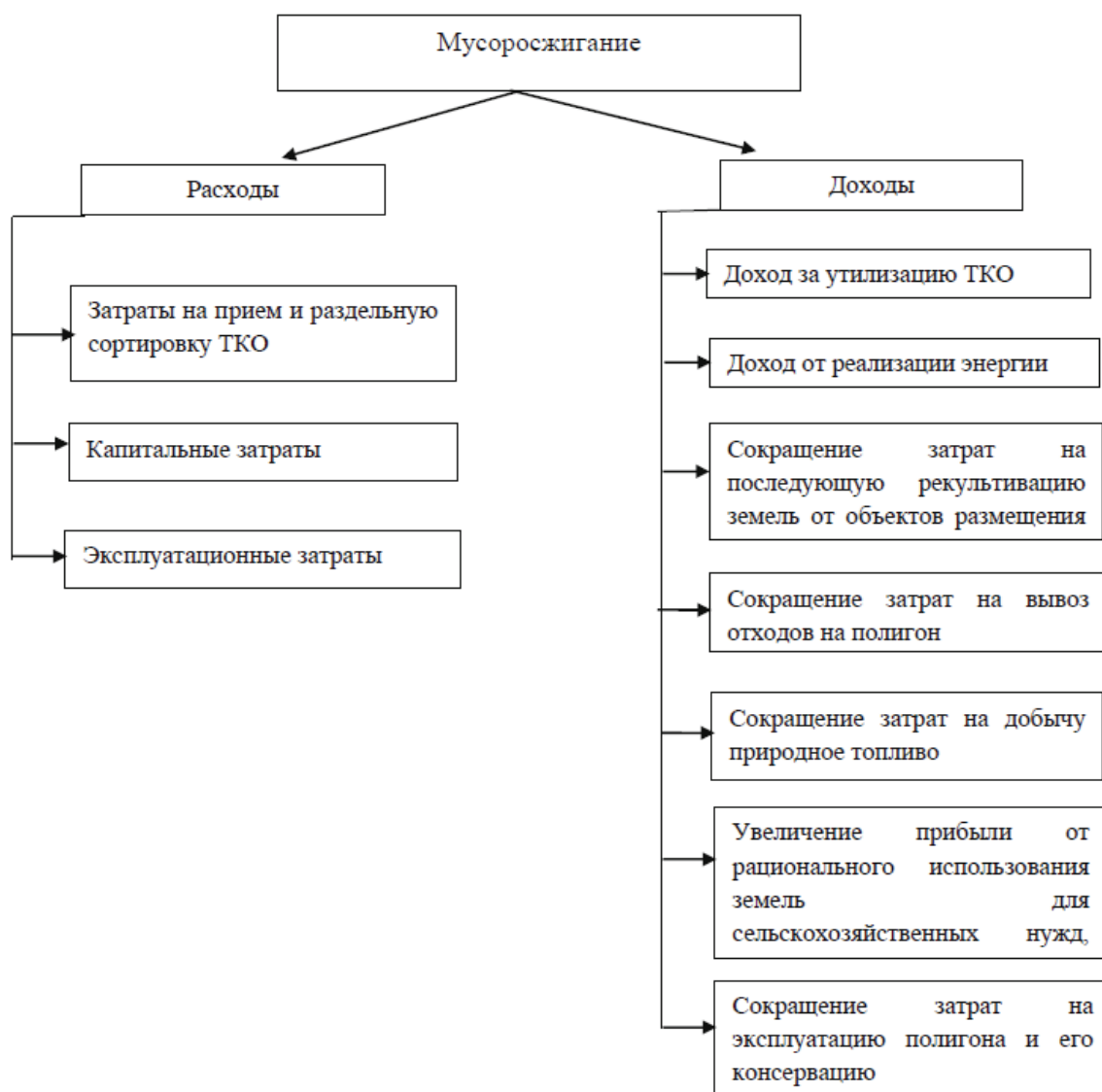

Рис. 1. Предполагаемые расходы и доходы от внедрения мусоросжигания

Если рассматривать переработку отходов в исследуемом регионе, то она представляет собой еще достаточно свободный рынок. Эффективное использование ТКО позволит сэкономить в регионе бюджетные средства, так как по экспертным оценкам продукция, произведенная из вторичного сырья, в среднем дешевле на 40% за счет экономии энергии, воды и первичных ресурсов. Индустрия переработки мусора дает намного меньше выбро-

сов в атмосферу, в водные объекты, чем сжигание. В рамках ресурсного управления ТКО отдельный сбор отходов можно реализовать хотя бы частично, например, вторичное и непригодное для последующего использования сырье. Научно-технические разработки лаборатории физических основ энергетических технологий СО РАН (г. Новосибирска) для решения данной проблемы предлагают роботизированную сортировку с помощью искусственно-

го интеллекта [10]. Для того чтобы система смогла распознавать мусор, разработана библиотека мусора, в которой представлено около 15 тысяч изображений мусора. Разрабатываемая система сортировки сможет различать несколько видов пластика (пригодного вторичного сырья), а дельта-робот заменит человеческий труд в сортировке грязного мусора, который является источником токсических веществ. Такая разработка может стать ключом для достижения экономики замкнутого цикла, увеличить в разы количество вторичного сырья и минимизировать площади земельных ресурсов для захоронения отходов [10].

Сбор отходов в регионах возложен на органы местного самоуправления и муниципалитеты, а именно:

- создание и содержание мест (площадок) накопления твердых коммунальных отходов, за исключением установленных законодательством Российской Федерации случаев, когда такая обязанность лежит на других лицах;
- определение схемы размещения мест (площадок) накопления твердых коммунальных отходов и ведение реестра мест (площадок) накопления твердых коммунальных отходов.

В свою очередь, полномочия по вывозу и захоронению возложены на частный бизнес. В таком случае во вторичной переработке и извлечении выгоды заинтересован частный бизнес, государственные механизмы регулирования и стимулирования отсутствуют. На данном этапе можно сказать, что вторичное использование экономически нерентабельно, так как затраты на отдельную сортировку будут больше, чем выгода от реализации такой продукции. Улучшить ситуацию можно следующими путями:

- дотации в виде тарифов на переработку;
- уменьшение платы за вывоз отсортированного мусора;
- предоставление налоговых каникул предприятиям на определенный срок, в последующем рассмотреть налоговые льготы для них.

Организацию отдельного сбора можно достичь только при взаимодействии государства, населения, малого бизнеса с помощью:

- установки пунктов отдельного сбора вторсырья;
- повышения мотивации населения на отдельную сдачу: стекла, полиэтилена, макулатуры;
- захоронения отходов, которые нецелесообразно использовать во вторичной переработке, на полигонах ТКО, но за наимень-

шую плату. Так как объем их уменьшится за счет того, что часть отходов будут перерабатываться и использоваться вторично.

Для реализации отдельного сбора при внедрении ресурсного подхода целесообразно будет применять дифференцированную плату за вывоз (утилизацию) мусора, зависящую от его количества. Положительный эффект от введения дифференцированной платы состоит в том, что присутствует принцип «справедливости» (кто меньше производит, тот меньше и платит). И к тому же кто подходит к утилизации сбора мусора осознанно, то есть путем разделения компонентов из общей массы отходов, тоже имеет право платить меньше. По данным некоторых исследований, введение дифференцированной платы позволяет сократить объем отходов на 18% [11, с. 450–451].

Помимо сказанного выше, стоит отметить еще одну проблему, характерную для НСО, в частности, для города Новосибирска. В области функционирует 24 высших учебных заведения с филиалами и 76 средних специальных, это более 145 тысяч студентов. В 2020 г. увеличилось образование и накопление медицинских масок по причине распространения новой коронавирусной инфекции COVID-2019. В соответствии с рекомендациями Роспотребнадзора одна медицинская маска должна использоваться не более 3 часов [12]. Проведение в вузах и ссузах лекционных занятий допускается без использования маски для преподавателя, соответственно, обучающиеся должны быть в масках, а также преподаватель при проведении лабораторных и практических занятий. Такая ситуация приводит к значительному накоплению и неорганизованной утилизации медицинских масок, а также образованию сопутствующих проблем. В рамках рекомендаций Роспотребнадзора предлагается установка дополнительных пунктов сбора с полиэтиленовыми пакетами. Прочность полиэтиленовых пакетов не обеспечивает надежной защиты для сбора масок, тем более если маска использовалась зараженным человеком. Однако в рамках ресурсного подхода для сбора масок необходимо предусмотреть специальные контейнеры и систему сбора, которая будет подвергаться обеззараживанию, а не утилизацию масок вместе с ТКО. Повторное использование обеззараженных масок недопустимо, в ресурсном подходе их ресурсный потенциал можно приравнять к нулю. Предотвращение накопления масок в окружающей среде после стадии обеззараживания можно допустить через энергетическую утилизацию уже вместе с ТКО. Внедрение ресурсного подхода в управлении ТКО обусловлено и подготовкой кадров, обладающих соответствующими компетенциями и квалификацией. Это позволит создать новые рабочие

места в рассматриваемом регионе и, соответственно, повысит заинтересованность со стороны органов власти во внедрении предлагаемого управления ТКО. К тому же отметим, что бизнес-структуры, работающие в области переработки ТКО, проявляют на данный момент реальный интерес к таким кадрам.

Исходя из рассмотренной ситуации, для реализации ресурсного подхода в управлении отходами на территории Новосибирской области предлагается следующее:

- разработать схему организации раздельного сбора, схему вывоза со сроками, организовать контроль и установить ответственность за исполнение. Например, органам местного самоуправления провести закупку контейнеров. Контейнеры должны предназначаться для металла, пластика, текстиля, макулатуры, медицинских масок и опасных отходов, которые используются в быту: электроприборы, краски, лаки, термометры. Для организации безопасного обезвреживания данные отходы целесообразнее передавать на промышленные предприятия, они в свою очередь могут извлекать выгоду за транспортировку, обезвреживание отходов и вовлекать их в свой технологический процесс. Плату на сбор и транспортировку можно разделить между населением и промышленными предприятиями;
- для крупногабаритного мусора отвести специальные площадки, в случае если это невозможно, организовать вывоз региональным оператором таких отходов в определенные дни. Предусмотреть программу вовлечения данных отходов в повторное использование можно за счет законов о конкурентной закупке и субсидирования из областного бюджета. При этом плата за вывоз должна осуществляться за счет средств участников закупки и населения;
- установить отдельно контейнеры для остаточных отходов. Это пищевые отходы, которые имеют способность разлагаться. Они непосредственно должны вывозиться на полигоны ТКО. За них платит непосредственно население;
- разработать систему мотивации населения к использованию вторичного сырья;
- в случае если продукцию невыгодно использовать повторно, предусмотреть мусоросжигание. Мотивировать использование такой энергии за счет снижения тарифов и введение упрощенного налогообложения. Систему сбора и финансирование предлагается оставить, как предлагалось выше;
- в Новосибирской области имеются разработки научных институтов, способствующие внедрению ресурсного подхода в управлении ТКО. Например: роботизированная сортировка мусора с помощью искусственного интеллекта, многоструйная горелка с различной подачей газа при диффузионном горении при энергетической утилизации. В этой связи становится актуальным использование научного потенциала региона;
- разработать региональные требования к проектированию, строительству и содержанию полигонов ТКО на территориях муниципальных образований;
- на территориях районов области предусмотреть софинансирование с привлечением средств муниципалитетов, установить понижающие коэффициенты.

Пример разграничения полномочий и направление действий на примере Новосибирской области отражены на рисунке 2.

Мониторинг качества управлением твердыми коммунальными отходами на территории Новосибирской области. Для оценки эффективности разработанного подхода и контроля качества управления отходами на территории Новосибирской области должно предусматриваться информационное управление (например: использование спутниковых систем GPS). Система позволит незамедлительно реагировать на аварийные ситуации, контролировать вывоз и состояние мест накопления отходов. Предлагается устанавливать датчики в машины сбора ТКО для контроля времени вывоза отходов. Предполагается также отслеживать объем вывозимого мусора, это позволит реформировать расчет платы за вывоз в зависимости от реальных объемов образующихся отходов и их видов. Применение такого контроля позволит:

- вести статистику и отчетность, можно будет получать реальные данные по отходам;
- отслеживать движение автотранспорта и качество вывоза отходов;
- оптимизировать маршруты передвижения автотранспортной техники.

В информационном управлении необходимо предусмотреть хранение данных (сроком на 2–3 года) о функционировании транспортной системы, сроках и объемах вывоза ТКО и по запросам органов власти, предпринимателей (инвесторов), граждан выдавать их. В конечном итоге предполагается, что такое информационное управление может позволить снизить затраты на перевозку отходов [11, с. 453]. Примером может служить опыт Финляндии, которая использует одну из наиболее развитых информационных систем управления сбором и транспортировкой ТКО — Traction Control

System (TCS), разработанная финской компанией «Ecomond Ltd». Ее применение на территории страны позволило снизить затраты на перевозку отходов на 10–30% (за счет уменьшения расхода топ-

лива, времени пройденного маршрута, времени стоянок) [13, с. 166]. Главная цель информационного управления — это реализация принципа гражданской доступности и прозрачности.

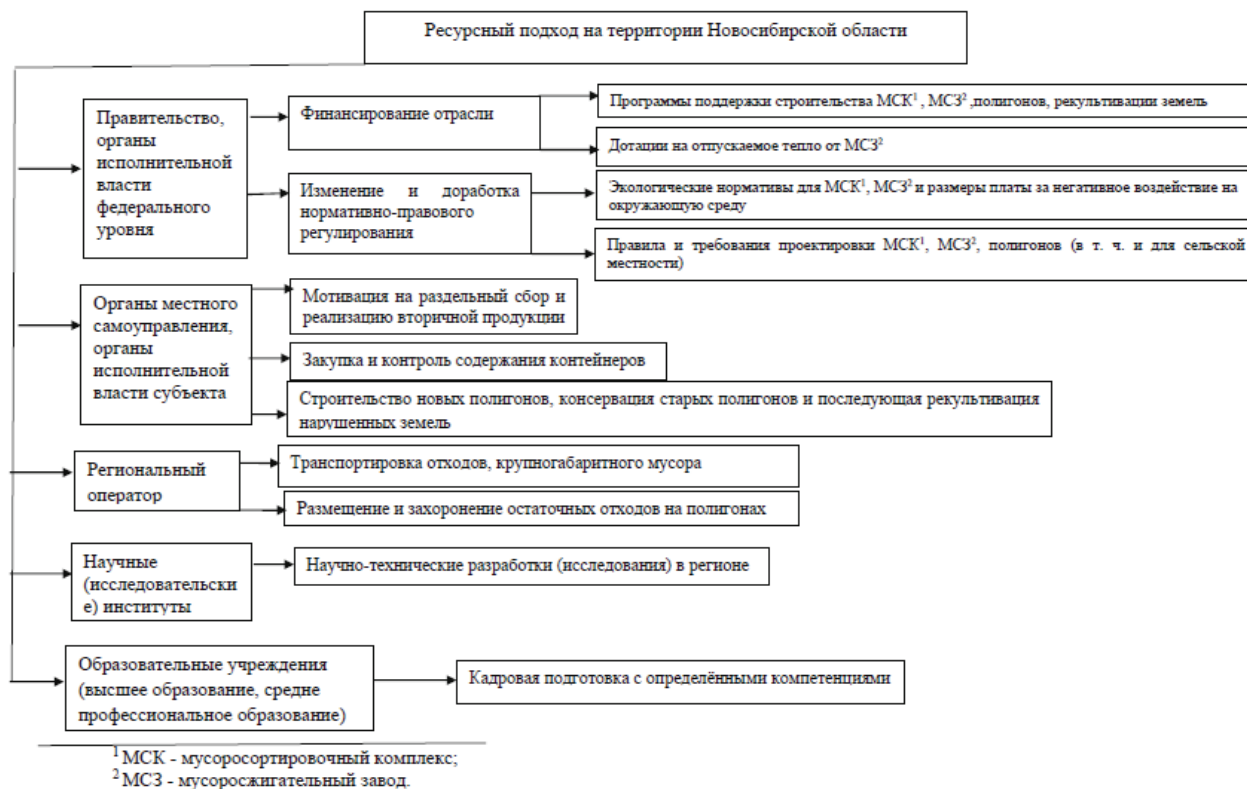

Рис. 2. Механизм реализации ресурсного подхода на территории НСО

Для мониторинга функционирования модернизированной системы управления ТКО в отчетности следует разработать показатели, отражающие:

- интенсивность вовлечения ТКО в дальнейшее использование;
- изменение экологической обстановки в регионе;
- вклад в промышленность региона;
- технологичность переработки;
- создание новых рабочих мест и другое.

Заключение. Наиболее перспективное направление научных и технических разработок, как на уровне страны, так и исследуемого региона, — разработка подходов к управлению твердыми коммунальными отходами. На стадии реформирования правового регулирования сферы обращения с ТКО необходимо внедрять научные подходы

к управлению данной сферой, в частности, применение ресурсного подхода, который позволяет оценить степень вовлеченности отходов в переработку и их ресурсный (экономический) потенциал. Особенности рассматриваемого региона в плане обращения с отходами сводятся к их захоронению на полигонах и свалках, низкой степени переработки и энергетической утилизации, а также к наличию значительного научного потенциала, который на данный момент не реализован полноценно. В этой связи авторами был предложен механизм реализации ресурсного подхода на территории НСО, который наглядно представлен на рисунке 2. Данный механизм отражает возможность выхода из замкнутого круга привычного захоронения ТКО и перехода к оценке их ресурсного потенциала для развития экономики региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Отходы в России: мусор или ценный ресурс? сценарии развития сектора обращения с твердыми коммунальными отходами // Итоговый отчет: Консультативные программы IFC в Европе и Центральной

Азии. Программа по стимулированию инвестиций в ресурсоэффективность. URL: [http://biotech2030.ru/wp-content/uploads/2018/04/Othody-v-RF.pdf/](http://biotech2030.ru/wp-content/uploads/2018/04/Othody-v-RF.pdf) (дата обращения: 10.10.2020).

2. Об утверждении территориальной схемы обращения с отходами, в том числе с твердыми коммунальными отходами, Новосибирской области: постановление Правительства Новосибирской области от 26.09.2016 № 292-п. URL: <http://docs.cntd.ru/document/465714347/> (дата обращения: 10.10.2020).

3. Усикова О. В., Петрова Н. В., Федорова А. В. Обоснование ресурсного подхода в управлении отходами на территории Российской Федерации // Экономика Профессия Бизнес. 2020. № 3. С. 89–97. DOI: 10.14258/epb201991

4. Об утверждении государственной программы Новосибирской области «Развитие системы обращения с отходами производства и потребления в Новосибирской области»: постановление Правительства Новосибирской области от 19 января 2015 года № 10-п. URL: <http://docs.cntd.ru/document/465710219/> (дата обращения: 10.10.2020).

5. Татаренко В. И., Петрова Н. В., Лоницкая Д. Н. Мусорная реформа: новые подходы к формированию и возникающие проблемы // Московский экономический журнал. 2020. № 6. С. 169–182. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/musornaya-reforma-novye-podhody-k-formirovaniyu-i-voznikayuschie-problemy/> (дата обращения: 10.10.2020).

6. Развитие системы обращения с отходами производства и потребления в Новосибирской области на очередной 2019 год и плановый период 2020 и 2021 годов: приложение к приказу министерства жилищно-коммунального хозяйства и энергетики Новосибирской области от 03.06.2019 № 109. URL: <http://mjkh.nso.ru/page/2841/> (дата обращения: 10.10.2020).

7. Об утверждении нормативов накопления твердых коммунальных отходов на территории Новосибирской области: приказ департамента по тарифам Новосибирской области от 20.10.2017 № 342-ЖКХ. URL: <https://base.garant.ru/47520482/> (дата обращения: 10.10.2020).

8. Владимирова Я. А., Кожукар Е. В., Луми А. Н., Опарина А. М. Перспективы энергетического использования твердых коммунальных отходов в крупных городах // Вестник КГЭУ. 2017. № 4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-energeticheskogo-ispolzovaniya-tverdyh-kommunalnyh-othodov-v-kрупnyh-gorodah/> (дата обращения: 12.10.2020).

9. Шмаков А. Г., Чернов А. А., Князьков Д. А., Коробейничев О. П., Козлов В. В., Литвиненко Ю. А., Катасонов М. М., Грек Г. Р. Исследование эффективности многоструйной горелки с различной подачей газа при диффузионном горении // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Физика. 2013. № 8 (2). С. 124–127.

10. Нейросеть для сортировки мусора разработали в Новосибирске // Экофера: Всероссийская газета об экологии. URL: <https://ecosphere.press/2020/10/02/nejroset-dlya-sortirovki-musora-razrabotali-v-novosibirsk/> (дата обращения: 10.10.2020).

11. Цховребов Э. С. Формирование региональных стратегий управления обращением с вторичными ресурсами // Вестник МГСУ. 2019. Т. 14. Вып. 4. С. 450–463. DOI: 10.22227/1997-0935.2019.4.450-463

12. Методические рекомендации МР 3.1/2.1.0205–20 «Рекомендации по профилактике новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в образовательных организациях высшего образования». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74361485/> (дата обращения: 10.10.2020).

13. Баркан М. Ш., Маховиков А. Б., Кабанов Е. И. Современные технологии управления отходами производства и потребления при функционировании горно-промышленных агломераций // Записки Горного института. 2014. Т. 207. С. 164–167. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tehnologii-upravleniya-othodami-proizvodstva-i-potrebleniya-pri-funktsionirovanii-gorno-promyshlennyh-aglomeratsiy/> (дата обращения: 10.10.2020).

REFERENCES

1. Waste in Russia: garbage or a valuable resource? scenarios for the development of the municipal solid waste management sector // Final report: IFC Advisory programs in Europe and Central Asia. Program to encourage investment in resource efficiency. URL: [http://biotech2030.ru/wp-content/uploads/2018/04/Othody-v-RF.pdf/](http://biotech2030.ru/wp-content/uploads/2018/04/Othody-v-RF.pdf) (date of access: 10.10.2020).

2. On approval of the territorial waste management scheme, including solid municipal waste, of the Novosibirsk region: resolution Of the government of the Novosibirsk region No. 292-p of 26.09.2016. URL: <http://docs.cntd.ru/document/465714347/> (date of access: 10.10.2020).

3. Usykova O. V., Petrova N. V., Fedorova A. V. Justification of the resource approach in waste management on the territory of the Russian Federation // *Economics Profession Business*. 2020. No. 3. Pp. 89–97. DOI: 10.14258/epb201991
4. On approval of the state program of the Novosibirsk region «Development of the waste management system of production and consumption in the Novosibirsk region»: resolution of the government of the Novosibirsk region of January 19, 2015 No. 10-p. URL: <http://docs.cntd.ru/document/465710219/> (date of access: 10.10.2020).
5. Tatarenko V. I., Petrova N. V., Lonitskaya D. N. Garbage reform: new approaches to formation and emerging problems // *Moscow economic journal*. 2020. No. 6. Pp. 169–182. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/musornaya-reforma-novye-podhody-k-formirovaniyu-i-voznikayuschie-problemy/> (date of access: 10.10.2020).
6. Development of the production and consumption waste management system in the Novosibirsk region for the next 2019 and the planning period of 2020 and 2021: appendix to the order of the Ministry of housing and utilities and energy of the Novosibirsk region dated 03.06.2019 No. 109. URL: <http://mjkh.nso.ru/page/2841/> (date of access: 10.10.2020).
7. On approval of standards for the accumulation of solid municipal waste in the Novosibirsk region: order of the Novosibirsk region tariff Department No. 342-housing and utilities dated 20.10.2017. URL: <https://base.garant.ru/47520482/> (date of access: 10.10.2020).
8. Vladimirov Ya. A., Kozhukar E. V., Lumi A. N., Oparina A. M. Prospects for energy use of solid municipal waste in large cities // *Bulletin of the Kazan state power engineering University*. 2017. No. 4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-energeticheskogo-ispolzovaniya-tverdyh-kommunalnyh-othodov-v-kрупnyh-gorodah/> (date of access: 10.10.2020).
9. Shmakov A. G., Chernov A. A., Knyazkov D. A., Korobeinichev O. P., Kozlov V. V., Litvinenko Yu. A., Katasonov M. M., Grek G. R. Effectiveness Investigation of Multijet Burner with Different Inlet Gas at Diffusion Combustion // *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Physics*. 2013. No. 8 (2). Pp. 124–127.
10. Neural Network for sorting garbage developed in Novosibirsk // *Ecosphere: all-Russian newspaper about ecology*. URL: <https://ecosphere.press/2020/10/02/nejroset-dlya-sortirovki-musora-razrabotali-v-novosibirske/> (date of access: 10.10.2020).
11. Tskhovrebov E. S. Formation of regional strategies for managing the treatment of secondary resources // *MGSU Bulletin*. 2019. Vol. 14. Issue 4. Pp. 450–463. DOI: 10.22227/1997–0935. 2019.4.450–463
12. MP Guidelines 3.1/2.1.0205–20 «Recommendations for the prevention of new coronavirus infection (COVID-19) in higher education institutions». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74361485/>
13. Barkan M. Sh., Makhovikov A. B., Kabanov E. I. Modern technologies of waste management of production and consumption in the functioning of mining and industrial agglomerations // *Notes of the Mining Institute*. 2014. Vol. 207. Pp. 164–167. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tehnologii-upravleniya-othodami-proizvodstva-i-potrebleniya-pri-funktsionirovanii-gorno-promyshlennyh-aglomeratsiy/> (date of access: 10.10.2020).

Поступила в редакцию: 02.11.2020

Принята к печати: 29.01.2021

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПАРТИЦИПАТОРНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Н. А. Шевчук, А. В. Ивлева

Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)

Перспективным направлением решения проблем улучшения жизни на селе является реализация проекта поддержки местных инициатив, который является наиболее распространенной и востребованной практикой инициативного бюджетирования на всей территории Российской Федерации. Теоретической базой партиципаторного бюджетирования является республиканская теория организации общества и партиципаторной демократии, предполагающая децентрализованное коллективное принятие решений, оказывающих влияние на жизнь сообщества. В статье рассмотрена история развития партиципаторного бюджетирования в мире, РФ и Алтайском крае в частности, дана характеристика применяемой процедуры инициативного бюджетирования, а также проведен анализ реализации проекта поддержки местных инициатив на примере Косихинского района Алтайского края. Проведенные исследования свидетельствуют о расширении практики реализации ПИМИ в Алтайском крае. Но уже на данном этапе авторы отмечают необходимость совершенствования отношений между участниками проекта и предлагают с этой целью использование опыта реализации адаптированной методологии, разработанной Европейским университетом в Санкт-Петербурге и Комитетом гражданских инициатив в городах Череповце (Вологодская область) и Сосновом Бору (Ленинградская область).

Ключевые слова: партиципаторное (инициативное) бюджетирование, партиципаторная демократия, проект поддержки местных инициатив, гражданский контроль, низовая демократия.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF PARTICIPATORY BUDGETING IN THE ALTAI REGION

N. A. Shevchuk, A. V. Ivleva

Altai State Agricultural University (Barnaul, Russia)

A promising direction for solving the problems of improving life in rural areas is the implementation of the Local Initiatives Support Project, which is the most common and popular practice of initiative budgeting on the whole territory of Russian Federation.

The theoretical basis of participatory budgeting is the republican theory of the organization of society and participatory democracy, which assumes a decentralized collective decision-making that affects the life of the community.

The article considers the history of the development of participatory budgeting in the world, the Russian Federation and the Altai Region in particular, describes the applied procedure of initiative budgeting, and analyzes the implementation of the Local Initiatives Support Project on the example of the Kosikhinsky district, Altai Region.

The performed researches indicate the expansion of the practice of realization the LISP in the Altai Territory.

But already at this stage the authors note the need to improve relations between the project participants and suggest using the experience of implementing the adapted methodology developed by the European University in St. Petersburg and the Committee of Civil Initiatives in the cities of Cherepovets (Vologda region) and Sosnovy Bor (Leningrad region) for this purpose.

Keywords: participatory budgeting, participatory democracy, local initiative support project, civil control, grassroots democracy.

Развитие сельских территорий Алтайского края в настоящий момент ограничено рядом проблем. Среди них важное место занимают проблемы разработки проектов мероприятий, направленных на улучшение жизни села и проблемы финансирования этих проектов. Перспективным направлением в решении выявленных проблем, на наш взгляд, является реализация Проекта поддержки местных инициатив (далее — ППМИ). Сегодня ППМИ является наиболее распространенной и востребованной практикой инициативного бюджетирования на всей территории Российской Федерации. В свете этого особую актуальность приобретают вопросы расширения и совершенствования опыта применения ППМИ в практике всех регионов РФ, в том числе Алтайского края.

Под инициативным (партиципаторным) бюджетированием понимается форма непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления путем выдвижения инициатив по целям расходования определенной части бюджетных средств.

Теоретической базой партиципаторного бюджетирования является республиканская теория организации общества и партиципаторной демократии (демократии участия), предполагающая децентрализованное коллективное принятие решений, оказывающих влияние на жизнь сообщества. В рамках партиципаторного бюджетирования отдельные граждане, не входящие в состав представительных (законодательных) органов власти, получают доступ к распределению бюджетных средств [1, с. 39].

Граждане, вовлекаемые в процесс принятия решений, получают навыки участия в общественной жизни, становятся более ответственными в использовании общественных благ. При этом действия властей становятся более прозрачными и эффективными.

Концепция инициативного бюджетирования впервые получила реализацию в Бразилии в 1989 г. Ее основная идея состояла в вовлечении граждан в процесс распределения средств и принятия решений на местном уровне. Основные принципы осуществления партиципаторного бюджетирования состояли в следующем:

1. Принцип нисовой демократии, подразумевающий выбор приоритетов и определение политики муниципальными властями с привлечением в этот процесс местного населения.

2. Принцип социальной справедливости, согласно которому распределение средств для того или другого района осуществляется с учетом местных приоритетов, принимая во внимание численность жителей, особенности инфраструктуры.

3. Принцип гражданского контроля, позволяющий снизить возможные злоупотребления со стороны властей и обеспечивающий реализацию авторского замысла в первоизданном виде, без искажений.

Следует отметить, что вышеуказанная концептуальная модель имела важный недостаток. Заостряя внимание на краткосрочных проблемах и проектах для их разрешения, из внимания упускались проблемы стратегического развития.

В дальнейшем опыт Бразилии в плане партиципаторного бюджетирования был перенят и использован по всему миру. Но учитывая особенности отдельных территориальных образований (экономические, законодательные, культурные), он реализовался неодинаково.

В Европе первые попытки по его применению начали осуществляться в середине 90-х гг. В настоящее время насчитывается более 1300 случаев реализации практики партиципаторного бюджетирования в более чем 100 городах, при этом вовлеченными в этот процесс оказались около 8 миллионов европейцев.

В РФ опыт применения партиципаторного бюджетирования начинает свою историю с 2007 г. Именно в этом году в Ставропольском крае Россия совместно со Всемирным Банком начала реализацию Программы поддержки местных инициатив и Федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий». Впоследствии, к этой программе присоединились Кировская, Тверская, Нижегородская области, Хабаровский край, Республики Башкортостан, Северная Осетия-Алания, Саха-Якутия. Практика реализации ППМИ в данных регионах состояла в предоставлении субсидий на финансирование совместных проектов населения и местных администраций, направленных на решение проблем, выявленных самим населением [2].

В Алтайском крае с 2016 г. реализуется «Проект развития (создания) общественной инфраструктуры, основанный на местных инициативах (Проект поддержки местных инициатив)» — государственная краевая программа, направленная на содействие в решении вопросов местного значения с непосредственным участием населения. Принимая участие в данной программе, жители на общем собрании определяют объект, перечень необходимых работ, контролируют ход реализации проекта и расходования денежных средств, что позволяет решать важные для сельского населения проблемы, связанные с ремонтом и благоустройством объектов общественной инфраструктуры [3 с. 50].

Вопросами инициативного бюджетирования в Алтайском крае занимаются:

— Министерство финансов Алтайского края — орган исполнительной власти;

— Центр инициативного бюджетирования КАУ «Алтайский центр финансовых исследований» — проектный центр [4].

В 2019 г. было реализовано 213 проектов в 49 муниципальных районах и двух городских округах общей стоимостью 187,7 млн руб. Объем субсидий из краевого бюджета составил 127,3 млн руб., что соответствует 68% общего бюджета проектов. Размер финансирования местных бюджетов — 35 млн руб. (19%), населения — 15,4 млн руб. (8%), юридических лиц — 10 млн руб. (5%) [5].

Процедура инициативного бюджетирования начинается с выбора объекта, в качестве которого могут выступать объекты благоустройства, культуры, библиотечного обслуживания, ЖКХ, водоснабжения, объекты, используемые для проведения общественных и культурно-массовых мероприятий, дороги и сооружения на них, детские площадки, места захоронения, объекты для обеспечения первичных мер пожарной безопасности, объекты туризма, физической культуры и спорта, бытового обслуживания, места массового отдыха населения [6, 7].

Затем разрабатывается проект, который в дальнейшем участвует в конкурсе. Победа в конкурсе гарантирует проекту бюджетную субсидию

в размере до 1 млн руб. на его реализацию. Конкурс осуществляется посредством голосования жителей муниципального образования. Жители свою заинтересованность проявляют не только в выборе объекта, но и софинансируя не менее 5% от общей стоимости проекта.

Алтайский край является одним из субъектов РФ, который создал собственную систему сопровождения реализации ППМИ через информационную платформу [8].

В 2018 г. был разработан интернет-портал для наглядности и удобства реализации ППМИ, сопровождения конкурсной процедуры. Актуальность этой меры подтверждает тот факт, что в Алтайском крае выделяются 59 муниципальных районов, 10 городских округов, 7 городских поселений и 641 сельское поселение, рассредоточенных по площади около 168 тыс. км².

Косихинский район — один из 59 муниципальных районов, расположенный в юго-восточной части Алтайского края, в непосредственной близости с краевым центром городом Барнаулом. В его состав входят 11 населенных пунктов.

В 2018 г. жители села Полковниково впервые приняли участие в ППМИ с проектом ремонта дома культуры на сумму 970621 руб. (табл. 1).

Таблица 1

Победители конкурсного отбора ППМИ Косихинского района

№	Наименование проекта	Год	Муниципальный район, населенный пункт	Общая стоимость проекта, руб.
1	Ремонт дома культуры	2018	село Полковниково	970 621
2	Ремонт дома культуры	2019	село Контошино	1 035 953
3	Ремонт дорог	2019	село Глушинка	551 466
4	Обустройство спортивно-игрового комплекса	2019	село Полковниково	872 000
5	Ремонт дорог	2020	поселок Украинский	876 304
6	Ремонт дома культуры	2020	село Плотниково	910 460
7	Ремонт дорог	2020	станция Баюново	677 140
8	Благоустройство кладбища	2020	село Верх-Жилино	952 856
9	Ремонт дома культуры	2020	село Глушинка	965 130
10	Ремонт дорог	2020	село Полковниково	1 215 000
ИТОГО				9 026 930

В 2019 г. подобных проектов было уже три в селах Контошино, Глушинка и Полковниково. Рост общего объема финансирования разработанных проектов за год составил 253%. Положительный опыт участия в ППМИ не остался без внимания. В 2020 г. в конкурсном отборе проектов победителями оказались уже 5 населенных пунктов района (п. Украинский, с. Плотниково, ст. Баюново, с. Верх-Жилино, с. Глушинка и с. Полковниково).

Анализ источников финансирования, привлеченных для реализации указанных проектов, показал, что основное место среди них занимают средства краевого бюджета. В среднем за три рассматриваемых года на их долю приходится около 76% (рис. 1). При этом структурная динамика указывает на рост доли финансирования из краевого бюджета.

Рис. 1. Структурная динамика источников финансирования проектов, %

Средства, выделяемые из местных бюджетов, колеблются на уровне 11%. Заметно сокращается доля участия юридических лиц в финансировании.

Более детальный анализ вклада юридических лиц в финансирование местных инициатив показал, что основная доля в нем приходится на общества с ограниченной ответственностью (в среднем за 3 года 49,94%). Активность участия юридических лиц различных организационно-правовых форм неодинакова на протяжении рассматриваемого периода (рис. 2).

Индивидуальные предприниматели, профинансировавшие 87% первого проекта в 2018 г., сократили процент своего участия до 18,7% в 2020 г. Напротив, доля участия обществ с ограниченной ответственностью выросла более чем в 2 раза. Крестьянские и фермерские хозяйства участвовали лишь в финансировании 2 проектов, выделив на эти цели 25 тыс. руб.

Сравнительной оценки также требует целевое назначение одобренных проектов местных инициатив (рис. 3).

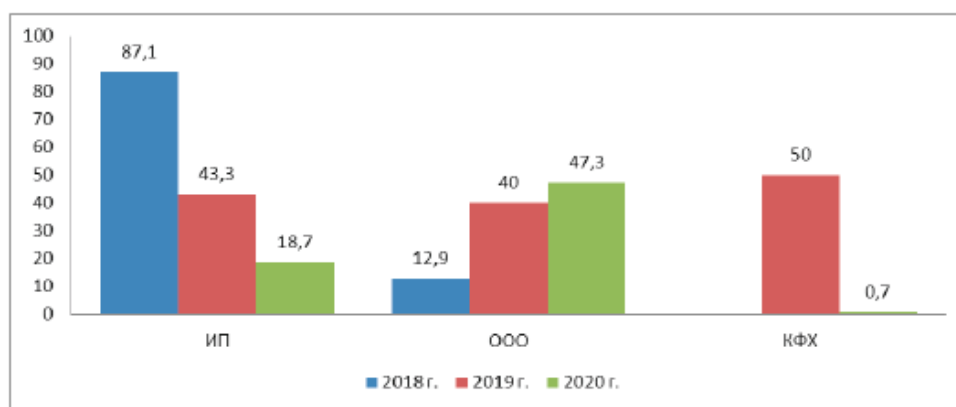

Рис. 2. Структурная динамика участия юридических лиц в финансировании местных инициатив, %

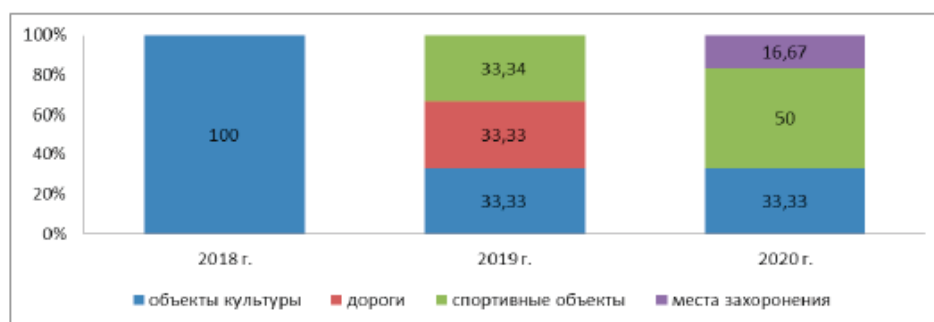

Рис. 3. Тематическая структура инициативных проектов

Жители Косихинского района в качестве приоритетных объектов для ремонта и обустройства выбирают объекты культуры. На реализацию проектов с ними связанных за 3 года было выделено 3882164 руб. совместного финансирования. Бюджет расходов на ремонт дорог за этот же период составил 3319910 руб., на благоустройство кладбища — 952856 руб., на обустройство спортивных объектов — 872000 руб.

Для оценки эффективности проведенной работы по реализации ППМИ анализу подвергалась динамика числа благополучателей от всех реализованных проектов (рис. 4). Согласно данным рисунка количество прямых благополучателей (жители села, района) за 3 года выросло почти в 10 раз, а косвенных (гости села, района) — почти в 3 раза.

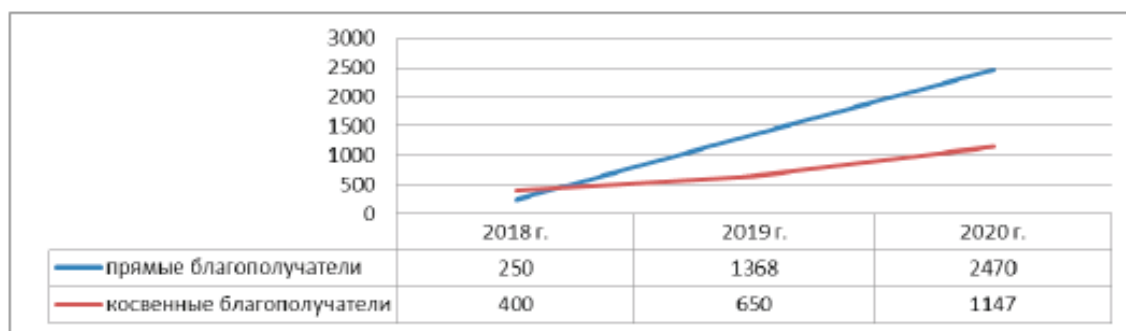

Рис. 4. Динамика благополучателей от реализации инициированных проектов

Также был рассчитан показатель бюджетной поддержки в денежном выражении на 1 человека. В 2018 г. при общей стоимости проекта 970621 руб. бюджетная поддержка составила 1475,11 руб. на 1 человека. В 2020 г. этот показатель вырос до 1989,65 руб. при общей стоимости проектов 5594890 руб. Но при этом следует отметить сокращение активности населения, принявшего участие в обсуждении и принятии решения о реализации проектов. Если в 2018 г. в обсуждении и уточнении проекта участвовали 135 человек, то в 2020 г. среднее количество участников обсуждения проекта сократилось практически вдвое. Причиной тому, на наш взгляд, является сложная эпидемиологическая обстановка в крае.

Подводя итог проведенных исследований, отметим, что практика реализации ППМИ в Алтайском крае расширяется, способствуя тем самым решению серьезных социальных проблем за счет объединения ресурсов краевого бюджета, бюджетов муниципальных образований, а также ресурсов юридических лиц и населения. Ключевым моментом в подобно рода отношениях является социальная активность населения, его заинтересованность в повышении уровня и качества жизни своего муниципального образования.

Но уже на данном этапе реализация ППМИ требует совершенствования отношений между участниками проекта. На наш взгляд, целесообразным является разработка так называемой «дорожной карты» по внедрению партиципаторного бюджетирования в крае, под которой подразумевается план

необходимых мероприятий. Координатором этой работы должно стать Министерство финансов Алтайского края. Органам местного самоуправления должна быть отведена роль по разработке и принятию нормативно-правовых документов, утверждающих «дорожные карты» по внедрению партиципаторного бюджетирования в каждом районе [9].

Указанный план мероприятий, сформированный на определенном уровне, должен включать в себя наименование основных этапов запланированной работы (например, этап разработки нормативно-правовой базы, информационно-разъяснительный этап, этап сбора инициатив, конкурсный этап, этап финансирования, этап реализации проектов, отчетный этап). В рамках каждого этапа необходимо запланировать конкретные мероприятия, назначить ответственных лиц и определить сроки выполнения работы.

С целью совершенствования процесса реализации ППМИ считаем также возможным использование на территории Алтайского края опыта реализации адаптированной методологии, разработанной Европейским университетом в Санкт-Петербурге и Комитетом гражданских инициатив в городах Череповце (Вологодская область) и Сосновом Бору (Ленинградская область) [2]. Согласно данной методологии граждане участвуют в частичном распределении бюджета, а не в освоении грантов. Участие граждан в распределении бюджетных средств предполагает несколько этапов.

Первый этап — привлечение местных жителей к участию в проекте посредством активной рекла-

мы. До граждан необходимо донести идею важности проводимого мероприятия и сформировать уверенность в рациональности потраченного времени.

Второй этап направлен на выбор ограниченной инициативной группы участников — бюджетной комиссии, которые будут принимать непосредственное участие в вопросе распределения средств. Это позволит построить максимально эффективное коммуникационное взаимодействие внутри группы и с местными властями. Выбор участников бюджетной комиссии осуществляется посредством жеребьевки, в ходе которой все имеют равные права. Для обеспечения возможности замены членов бюджетной комиссии из активных граждан может быть создана резервная комиссия (аналогичным образом).

Третий этап призван служить «школе гражданского воспитания». В ходе него участники бюджетной и резервной комиссии встречаются с местными чиновниками и экспертами, знакомятся с принципами работы власти, особенностями формирования бюджета, городской архитектуры. Эта работа направлена на повышение экономической и юридической грамотности членов инициативной группы и качества их инициатив.

Четвертый этап предполагает проведение регулярных заседаний бюджетной комиссии, с обсуждение своих инициатив, критикой и работой по их улучшению.

Пятый этап состоит в передаче разработанных инициатив на экспертизу в соответствующие органы власти или рабочие группы при администрации, которые оценивают проекты с точки зрения их целесообразности и соответствия существующим полномочиям.

Шестой этап — это определение приоритетных проектов путем голосования членов бюджетной комиссии.

Седьмой этап направлен на реализацию проектов, победивших в голосовании за счет финансирования в рамках выделяемого бюджета. Ответственность за их исполнение несут местные власти. А на участников бюджетной комиссии ложится контроль за ходом работ и их соответствием первоначальному замыслу.

На наш взгляд, упорядочение отношений в ходе инициативного бюджетирования подобным образом позволит повысить их качество и эффективность в Алтайском крае.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Sintomer I., Herzberg C., Röcke A., Allegretti G. Transnational models of citizen participation: the case of participatory budgeting // Dias N. Hope for Democracy — 25 years of Participatory Budgeting Worldwide. April 2014. Pp. 28–46.
2. Партиципаторное бюджетирование. Часть первая: теоретическая. 20 марта 2019. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5b6c8361f24acf00ac433e03/participatornoe-biudjetirovanie-chast-pervaia-teoreticheskia-5c91fe9a09599b00b2d96c14/> (дата обращения: 17.12.2020).
3. Романов С. В. и др. Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях / Министерство финансов Российской Федерации. М., 2020. 80 с.
4. Постановление Правительства Алтайского края от 29 октября 2019 года № 423 «Об утверждении государственной программы Алтайского края «Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами». URL: <http://docs.cntd.ru/document/561593189/> (дата обращения: 14.01.2021).
5. Официальный сайт Алтайского края. Губернатор Виктор Томенко подписал распоряжение о распределении средств на поддержку местных инициатив в Алтайском крае. URL: https://www.altairregion22.ru/region_news/gubernator-viktor-tomenko-podpisal-rasporiazhenie-o-raspredelenii-sredstv-na-podderzhku-mestnyh-initsiativ-v-altaiskom-krae_762164.html?sphrase_id=1233903/ (дата обращения: 14.01.2021).
6. Приказ Министерства финансов Алтайского края от 08 апреля 2019 года № 20-н «Об утверждении требований к конкурсному отбору». URL: <http://docs.cntd.ru/document/553239894/> (дата обращения: 14.01.2021).
7. Приказ Министерства финансов Алтайского края от 28 января 2020 года № 2-н «Об утверждении требований к конкурсному отбору проектов развития (создания) общественной инфраструктуры, основанных на местных инициативах». URL: <http://docs.cntd.ru/document/561717435/> (дата обращения: 14.01.2021).
8. Информационная платформа. Проект поддержки местных инициатив в Алтайском крае. URL: www.altajpreddlagaj.rf (дата обращения: 15.11.2020).

9. Об утверждении Плана мероприятий («дорожная карта») по внедрению инициативного бюджетирования в Республике Калмыкия на период 2018–2019, Распоряжение Правительства Республики Калмыкия от 4 июля 2018 года № 202-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550147814> (дата обращения: 15.11.2020).

REFERENCES

1. Sintomer I., Herzberg C., Röcke A., Allegretti G. Transnational models of citizen participation: the case of participatory budgeting // Dias N. Hope for Democracy — 25 years of Participatory Budgeting Worldwide. April 2014. Pp. 28–46.

2. Participatory budgeting. Part One: Theoretical. 20 March 2019. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5b6c8361f24acf00ac433e03/participatornoe-biudjetirovanie-chast-pervaia-teoreticheskaia-5c91fefa09599b00b2d96c14/> (date of access: 17.12.2020).

3. Romanov S. V. et al. Report on the best practices in the development of initiative budgeting in the subjects of the Russian Federation and municipalities. M., 2020. 80 p.

4. Resolution of the Government of the Altai region dated October 29, 2019 No. 423 «On approval of the state program of the Altai Region «Creating conditions for effective and responsible management of regional and municipal finances». URL: <http://docs.cntd.ru/document/561593189/> (date of access: 14.01.2021).

5. Official website of the Altai Region. Governor Viktor Tomenko signed an order on the distribution of funds to support local initiatives in the Altai Region. URL: https://www.altairregion22.ru/region_news/gubernator-viktor-tomenko-podpisal-rasporyazhenie-o-raspredelenii-sredstv-na-podderzhku-mestnyh-initsiativ-v-altaiskom-krae_762164.html?sphrase_id=1233903/ (date of access: 14.01.2021)

6. Decree of the Ministry of Finance of the Altai Region No. 20-n dated April 08, 2019 «On Approval of Requirements for Competitive Selection». URL: <http://docs.cntd.ru/document/553239894/> (date of access: 14.01.2021).

7. Decree of the Ministry of Finance of the Altai Region No. 2-n dated January 28, 2020 «On approval of requirements for competitive selection of public infrastructure development (creation) projects based on local initiatives». URL: <http://docs.cntd.ru/document/561717435/> (date of access: 14.01.2021).

8. Informational platform. Search of the support of local initiatives in the Altai Region. URL: www.алтай-предлагай.рф (date of access: 15.11.2020).

9. On the approval of the Action Plan (road map) on the implementation of proactive budgeting in the Republic of Kalmykia for the period 2018–2019, the Order of the Government of the Republic of Kalmykia dated July 4, 2018 N 202. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550147814> (date of access: 15.11.2020).

Поступила в редакцию: 04.02.2021.

Принята к печати: 24.02.2021.

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

1. Асанова Арайлым Данаевна, преподаватель Казахского национального университета имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан), e-mail: arailymassanova@gmail.com

2. Ахметова Зауреш Болатхановна, кандидат экономических наук, ассоциированный профессор (доцент) Казахского национального университета имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан), e-mail: zaurebolat@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5157-4659

3. Бабкина Людмила Николаевна, доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: lnbabkina_6@mail.ru

4. Бадриева Алина Давидовна, студент факультета экономики и бизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: badrievaAlina4@gmail.com

5. Беляев Виктор Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: belyaevvi@mail.ru

6. Воронин Сергей Владимирович, кандидат технических наук, доцент кафедры пожарной безопасности технологических процессов и производств Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: wsw1@yandex.ru

7. Габриелян Элла Эдуардовна, специалист по учебно-методической работе кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: ella²_96@mail.ru

8. Глотова Наталья Ивановна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, бухгалтерского учета и аудита Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия), e-mail: niglotova@inbox.ru. ORCID: 0000-0003-0787-9372

9. Ибраимова Сауле Жумагалиевна, кандидат экономических наук, профессор кафедры экономики, учёта и аудита Казахского университета технологий и бизнеса (Нур-Султан, Казахстан), e-mail: saule_ibraimova_kz@mail.ru. ORCID: 0000-0001-6506-2446

10. Ивлева Алена Владимировна, магистрант Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия), e-mail: ivleva.1995@mail.ru

11. Каверзнева Татьяна Тимофеевна, кандидат технических наук, доцент Высшей школы техносферной безопасности Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: kaverztt@mail.ru

12. Капелюк Зоя Александровна, доктор экономических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной экономики АНОО ВО Центросоюза РФ Сибирского университета потребительской кооперации (Новосибирск, Россия), e-mail: zkapelyuk@inbox.ru

13. Капустян Лариса Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: s.kapustyan@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2892-9439

14. Ковалева Ирина Валериевна, доктор экономических наук, профессор кафедры управления Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия), e-mail: irakovaleva20051@rambler.ru. ORCID: 0000-0002-3184-5642

15. Кожаметова Асель Кошербаевна, PhD, старший преподаватель Казахского Национального университета имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан), e-mail: aselekdream@gmail.com. ORCID: 0000-0003-0833-1085

16. Кожевина Ольга Владимировна, доктор экономических наук, заведующий кафедрой цифровых технологий и бизнес-аналитики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: ol.kozhevina@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5347-2253

17. Кудинова Маргарита Геннадьевна, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой финансов, бухгалтерского учета и аудита Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия), e-mail: kudinova_margarita@mail.ru. ORCID: 0000-0002-7053-7968

18. Кузнецова Ольга Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: olgav.kuznecova@yandex.ru

19. Кучеренко Татьяна Викторовна, заведующий отделом дополнительного образования Алтайского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Барнаул, Россия), e-mail: irakovaleva20051@rambler.ru

20. Лухманова Гульнар Койшыбаевна, кандидат экономических наук, и. о. ассоциированного профессора Жетысуского университета имени И. Жансугурова (Талдыкорган, Казахстан), e-mail: irada_010109@mail.ru

21. Мищенко Инна Витальевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: mis.iv@mail.ru. ORCID: 0000-0002-6871-6668

22. Мусиенко Светлана Олеговна, кандидат экономических наук, старший преподаватель департамента корпоративных финансов и корпоративного управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: som090788@yandex.ru

23. Ореховский Петр Александрович, доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором философии и методологии экономической науки, главный научный сотрудник Института экономики РАН; главный научный сотрудник департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: orekhovskypa@mail.ru

24. Павленко Виктория Сергеевна, студент факультета экономики и бизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: vikapavlenko21@gmail.com

25. Перекаренкова Юлия Александровна, научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), e-mail: perekarenkova@mail.ru. ORCID: 0000-0002-9572-3716

26. Петрова Наталья Владимировна, кандидат технических наук, доцент кафедры техносферной безопасности Сибирского государственного университета геосистем и технологий, доцент кафедры безопасности труда Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия), e-mail: kaf.bgd@ssga.ru

27. Попова Яна Владимировна, аспирант АНОО ВО Центросоюза РФ Сибирского университета потребительской кооперации (Новосибирск, Россия), e-mail: deul_yana@bk.ru

28. Пуричи Виталий Валентинович, кандидат географических наук, доцент кафедры рекреационной географии, сервиса, туризма и гостеприимства Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: purici@outlook.com

29. Родионова Людмила Васильевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), e-mail: lvrieie@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2343-2466

30. Сенченко Владимир Александрович, ведущий специалист по охране труда Волгоградского филиала ПАО «Ростелеком» (Волгоград, Россия), e-mail: vladimir.Senchenko1973@gmail.com. ORCID: 0000-0002-7502-386X

31. Сергиенко Алие Мустафаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), e-mail: a.m.sergienko@mail.ru. ORCID: 0000-0002-8615-7329

32. Скотаренко Оксана Вячеславовна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, управления и предпринимательского права Мурманского арктического государственного университета (Мурманск, Россия), преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии материально-технического обеспечения им. Генерала Армии А. В. Хрулева (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: ksen-13@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5255-5564

33. Скрипник Игорь Леонидович, кандидат технических наук, профессор кафедры пожарной безопасности технологических процессов и производств Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: ig.skripnick2011@yandex.ru

34. Стрижкина Валентина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета, (Барнаул, Россия), e-mail: strizhkina_iv@mail.ru

35. Стрижкина Ирина Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: strizhkina_iv@mail.ru

36. Сундеева Марина Александровна, инженер Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), e-mail: sundeevamarina@yandex.ru

37. Титков Алексей Анатольевич, кандидат экономических наук, профессор кафедры экономики Торайгыров университета (Павлодар, Казахстан), e-mail: alexey-pvl@mail.ru. ORCID: 0000-0001-9126-2337

38. Троцкий Александр Яковлевич, доктор социологических наук, заведующий лабораторией социально-экономических исследований Алтайского края Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), профессор кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: trotskovskiy@dc.asu.ru. ORCID: 0000-0002-3233-8570

39. Усикова Оксана Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры техносферной безопасности Сибирского государственного университета геосистем и технологий, доцент кафедры безопасности труда Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия), e-mail: o.v.usikova@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-9564-6220

40. Федорова Алена Васильевна, специалист по охране труда Сибирского государственного университета геосистем и технологий (Новосибирск, Россия). e-mail: alena.fedorova556@gmail.com

41. Шевчук Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия), e-mail: basurman80@mail.ru

42. Юдинцев Алексей Юрьевич, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры цифровых технологий и бизнес-аналитики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: a_yudintsev@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2369-344X

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС»

ARTICLE SUBMISSION GUIDELINES FOR "ECONOMICS PROFESSION BUSINESS"

1. Статья представляется в электронном варианте по адресу: epb@asu.ru:

- Название файла по фамилии автора или первого из авторов.
- Используется одна из последних версий текстового редактора WORD.
- Объем публикации не должен превышать 0,5 п. л. (20 000 знаков с пробелами или примерно 11 страниц, включая список литературы, сведения об авторах и иллюстрации); для кандидатов и докторов наук объем публикаций не должен превышать 1,0 п. л. (40 000 знаков с пробелами или примерно 22 страницы), минимальный объем статьи составляет 0,35 п. л. (14 500 знаков с пробелами или примерно 8 страниц). Таблица или рисунок формата А4 составляет 5 400 знаков с пробелами.
- Публикации принимаются на русском и английском языках.

2. Статьи, поступающие в редколлегию, **проверяются с использованием системы «Антиплагиат»**; авторам рекомендуется перед отправкой проверять свои статьи на степень оригинальности текста.

3. К статье прилагаются:

- рекомендация кафедры (научного семинара кафедры) отсканированная в цвете (по возможности);
- письмо-согласие с заверенной подписью (подписями) автора (авторов) статьи, отсканированные в цвете.
- для аспирантов обязательным документом является справка об обучении в аспирантуре.

4. Структура статьи:

- индекс УДК, который проставляется в левом верхнем углу первой страницы рукописи;
 - название статьи;
 - инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на русском языке (например, И. И. Иванов, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия));
 - аннотация на русском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Аннотация» не используется), ключевые слова к публикации на русском языке (от 5 до 10 слов);
 - название статьи на английском языке;
 - инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на английском языке (например, I. I. Ivanov, Altai State University (Barnaul, Russia));
 - аннотация на английском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Abstract» не используется), ключевые слова к публикации на английском языке (Keywords, от 5 до 10 слов);
 - собственно текст статьи;
 - библиографический список;
 - references;
 - таблицы с заголовками;
 - рисунки с подписями;
 - сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, ученая степень, должность, место работы, телефон для связи), адрес с указанием почтового индекса, электронный адрес (e-mail) и ORCID ID (при наличии).
-

5. Для основных текстов на английском языке сначала указываются название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова к публикации на английском языке, затем все то же самое на русском языке.

6. По содержанию в тексте должны присутствовать:

- вводная часть (введение), содержащая обзор современных публикаций по данной тематике, в том числе зарубежных авторов, и четко формулирующая актуальность и цель работы;
- описание методов и методик проводимого исследования;
- полученные результаты и их обсуждение;
- заключительная часть (заключение) с выводами по работе.

7. Требования к тексту, представленному в WORD:

- формат А4 (21x30 см);
- используемые версии текстового редактора — MSWord 2003 и выше (таблицы и рисунки — MSWord, MSExcel, CorelDraw 12, 13);
- интервал между строками — 1,5;
- шрифт — гарнитура Times New Roman;
- размер шрифта — 14 кегль;
- все поля по 2 см;
- текст неформатированный;
- текст должен быть разбит на абзацы, абзацный отступ 1,25 см;
- без переносов;
- возможно выделение текста шрифтами (жирный, курсив);
- возможно употребление спецсимволов (% и др.).

8. Библиографический список кириллицей оформляется следующим образом:

а) статьи в периодических изданиях:

Ермолина Л. Т. Откуда у парня афганская грусть? // Алтайская правда. 2001. №2. С. 2–5.

б) монографии, учебники и учебные пособия:

Антонян Ю. М. Преступность в федеральных округах России: монография. М., 2012. С. 117;

в) сборники статей и труды конференций:

Кубишин Е. С. Гендерные проблемы занятости и рынка труда Москвы // Гуманитарные, экономические и правовые проблемы современного общества: сб. науч. трудов / под общ. ред. В. Хозова. М., 2014. С. 72–87;

г) электронные источники:

Гужвенко Ю. Н. В Алтайском крае активно действует казахская диаспора. URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5196/> (дата обращения: 05.10.2018).

Гиперссылку необходимо всегда заканчивать знаком «/».

д) ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

е) если для цитируемого источника существует DOI (Digital Object Identifier), его следует указывать в конце источника после точки в следующем виде: DOI: префикс/суффикс (например: DOI: 10.14258/izvasu (2014) 1.1–01).

Ссылки на цитируемую литературу даются в тексте цифрами в квадратных скобках, здесь же указываются цитируемые страницы: [1, с. 15; 2, с. 45]. Сам список литературы под заголовком «Библиографический список» приводится после основного текста в порядке цитирования (один пункт списка — одно наименование). Один и тот же источник в библиографическом списке указывается один раз, в тексте статьи при повторной ссылке указывается в квадратных скобках номер, который использовался первый раз.

При оформлении списка литературы на английском языке учитывать порядок библиографического списка. Список литературы на английском языке оформлять под заголовком «References».

9. Требования к рисункам (схемам, графикам, диаграммам) и таблицам:

- рисунки должны иметь подписи;
- таблицы должны иметь заголовки;
- сокращения должны быть объяснены;
- сканированные изображения не принимаются;
- размер шрифта в рисунках и таблицах — не менее 10 кегля;
- не допускается использование заливки, цвет контуров — черный.

10. Библиографический список должен содержать, как правило, не менее 10 источников, содержащих ссылки как на отечественные, так и на зарубежные монографии и статьи в ведущих научных журналах.

11. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (в том числе изменять заголовки и сокращать тексты) без согласования с авторами и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки. При соответствующей доработке статья может быть опубликована. Отклоненные редколлегией журнала статьи авторам не возвращаются.

Контакты

Публикацию, оформленную по всем правилам, необходимо выслать на адрес редакционной коллегии: erpb@asu.ru

Адрес редколлегии:

656049, г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68, к. 113

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

2021. № 1

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № РС77-77154 от 10 декабря 2019

Литературный редактор *С. И. Тесленко*

Подготовка оригинал-макета *О. В. Майер*

Подписано в печать 10.03.2021.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 16,3. Тираж 500 экз. Заказ 57.

Типография Алтайского государственного университета
656099 Барнаул, ул. Димитрова, 66
